

**ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА И ИЗУЧЕНИЯ
ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ГОРОДОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ**

Сборник научных статей

УФА - 2013

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М.АКМУЛЛЫ**

**ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА И ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ
И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ**

Сборник научных статей

УФА 2013

УДК 324
ББК 24.1
П 21

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Башкирского государственного педагогического университета*

Проблемы поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях. Сборник научных статей. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – 172с.

В статьях, составляющих сборник, рассматриваются спорные вопросы исторической вероятности и обусловленности возникновения урбанистической культуры на Южном Урале в древности и средневековье.

Предназначен для историков, археологов, студентов исторических и социально-гуманитарных факультетов вузов.

Отв. редактор: *Г.Т.Обыденнова, д-р ист. н., проф.*

Редколлегия: *В.А.Иванов, д-р ист. н., проф.;*
Б.А.Азнабаев, д-р ист. н., проф.

ISBN 978-5-87978-855-6

© Изд-во БГПУ, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4
<i>Е.А. Круглов</i> ГОРОДА-ПОЛИСЫ ГРЕКО-ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА	6
<i>А.Р. Подопригора</i> РИМСКИЙ ГОРОД КАК ФЕНОМЕН МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	15
<i>И.Э. Любчанский</i> ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНА ЮЖНОГО УРАЛА: ГОРОД ИЛИ ПОСЕЛЕНИЕ?	28
<i>Чанад Балинт</i> «ПРИОРИТЕТ ВОСТОКА» В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ АВАР, ПРОТОБОЛГАР И ВЕНГРОВ	35
<i>В.С. Флёров</i> ЗАМЕТКИ О ХАЗАРСКИХ И ДРУГИХ «ГОРОДАХ» ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	52
<i>Т.В. Чичко</i> ПУТИ И ПЕРЕВАЛОЧНЫЕ ПУНКТЫ ПРОНИКНОВЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ИМПОРТА НА ТЕРРИТОРИЮ ЮЖНОГО УРАЛА И ПРИКАМЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	75
<i>А.М. Белавин</i> РАННИЙ ЭТАП УРБАНИЗАЦИИ В ПРИКАМЬЕ: ПРОБЛЕМА И РЕШЕНИЯ	85
<i>Д.В. Васильев, Э.Д. Зиливинская</i> К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ	99
<i>В.А. Иванов, И.В. Антонов</i> «ГОРОД БАШКОРТ» И ДРУГИЕ «ГОРОДА БАШКИР» НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТАХ	111
<i>И.В. Антонов</i> КОЛЛЕКЦИИ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (III-VIII вв. н. э.) В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ФОНДАХ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИЭИ УНЦ РАН	133
БИБЛИОГРАФИЯ	150

От редактора

Понятие «проблема» в заглавии настоящего сборника вынесено не случайно. Несколько лет тому назад определенная группа археологов Башкортостана, возглавляемая академиком АН РБ Н.А.Мажитовым, выступила с концепцией наличия определенного урбанистического периода в древней и средневековой истории Башкортостана. Концепцией, основанной на материалах раскопок городища Уфа-II, названного его исследователями – Н.А.Мажитов и его соратники – «городом Башкорт – столицей Древнего Башкортостана». Так в археологии, древней и средневековой истории Башкортостана искусственно была создана «проблема городов» - проблема умозрительная, рассчитанная на заведомо неискушенную ни в археологии, ни в истории аудиторию, и по сути своей – конъюнктурная. Одними из первых на сенсационность концепции «башкирских городов» в эпоху средневековья поддались республиканские СМИ, благодаря которым эта надуманная идея получила широкое распространение и вызвала определенный общественный резонанс. Со временем он стал затухать, поскольку реальных надежных источников, подтверждающих эту концепцию, с каждым годом раскопок на городище Уфа-II становилось все меньше и меньше. Достоверных письменных источников по этой проблеме нет вообще. Но идея была запущена в массы и она периодически всплывает в вопросах учителей истории, студентов, краеведов, в публикациях ее творцов. Последнее вполне естественно. Но также естественно, с позиций методики и методологии исторического познания, было бы рассмотреть ее на широком территориальном фоне, в плане сравнения признаков и компонентов «урбанистической культуры» древнего и средневекового населения на территории современного Башкортостана с аналогичными материалами с других территорий. В первую очередь, включая и те, на которых присутствие древних и средневековых городов считается как бы и аксиомой. С этой целью мы пригласили принять участие в составлении настоящего сборника ведущих специалистов-археологов, занимающихся исследованием древних и средневековых городов (включая и сотрудников археологической лаборатории БашГУ –

основных исследователей городища Уфа-II – которые, правда, на наше приглашение не откликнулись).

Представленные в сборнике статьи отражают взгляды современных историков и археологов на теоретические и методологические проблемы формирования позднеантичных и римских городов (Е.В.Круглов, А.Р.Подопригора) и проблему самой возможности появления урбанистической культуры на Южном Урале (И.Э.Любчанский). Косвенно, но эта же тема затронута в статье венгерского археолога академика Ч.Балинта, посвященной критике преувеличенной, как считает автор, оценки роли восточного фактора в культурогенезе народов Восточной и Центральной Европы – аваров, болгар, венгров. Проблему возникновения и существования городских центров у хазар и племен лесного Прикамья поднимают в своих статьях В.С.Флёров и А.М.Белавин. В статье Т.В.Чичко дается реконструкция вероятных торговых путей, связывавших племена Южного Урала и Прикамья с городскими цивилизациями эпохи раннего средневековья.

Методико-методологический аспект корреляции сведений письменных источников и данных археологии присутствует в статье Д.В.Васильева и Э.Д.Зиливинской, посвященной идентификации Самосдельского городища в дельте Волги.

Завершает сборник статья И.В.Антонова и В.А.Иванова, посвященная источниковедческому анализу сведений письменных источников и археологии, связанных с проблемой трактовки городища Уфа-II как «города Башкорт».

В целом представленный сборник будет полезен как специалистам – историкам и археологам – так и всем читателям, интересующимся проблемой вероятности и возможности присутствия урбанистического этапа в древней и средневековой истории населения Южного Урала.

Г.Т.Обыденнова, д.и.н., профессор.

ГОРОДА-ПОЛИСЫ ГРЕКО-ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА

В современном антиковедении ныне аксиоматично понимание того, что в совокупности множества этно-исторических, геоклиматических, социо-культурных и иных факторов, сыгравших свою роль в процессе становления, расцвета и преємства в последующем наследия античной цивилизации исключительное место занимал город, точнее – полис [Кошеленко, 1983.с. 9,35; ср.: Кузищин, 1990] в его понимании древними эллинами.

Разумеется, он не возник сразу и вдруг *ex nihilo*, из ничего, на каменистой земле древней Эллады. Исторически его корни просматриваются в дворцовых цитаделях III- II тыс. до н.э. Крита, а последние – через протополисы Эгеиды – восходят к городским центрам Ближнего Востока и Западной Анатолии рубежа эпох позднего энеолита и ранней бронзы [Андреев, 1989. с. 84 сл]. Эта «городская революция», как определял её Ч.Чайлд [Childe, 1950], начавшись в силу комплекса объективных факторов ранее всего в Передней Азии, дойдя затем импульсами иррадиации до Эгеиды и Балкан, знаменовала собой изменения качественного плана в жизни древнего населения этого региона. Менялся самый уклад жизни, трансформировалась вся социальная структура общества, а не только внешний облик поселений или численные параметры их населения. Важнее было то обстоятельство, что появление этих городских центров разделило древние социумы как бы на 2 стадии зрелости: одни продолжали оставаться в первобытности, другие же вступали в цивилизацию, определяемую по преимуществу урбанизационным критерием.

Как происхождение, так и функциональная заданность этих ранних городов III тыс. до н.э. могли быть различны: резиденция вождя или центр ремесленной специализации [Childe, 1958. р. 53; Массон, 1977. с.5 - 9], «негородской» политический центр (у майя – [Сое, 1962. р. 66; Березкин, 1977. с. 17 сл; Гуляев, 1984. с. 40, 54]) или же сакральное общезтническое святилище [Дьяконов И.М., 1982. с. 49 сл], а нередко было и сочетание ряда функций, пример чему наглядно дают дворцовые цитадели минойского Крита [Андреев, 2002. с. 117 сл]. Важнее, в любом случае, были не функциональные различия ранних городов (или протогородов), а сама значимость города как такового, т.е. его наличие как критерия в статусном

определении стадии общества – цивилизации [Павленко, 1989. с. 57-58].

Итак, с III тыс. до н.э. города с присущими им атрибутами городской жизни – ремесленный посад, монументально-храмовая архитектура и наличие письменности – начинают определять новый тип социума (городская цивилизация) в диалоге его со стадияльно уступающими позднеродовыми соседями.

Оговоримся при этом, что не всегда у общепризнанных цивилизаций прошлого наличествовал набор «универсальных» трёх признаков цивилизации: город, монументальный храм и письмо. К примеру, у инков долго не было письма, у майя – городов, что заставило К.Ренфрю – оппонента Ч.Чайлда по проблемам ранних городских цивилизаций [Renfrew C., 1972. p. 237 sq] – вносить в концепцию «городской революции» серьезные оговорки по части обязательного набора её качественных характеристик, оставив в их числе письменность и монументально-культурную архитектуру.

Однако и здесь не обошлось без «узких мест», так как у индоариев достаточно долго не было монументальных храмов, сравнимых по масштабам с вавилонскими зиккуратами, а традиционного признака города – оборонительных стен – долго не знали в Двуречье Сиппар, Лагаш и Вавилон, а в Эгеиде – дворцовые цитадели Крита, на Балканах – Дельфы и Спарта [Оппенхейм, 1990. с. 101; Початнова, 2011]. По этой причине В.М. Массон констатировал, что «наличие стен для города – не жесткий показатель. Гораздо важнее – количественные показатели размеров поселений и их населения» [Массон, 1980. с. 181]. Но и тут не всё так просто. К примеру, городские поселения для Двуречья определяются в пять тысяч человек на площади в 6-7 га [Childe. 1950. p.17ff; ср.: Оппенхейм, 1990. с. 112]. От двух до пяти тысяч человек проживало на 12-13 га площади Чатал-Гуюка [Мелларт, 1980. с. 83 сл] и до 3х тысяч жителей населяли 5 га Намазга-Депе IV и V на юге Туркмении [Массон, 1970. с. 147 сл]. Раннегородские же центры (протополисы) Малой Азии и Эгеиды, включая Трою, определяются для III тыс. до н.э. в 1 – 2 тыс. жителей на 1-4 га территории, хотя и эти данные специалисты по ранней Эгеиде [Renfrew, 1972. p. 242; Блеген, 2000. с. 60-68; Андреев, 1998. с. 62-69] полагают весьма приблизительными.

Как бы ни оценивали население и площадь ранних городов специалисты 20 – 21 веков, очевидно одно: абсолютное большинство урбанистических поселений III тыс. до н.э. имели, как правило, и это

вполне объяснимо в контексте военно-политических коллизий и миграций той поры, мощные оборонительные стены. За исключением цитаделей Крита, где роль стен исполнял минойский флот, практически все дворцовые цитадели Балкан были защищены мощными, а в Микенах – двойными, оборонительными кладками в 6-8 метров высотой, где толщина порой была равна высоте, а в Тиринфе, на родине легендарного Геракла (возле Аргоса), достигала и вовсе 12-15 (!) метров «циклопической» кладки. Позднее большинство этих стен по итогам дорийского вторжения XIII – XII вв. пришло в негодность, так что возрождаемые города – полисы эпохи архаики подобным наследиям труда циклопов уже похвастаться не могли, а стены имели уже куда более скромные (2-3 метра толщиной). Но и в новых условиях города Балканской Греции должны были иметь ряд зримых отличий от поселений хоры, то есть сельской округи. К их числу, судя по спорадическим репликам античных авторов эпохи классики и раннего эллинизма (V – IV вв. до н.э.), относились следующие:

а) наличие достаточно массивных оборонительных сооружений с плотным народонаселением внутри оных;

б) компактно-«ульевидная» застройка всей площади города, дабы почти не оставалось внутри кольца стен свободного пространства для участков земли, скажем так, приусадебного назначения – хоры;

в) предпочтительна (хотя и не обязательна в большинстве случаев) более или менее правильная планировка города с оформленным центром и сеткой кварталов и улиц, - перспектива для оформления во 2 пол. V в. «регулярной» застройки по теории Гипподама;

г) выделение специальной площадки, желательнее – в центре города, для ритуально-политического центра, каковым в абсолютном большинстве случаев выступало обустроенное святилище главного местного божества – покровителя общины;

д) наконец, желательным для города, в отличие от села, виделось наличие уличных вымосток, общественных колодцев и водотоков, а равно и дренажных стоков нечистот за пределы полиса.

Употребив в последнем случае вместо общепринятого понятия город антично-эллинический термин полис, мы тем самым выходим на анализ собственно балкано-эллинического материала, квинтэссенцией которого веками был, обуславливая практически все сферы и проявления античного начала, античный полис. Что это не

синонимично и не тождественно общепотребимому понятию (и явлению) «город», отчетливо осознавали уже древние авторы, кто попутно, а кто углубленно изучая и анализируя природу полиса. Что бросалось в глаза им уже изначально, так это отказ от обязательного критерия в качестве определения классического полиса фактора оборонительных стен. Не случайно столь не схожие по идейно-политическим воззрениям историки, как современник Перикла Геродот (VIII, 61.) и живший 7 веков спустя перизет Павсаний (X, 4) единодушно отмечали в своих трудах, что в полисе главное не стены, а граждане.

Младший современник Геродота, Фукидид, повествуя о перипетиях Пелопонесской войны (431-404 гг. до н.э.), энергично начатой было лидером афинской демократии Периклом и столь бесславно проигранной его преемниками, в одном из своих многочисленных философских отступлений от почти бесстрастного, повествования горько сетовал о трагических последствиях этой войны в Элладе и для отдельных граждан, и для самого государства: «Ведь государство – это люди, а не стены и корабли» (VII. 77.7). Итак, для жителя Балкан эпохи классики полис – это и город, и гражданский коллектив людей, и государство, самодостаточное (автаркичное) в вопросах как внутреннего уклада бытия, так и взаимоотношений с внешним миром. Полис – макрокосм людей, сознательно формирующих и законы микробытия в семье, и нормы общежития в социуме, и международные обязательства с соседними (и дальними) государственными структурами.

Мудрый Аристотел, больше нам известный по своему прозвищу Платон, в едва ли не последнем своем политико-философском трактате «Законы» писал: «Задача полиса – формирование граждан в соответствии с нравственными нормами и законами» (630e и 643e гг.). А Аристотель, порой фрондируя с великим своим Учителем, в сущности – то не мог не согласиться с ним в главном – в природной сути и смысле полиса, о чём недвусмысленно говорят его сентенции из трактата «Политика»: «полис – наивысшая форма человеческого сообщества» (I,1,1,1252a). Чуть ниже видим вновь: «полис существует ради благой жизни» (I,1,8,1252b). И наконец, как квинтэссенция Стагирита о социально-политической природе города-полиса: «полис есть сообщество свободных людей, ... кто участвует в суде и народном собрании» (III, 1, 5, 1275a; III, 4, 4, 1279a). Добавить сюда, как показало время, воследовавшее за

жизнью Аристотеля, оказалось совсем немного, тогда как наступавшая эпоха эллинизма и создание державы Александра Великого, ученика Стагирита, изъяли из функций античного полиса весьма многое. Впрочем, об этом речь ещё впереди. Пока же следует отметить, что вышеуказанные задачи и самый характер полиса, отмеченные Платоном и его учеником Аристотелем, сложились не вдруг и ко времени титанов античной социальной философии IV в. до н.э. имели уже многовековой исторический опыт.

Традиционно принято точкой отсчета в процессе формирования античного (балканского) города – полиса считать эпоху архаики VIII – VI вв. до н.э. Уже к рубежу IX – VIII вв. исподволь вызревавшие проблемы в селе (аграрный «голод» большинства представителей демоса) и городе (ремесленные проблемы поиска сырья и рынков сбыта продукции), а также конфликт сторон между аристократическими кланами и зреющим потенциалом «низов» привели к такому туго закрученному клубку социальной смуты, что в различных регионах Балкан спонтанно и практически синхронно коллективный разум эллинов, сдобренных инстинктом самосохранения, стал предлагать те или иные варианты практического разрешения назревавших проблем. Среди предлагаемых вариантов выхода исторический опыт предлагал в одних случаях приглашение, для разрешения аграрных и наследственных споров, уважаемых арбитров-эйсимнетов со стороны, как людей незаинтересованных в местных темах и возможных выгодах от них. Таковы были, судя по Аристотелю (Pol.IX,1274a, 22-31), лесбосский устроитель Питтак и беотиец Филолай, а в ряде городов Сицилии, заселённой греками, Залевк и Харонд [Фролов, 1988. с. 82-94; Шишова, 1991. с. 64-69, 74 сл]. Впрочем, устроители могли быть и местными уважаемыми людьми, как скажем, полулегендарный спартаец Ликург или афинянин Солон, чьи распоряжения – в соответствии с решением народа – были обязательны для всех граждан полиса.

Если же к подобному консенсусу на данной территории Балкан приходило не удавалось, волевая фигура самозваного автократора из аристократической среды [Фролов, 1972; Берве, 1997. с. 22 сл, 38 сл, 101 сл] решительными мерами устраняла и соперников из числа аристократии в борьбе за власть, и легитимные государственные органы управления, вводя своё тираническое правление, как правило, наследственное. При этом, дабы не быть свергнутыми возмущенным

народом, некоторые из тиранов ловкими популистскими мерами проводили (за счет репрессированных соперников) наделение землёй и зерном наименее обеспеченные слои города и села, как это годами осуществлял афинянин Писистрат, отчасти решая тем самым и задачи социального умиротворения, и задачи сохранения своей, не санкционированной народом, личной власти. Достигался своеобразный «классовый мир», когда за счет третьей стороны (земельные владения старой, родовой аристократии) удавалось утихомирить на время социальные бури села и полиса.

Наконец, самым эффективным оказался опыт не приглашенных властных эйсимнетов-арбитров извне и не «доморощенных» диктаторов-тиранов, а практика организованного переселения за пределы конфликтных зон – на периферию античного мира – значительной части (до 1/7 от общего населения Балкан) жителей полиса и хоры в ходе Великой колонизации VIII-VI вв., Повинуясь советам мудрых пифий и жрецов храма Аполлона в Дельфах, вынужденные переселенцы надеялись по полученному жребью, как по талону, найти на новых территориях недостающее на родине: землю и более счастливую судьбу. Так вначале на юге Сицилии, Италии и Франции, затем в дельте Нила и на западе Анатолии, а оттуда уже и на землях античного Крыма, Боспора, стали появляться маленькие посёлки эллинских переселенцев с числом граждан в 5-7 тыс. человек, как правило, и с крохотной пригородной территорией хоры, необходимой для производства сельхозпродукции жителям полиса [Bean Cook, 1950. p. 111; Roebuck, 1959. p.17f; Jeffery, 1964. p.39 f; Meiggz, 1972. p. 246f., 265].

Параметры большинства этих городков, отвоевавших либо, что реже, выкупивших себе землю у автохтонов периферии Балкан, были порой столь скромны, что сопоставимы с размерами деревень современного российского Нечерноземья. Ну, в самом деле: и археологические свидетельства приведенных выше авторов, специалистов по колонизации Малой Азии и Боспора, и спорадические сообщения нарративной традиции свидетельствуют, что мегаполисов типа Афин, Пергама или Александрии Египетской в античном мире было мало. Большинство же городов неслучайно у античных авторов именовались полисма, то есть «городок, городишко», ибо население его (и хора, то есть земельный пригород) были весьма скромны в числовом измерении. Так, в Карии (область вокруг Галикарнасса в Малой Азии, родина Геродота) на площади в

15 тыс. кв. км. было до 45 (!) городков, чьё население оценивалось от 800 граждан до 3-4,2 тыс. человек (Diod. XI. 57.7; XIII. 104.7; Plut. Them., 29). Это, однако, не мешало им быть полноценными членами - трибутариями Афинской Архэ, т.е. территориально-державного I морского союза сер. V в. до н.э. Ведь каждый из этих микрогосударств – полисов (а в Архэ их было до 200) располагал обеспечивающей их экономическую самостоятельность земельной округой – хорой (Plat. Leggs, 740a; Arist. Pol. VII, 7, 1, 1328a), а на её основе – оборонным обеспечением политической независимости граждан в виде военного ополчения мужчин призывного возраста – фаланги гоплитов [Vidal-Naquet, 1981. P.132; Андреев, 1993. с. 36 сл.]. И, что немаловажно, само это ополчение имело в родном полисе обязательное политико-юридическое представительство. К примеру, в Афинах таковым являлось народное собрание, экклесия, в 10-12 тыс. человек и суд присяжных, гелиэя, из 6000 граждан полиса (Xen. Oec. IV, 2-3; Arist. Pol. III, 3, 2, 1278a).

И не важно при этом, что малоазийские Приена и Миунт, содержавшие Фемистокла, имели 2-3 тыс. граждан всего, а мегаполис Афины в эпоху Архэ имел до 200-250 тыс. жителей, в т.ч. 100-150 тыс. не граждан [Кошеленко, 1983 с. 35]. К примеру, по теоретическим расчетам Платона в «Законах» «оптимальная» цифра граждан идеального полиса вообще должна была быть равной 5040 человек (Leggs, 737c, 754c), но это - утопическая идея. Реальность была, какой нам её доносит традиция: типичная дл Архэ малоазийская Смирна занимала площадь около 3 га, а город можно было обойти по периметру за 20 минут. [Jeffery, 1964.p.42-48; Андреев, 1998. С. 57-63]. Платеи же, имея все гражданское население в 2 тыс. человек, на знаменитую битву 479 г. реально выставили 600 гоплитов, а Микены и вовсе только 400, т.к. соотношение между воинами и гражданами полиса в эпоху классики оценивают как 1:10 [Roebuck, 1959. P.20-22; Белох, 2009].

Однако, как бы ни были невелики в количественном измерении размеры большинства городов и их населения, главное было в ином: и миниатюрные городки типа полисма, и мегаполисы уровня Афин или Александрии имели главные, базовые, критерии полисного уклада. А именно:

а) в экономическом плане – собственность города (полиса) над земельной пригородной округой – хорой, кормилицей города и

гарантом его хозяйственной независимости от кого бы то ни было извне;

б) в политико-военном аспекте - ополчение граждан в виде главной ударной силы той эпохи – фаланги гоплитов (+ флот приморских портовых центров Эгеиды и Балкан);

в) наконец, в социальном плане внутри гражданского социума исключительную значимость в самоощущении полноценности каждого гражданина играли два важнейших достижения правовой мысли (и практики!) эллинов – исономия (равенство перед законом) и исэгория (равное право голоса каждого гражданина на народном собрании – высшем органе власти в подавляющем большинстве полисов Балкан и периферии эпохи классики) [Фролов, 1991. С.154, 176].

Малейшее же посягательство на эти завоевания полиса со стороны соседа, будь то даже Афины периода их политического и социо-культурного апогея эпохи Перикла, вызывали столь бурную ответную реакцию демоса по защите своих государственно-автаркических прерогатив, что могли обернуться для посягателя настоящей катастрофой. Именно это и произошло с Афинской Архэ и самими афинами к концу Пелопоннесской войны 431-404 гг., когда давление Центра на маломощную периферию и неоднократные несправедливые вердикты союзного суда только в пользу Афин привели к выходу из Архэ вначале десятков полисов с островов Эгеиды и побережья Малой Азии [Swain, 1950. p. 522; Meiggz, 1972. P. 110; Hammond, 1973 p.339f; Круглов, 1998. С.33-34], а затем и краху самой державы перед лицом победителя – Спарты [Кондратюк, 1983, с.327 сл; Строгецкий, 1991; 2008]. Подобный исход войны, инициированной Афинами и ими же вчистую проигранной из-за неуважения к имманентным принципам самостоятельности каждого полиса античных Балкан, конечно, Афины рубежа V-IV веков научил многому. И роль политического лидера для Афин была после 404 г. до н.э. потеряна навсегда, оставив отныне за этим главным мегаполисом на века вперед репутацию лишь культурного, интеллектуального центра античности [Боннар, 1992. с. 234 сл; Брунов, 1973. с.40, 54 сл; Сидорова, 1984; Jenkins, 1994. p. 49ff ; Маринович, Кошеленко, 2000. с.85 сл]. Последовавшая вскоре экспансия македонских владык вначале на юг (Филипп II), а затем на восток (сын Филиппа – Александр III Великий), с подключением к нему греков Балкан под лозунгом «освобождения братьев» из-под

персидского ига, в действительности привела полисы Малой Азии из юрисдикции Ахеменидов в ту же самую зависимость, но теперь уже от Александра и его преемников – диадохов [Зельдина, 1978; Маринович, 1982; 1993; Дьяконов М. М. , 1982. 318 сл.; Бикерман, 1985; Климов, 1998. с. 8 сл]. Находясь же на царских землях наследников Александра, полис терял свое важнейшее качество – автаркию, ибо хора вокруг полисов эпохи эллинизма была уже в абсолютном большинстве случаев не полисной, а царской, делая и сами гражданские коллективы внутри городских стен экономически и политически зависимыми от местного владыки, преемника или родича Александра. Именно в таком качестве не полисов, но эллинских городов, де-юре почти не отличимых от городов Древнего Востока, и застают их время Рима [Franc, 1938. p. 814 sq].

В новых политических условиях одни города прозябали и stagnировали, другие (полисма) превратились в приграничные гарнизонные поселки-акриты. Но были и такие, которые приумножили свой былой потенциал и превратились в крупные культурные и политико-административные центры грекоязычного Востока. Среди них – Александрия Египетская и Пергам [Климов, 1998; Фролов, 2001.с.582 сл], сирийская Антиохия и Византий. Последний начал свою историю на европейском берегу Босфора в 660 г. до н.э. как маленькая колония Мегар, тяжело отбивавшаяся от атак персов в 515 году, от Филиппа II- 340 г. до н.э., от легионов римского императора Септимия Севера – в 196 г. уже новой эры [Невская, 1953; Пальцева, 1999. с. 230-239]. Новая заря осветила стены и судьбу города в 330 г., когда римский император Константин перенес столицу державы на Восток, делая его перестроенный и расширенный бывший Византий, отныне именуемый как Константинополь. А с 395 г. Константинополь стал столицей Восточной Римской империи, т.е. державы ромеев. В этом качестве удачно расположенный на берегу Мраморного моря, на пресечении морских и сухопутных транзитно-торговых путей, город после регулярных ремонтов и перестроек только хорошел. В частности в 412 г. после колоссального землетрясения он был едва не заново отстроен Феодосием II и обнесен мощными стенами высотой более чем в 70 м (!) с 96 сторожевыми башнями, за которыми укрывалось почти полумиллионное население мегаполиса [Черетаев, 2004. с.65, 209]. Новый этап жизни Константинополя (грекоязычное население продолжало его по традиции именовать Византий, т.к. и держава-то

называлась Византия) ознаменовался энергичной и многогранной деятельностью Юстиниана в VI н.э. Правление этого императора иллирийских корней включало в себя как кровавое подавление восстания «Ника» 532 г., так и кодификацию римского права [Бейкер, 2004. с. 135], строительство храма Айя – София и сложную военно-политическую дипломатию на Востоке против Сасанидского Ирана [Черетаев, 2004. с. 237]. Итоги этой двусмысленной «византийской дипломатии» Константинополь наблюдал не раз, то радушно принимая делегации Ирана времен Йезигерда (или Йезидигерда) I-го, то воюя с Сасанидами благодаря договору о союзе с тюрками - степняками в 568-576 гг. [Круглов, 2005. с. 154 сл.]. Когда же степняки стали тревожить на Волге хазар, давних торговых партнеров Византии, последняя с готовностью откликнулась на их просьбу о помощи и в 833 г. прислала в возводимый на Дону Саркел своих строителей, дабы византийскими стенами надежнее защитить хазар от набегов Степи [«Продолжатель Феофана». III. Феофил, 28]. Подобная непоследовательность Двора и его дипломатии, как известно, породила заслуженное недоверие соседей, для которых герб с двуглавым орлом Византии на века стал символом её двуличия, что в конечном итоге привело к печальным майским дням 1453 года...

А.Р. Подопригора

РИМСКИЙ ГОРОД КАК ФЕНОМЕН МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Появление городов на Апеннинском полуострове исторически совпадает с новой фазой «городской революции», охватившей в I тыс. до н.э. практически все Средиземноморье. Однако на римской почве этот процесс обладал определенной спецификой. Бытует мнение об античной цивилизации, в целом, и римской ее ветви, в частности, как цивилизации городской. Но что представлял собой римский город? Можно ли выделить такое явление как «римский город», учитывая все многообразие факторов, влиявших на эволюцию городской жизни на территории римского государства? Каковы характерные признаки, делающие поселение городом? Всегда ли можно говорить о «цивилизации» и «урбанизации» как явлениях параллельных? Соотносимы ли на римской почве такие понятия как «город» и «полис»? Всякое ли укрепленное поселение можно считать городом? [Вебер, 2001, с. 336 и сл.; Немировский, 1962, с. 213; Goodman, 2007,

р. 14]. Вот, далеко не полный перечень проблем, связанных с римским урбанизмом. Рассмотреть хотя бы отчасти все эти вопросы в рамках данной статьи было бы непосильной задачей. Поэтому попытаемся лишь ответить на вопрос, существовал ли «римский город» как особое культурное явление, имевшее свои характерные внешние (археологические) черты.

И греческие, и римские авторы не раз задавались вопросом о природе города. Сама идея города воспринималась двояко. С одной стороны, город символизировал приобщение к цивилизации (Strab. 4. 1. 5), с другой - рабство городского жителя и оторванность от естественной среды (Tac. Hist. 4. 64). Рассуждая, что есть город, Павсаний, как всегда не теоретизируя, а решая вполне конкретный вопрос о статусе населенного пункта, Панопия в Фокиде во времена ранней римской империи, выделяет такие характеристики, присущие городу в его понимании, как наличие правительственных зданий, гимнасия, театра, площади, водоема для сбора воды. Не найдя таковых у Панопия, он отмечает, что тот тем не менее считается городом, поскольку имеет определенные границы с соседями и посылает представителей на всефокейское собрание (X. 4. 1). Панопий составлял около 7 стадиев в окружности, то есть, если представить его в виде правильного круга, он имел в диаметре около 400 м и занимал площадь около 12,6 га. При этом большая часть застройки была представлена, по словам Павсания, хижинами и лачугами. Следовательно, поселение, несмотря на внешнюю убогость архитектуры и более чем скромную площадь, считалось городом благодаря соответствию этому понятию по политическому критерию, но отнюдь не по критерию материальному [Lomas, 1997, p. 23; Edmondson, 2006, p. 252-253; Goodman, 2007, p. 10].

Подойдут ли нам критерии Павсания или иного античного источника? Скорее всего, нет. Ведь древние воспринимали город синкретично, во всем неразрывном единстве его внешних проявлений и внутренней жизни. Недаром Цицерон писал: «У граждан есть много общего: форум, храмы, портики, улицы, законы, права, правосудие, голосование; кроме того, общение друг с другом и дружеские связи, а у многих и деловые отношения, установившиеся с многими людьми» (Cic. De off. I. 17. 53).

Если подходить к вопросу с точки зрения выделения города как крупного населенного пункта, выполнявшего особые функции в обществе, то возникает проблема обозначения количественных

параметров, как в отношении размеров самого поселения, так и в отношении количества населения: какова площадь поселения, которое может считаться городом; сколько людей постоянно обитает за его стенами. Однако демографические показатели, сложившиеся в различных природно-географических и экономических системах, могут сильно различаться. По мнению В.М. Массона, в условиях поливного земледелия Древнего Востока концентрация населения была весьма высока, и здесь вполне применим критерий, предложенный Г. Чайлдом, согласно которому поселения с числом жителей более 5000 человек можно считать городами. В других регионах эти параметры можно считать недостижимыми [Массон, 1989, с. 11]. Рассматривая Апеннинский полуостров в качестве колыбели «римского города» в широком смысле слова, нельзя не согласиться с тем, что низкая плотность населения в условиях неорошаемого земледелия средиземноморского типа обусловила в этом регионе ограниченную величину городских центров. Функции производственных, культурных и организационных центров преобладали над внешними характеристиками. Приведенный выше пассаж Павсания говорит о том, что сами древние придавали значение именно роли поселения в политической и религиозной жизни и на основании этого считали его городом.

Итак, следуя типологии, предложенной В.М. Массоном, можно выделить несколько признаков города как такового: 1) особенностью городских центров является плотность застройки; 2) наличие высотной застройки, монументальной архитектуры, светской и религиозной, функционально связано с ролью древнего города как центра сельскохозяйственной округи, центра ремесел и торговли, а также идеологического лидера; именно в городах располагались главные храмы страны, и нередко наличие культурного центра было одним из важных стимулов формирования в данном месте поселения городского типа; укрепления перерастают в мощную фортификацию, что однако зависит от политической ситуации; 3) город (city) имеет население более 5000 чел.; однако для ряда регионов можно выделить менее масштабные городские поселения - «городки» (town), насчитывающие от 1000 до 5000 тыс. чел. (В.М. Массон ссылается на американскую историографию древних цивилизаций Нового Света) [Массон, 1976, с. 141; 144; 147; Массон, 1989, с. 11]. Учитывая большой разброс параметров (от 1-2 до 90-100 га), площадь поселения сложно включить в число приоритетных признаков, так

как укрепленная территория нередко составляла лишь небольшую часть населенного пункта и ей площадь города не исчерпывалась - римские города, как и прочие города древности, еще очень тесно взаимодействовали с сельской округой.

Подчеркнем, что римский город возник не на пустом месте. Безусловно, сообщения римских авторов о сотнях городов, существовавших еще в доримское время, говорят о том, что понятие «город» было ими трактуемо чрезвычайно широко [Немировский, 1962, с. 162 и сл.]. Однако нельзя отрицать, что сама римская культура впитала в себя многие традиции более ранних этносов и культур, в том числе и традиции градостроительства. Первые города на Апеннинском полуострове появились на рубеже VIII-VII вв. до н.э. в Этрурии [Немировский, 1962, с. 168]. Ритуал основания этрусского города, многократно воспроизводившийся впоследствии римлянами, предполагал очерчивание его пределов бороздой от плуга. В местах ее прерывания должны были располагаться ворота, которых в этрусском городе было обычно трое [Немировский, 1962, с. 182].

Этрусский город, построенный в соответствии с основами этрусской дисциплины, представлял собой весьма внушительное явление: *cardo maximus* и *decumani maximi* достигали в ширину 15 м, *cardo* и *decumani minores* - 5 м. Улицы были мощеными, со сточными канавами и дренажами и инсулами правильной прямоугольной формы. Город был обнесен стеной, состоящей из каменных блоков толщиной 2 м. Можно считать, что именно этруски, этнос с развитой традицией градостроительства, содействовали синоикизированию виллановианских аггломераций и превращению их в собственно города [Залесский, 1959, с. 55; 66; Кругликова, 1984, с. 88 и сл.]. Однако следует оговориться, что археологически города этрусков изучены довольно плохо. Описанный выше город, раскопанный близ Марцаботто, является практически единственным хорошо исследованным городом этрусков, существовавшим с VI по IV вв. Его название не установлено (возможно, Мизанум). Остальные города исследованы фрагментарно. Чаще всего они возникали на естественных возвышенностях. Стены городов, сложенные из отесанных прямоугольных камней или из дикого камня без связующего раствора, повторяли рельеф холма или плато, на котором стоял город. В Тарквиниях длина такой стены составляла 8 км. [Монгайт, 1974, с. 163; 165]. Таким образом, археологии еще предстоит сказать свое веское слово в области раскрытия тайн

этрусского градостроительства. Ведь традиция упоминает не один десяток городов и есть основания предполагать, основываясь на опыте раскопок Марцаботто, что в данном случае речь шла действительно о городах, а не о протогородских поселениях.

Тем не менее, нет сомнений в том, что римская градостроительная доктрина, во всяком случае, первоначально, во многом копировала этрусские принципы. План римского города неизменно содержал две пересекающиеся в центре главные оси, ориентированные по четырем странам света, что было характерно и для Марцаботто и, по всей видимости, для этрусского города вообще. Для римских городов традицией зафиксирован тот же сакральный ритуал, связанный с их основанием, что и у этрусков.

Впрочем, далеко не все римские города возникли на основе генерального плана городской застройки несколько десятилетий. Четкая планировка, прямоугольные кварталы, широкие благоустроенные улицы - все это было присуще городу в период существования большого территориального римского государства. Первый же опыт римского градостроения связан с более скромными результатами. Собственно Рим являет собой пример города, возникшего в результате синойкизма и росшего постепенно и хаотично. Улицы в таких городах были кривыми и узкими, план застройки отсутствовал. Другие города, например, североафриканский Тимгад, были основаны одновременно по предварительно составленному плану. Помпеи дают образец города, имевшего первоначально небольшие размеры и нерегулярную планировку, а затем при расширении достроенного по плану с прямыми улицами и прямоугольными или ромбовидными кварталами [Кругликова, 1984, с. 88]. Пример Помпей весьма типичен: в жизни многих италийских городов можно отчетливо различить два периода: ранний - со всеми признаками произвольной застройки, поздний - с правильными улицами и кварталами, разбитыми по определенному плану. Археологические свидетельства четко обозначают, таким образом, серьезные этнополитические изменения в Италии V-IV вв. до н.э. Ранняя беспорядочная застройка отражает активность местного италийского населения, поздняя - римскую парадигму градостроительства. Площадь ранних италийских городов до вхождения в римское государство, да и в составе него вплоть до поздней республики, определялась, прежде всего, особенностями природного ландшафта - размерами уступа скалы, плато или иной

возвышенности, на которой он был основан. По сравнению с ранним периодом города римской эпохи представляли собой значительные по площади поселения. Так, площадь средних италийских городов в позднереспубликанский и раннеимперский период колебалась в пределах от 10 до 40 га (Геркуланум - 10,5; Суррент - 24,3 га; римские колонии, основанные позднее: Турин - 10,9; Флоренция - 18,6; Лукка - 21,8; Аоста - 40,5 га). Более крупные города, такие как Помпеи, почти равнялись римской гавани, Остии, во времена Суллы (70,8 га) и уступали только таким городам, как Капуя (178 га) и Неаполь (101 га).

Помпеи типичны и в основных чертах своей топографии. Самая широкая аристократическая улица в Помпеях, так называемая улица Меркурия, не достигает 10 м ширины [Кругликова, 1984, с. 95]. Ширина Стабиевой улицы колеблется между 8,46 и 6,83 м, Ноланской - между 8,66 и 6,3 м, улицы Изобилия - между 8,25 и 7,09 м. Ширина остальных улиц составляет от 3 до 6 м.

Узкие улицы отнюдь не составляют особенности одних Помпей. Главная улица такого торгового и многолюдного города, как Остия, была шириной 7 м, а с тротуарами - 9 м; в самом Риме улицы не превышали в среднем 4,5-5 м ширины. Священная дорога, шедшая мимо форума, одна из оживленнейших улиц города, имела ширину 6,5 м. Улицы были мощеными уже в последние века республики, а законодательство Цезаря стало вменять это в обязанность.

подавляющее большинство зданий в римском городе были каменными. Для построек использовался тот материал, который находился поблизости и доставка которого обходилась дешевле и представляла меньше затруднений. Рим в течение долгого времени пользовался туфом и пеперином из Албанских гор. Позднее, уже к концу республики, появились травертин и мрамор. В Помпеях от древнейшего периода и вплоть до II в. до н. э. строили из известняка, образованного известняковыми отложениями реки Сарн и называемого поэтому «сарнским» [Сергеенко, 2004, гл. IV].

Период гражданских войн не лучшим образом сказался на развитии городской жизни, однако, уже к середине I в. до н.э. экономика городов оправилась от политических потрясений.

Города римских провинций долгие сохраняли первоначальную самобытность. Здесь разнообразие местных традиций подавляется только в период ранней империи. Уже в позднереспубликанский период можно говорить о политике сознательной урбанизации

провинций. Государство стремилось создать условия для беспрепятственного развития городов и их социальной и экономической жизни. Население новых городов должны были составить богатые граждане, энергичные поборники нового римского режима. Римляне, покоря варварские племена и приобщая их к цивилизации, прежде всего, насаждали городскую жизнь. Для них город был важен как административный и религиозный центр, проводник римской идеологии [Edmondson, 2006, p. 254]. Для разных регионов и провинций эта политика имела разное значение. Настоящую систематичность политика урбанизации приобрела только в эпоху принципата. Довольно серьезные изменения произошли в западных провинциях. Кельтские города, построенные на возвышенностях и в горах, выполнявшие роль крепостей и центров ярмарочной торговли, постепенно приходили в упадок. Господствующая аристократия кельтских племен селилась на равнинах, поблизости от больших рек Франции и Испании. Здесь она строила свои дома и необходимые общественные здания. В новые населенные центры потянулись купцы, ремесленники и корабельщики. Так стали возникать настоящие города. Порой города западных провинций, как и в Италии, втянутые в римский культурный ареал, не меняя своего местоположения, проходили в своем развитии несколько стадий - от примитивного поселения до города, оформленного в соответствии с принципами античного урбанизма. На примере галльского Анзерюна Н.С. Широкова показывает, как из неукрепленного поселения в VI-V вв. до н.э. оппидум развился в конце V - начале III вв. до н.э. в поселение городского типа с укрепленными стенами, каменными домами и улицами, пересекающимися под прямым углом, а затем - в III - I вв. до н.э. - в романизированный выросший в размерах город, где стали применяться римские строительные материалы и технологии. Таким образом, еще в доримское время целый ряд оппидумов вполне можно назвать поселениями городского типа, которые основывались на укрепленных самой природой высотах, занимали площадь 4-5 га, имели искусственные укрепления, относительно широкие мощные улицы, дома, расположенные по принципу «шахматной доски», являясь при этом центрами ремесла и торговли [Широкова, 1985, с. 60 и сл.]. Развитие оппидумов позволяет проанализировать, как римская традиция взаимодействовала с местной, не столь развитой, однако уже существовавшей городской средой.

В Малой Азии и Сирии изменения были менее заметны, поскольку здесь процесс превращения деревень, племенных и храмовых центров в города-государства начался еще при Александре Великом.

В Африке оживились старинные финикийские приморские общины, вступил в пору нового расцвета вновь отстроенный Карфаген. Смешанные пунийско-берберские общины плодородных африканских и нумидийских равнин, включавшие в себя отдельные группы римских эмигрантов, оправившись от разрушительных последствий гражданских войн, также возобновляли свою экономическую деятельность.

Примером совсем иного варианта развития представляют собой города римских провинций раннеимперского времени, которые возникали как колонии римских ветеранов, выросшие из канаб военных лагерей, гражданских поселков, возникавших по соседству с воинской частью на расстоянии 2-3 км от лагеря. После вывода легионов лагерь с его правильной планировкой и бессистемно застроенная канаба составляли единый город, сохранив своеобразие обеих частей. Так, например, было в Сармицегетузе - столице римской провинции Дакии. В этом случае город появляется не вследствие естественного развития поселения, а по воле императора, провозгласившего таковым лагерь ветеранов, что не могло не отразиться на его планировке и особенностях застройки. Типичным примером такого рода являлась Савария, представлявшая собой систему инсул, разместившихся на площади 42 га, с населением 20-30 тыс. чел. Канаба не имела своей земли и род занятий ее населения был предопределен - ремесло и торговля [Колосковская, 1979, с. 75; 85].

Статус и достоинство города (*ius et dignitatem civitatis*) были предметом устремлений многих провинциальных поселений. Однако в материальном смысле это мало что изменяло: уже существовавшая материальная база и без того была городского типа. Статус города менял лишь его политико-правовое положение - образовывалась гражданская и землевладельческая община, приписывалась окрестная территория, с которой в случае необходимости выселялось местное завоеванное население, вводилась римская система межевания [Колосковская, 1985, с. 170].

Параллельно двум главным лимитам на расстоянии в 20 или 40 акров (т.е. около 800 и 1600 м) прокладывались другие лимиты.

Территория будущего города, таким образом, разбивалась на центурии, участки по 200 и 400 югеров соответственно (50 и 100 га). Стандартная ширина лимитов составляла: 40 шагов (около 12 м) и 20 шагов (6 м) для главных лимитов, 8 шагов (2,5 м) - для остальных. Каждый пятый лимит, квинтарий закладывался как более широкий и достигал 12 шагов (4 м). Лимиты мостились камнями и пребывали в собственности всего города. Новоявленному городу отводились земли вокруг него, предназначенные для выпаса скота и вырубки леса на дрова.

Присвоение статуса города обязывало возводить общественные здания и храмы, разбивать форум в центре города, придерживаться прямоугольной планировки, застраивать дома типа инсул, образующих жилые блоки. Обычными для города сооружениями были амфитеатр, цирк, термы, рынок, портики, храмы, водопровод, некрополь, стена, окружавшая либо весь город, либо его существенную часть [Lomas, 1997, p. 26-28]. Ремесленные кварталы и отдельные крупные мастерские могли располагаться вне городских стен, как это было в Аквинке (совр. Буда) [Колосковская, 1985, с. 176].

Уже в первые десятилетия империи, при Августе, можно говорить о начале эпохи процветания римских городов. Именно в этот период города Средней и Северной Италии приняли свой окончательный облик и тогда же были построены многочисленные памятники архитектуры, которые должны были прославить режим Августа.

К периоду правления Августа относится и новая тенденция в развитии городов - их растущая индустриализация. Ее отчетливым признаком является появление нового типа построек - жилых домов, окруженных лавками. Эти лавки отчасти использовались самим домовладельцем, отчасти сдавались внаем ремесленникам и мелким торговцам. И вновь Помпеи являют типичный пример этого процесса. Одной из отраслей, на которых первоначально, очевидно, специализировались Помпеи, было производство шерстяных тканей и одежды. К этому же периоду, вероятно, относится появление или возрождение еще одного специфически помпейского продукта - знаменитого рыбного соуса, помпейского гарума [Ростовцев, 2000, с. 71; 80].

При первых императорах такие действия, как включение различных племен в состав муниципиев или дарование *ius Latinum* племенам, населявшим западные провинции, что фактически

означало их урбанизацию (городские центры в этом случае носили гордое имя императора, даровавшего латинское право), отражают общую направленность политики государства. Об этом же говорит тот факт, что после окончания локальной войны Клавдий даровал жителям мавританского города Волюбилиса римское гражданство и включил в состав города некоторое число представителей туземных мавританских племен в качестве поселенцев без права гражданства (*incolae*), т. е. урбанизировал эту часть населения. Это было сделано для того, чтобы в странах, население которых еще наполовину жило племенным строем, появлялись новые опорные пункты Рима. Начавшаяся при Августе урбанизация быстрыми темпами продолжалась при Клавдии. Римская империя постепенно превращалась в единую систему связанных между собой городов [Ростовцев, 2000, с. 65; 90].

Новые городские общины, названные в честь императоров или носившие местные названия, образовывались, как правило, на месте бывших деревень или поселков, населенных в основном местными жителями. Городской статус получали также центры крупных экстерриториальных земельных владений римских императоров; став городом, они получали в качестве своей территории бывшее поместье императора или его часть. Ни один из этих городов не был искусственным образованием. Все они возникли в результате существовавшей в провинции естественной тенденции к урбанизации. Однако их урбанизация не могла бы происходить так быстро без сознательной, систематической поддержки со стороны императоров и без огромных денежных затрат. Со времен Флавиев, предоставивших права муниципиев многим провинциальным поселениям, начинается широкомасштабное преобразование в города племенных центров. То, что при Клавдии были лишь единичным явлением, впоследствии приобрело массовый характер [Колосковская, 1979, 75; 85; 96].

Между тем следует отметить, что деятельность императоров в этом направлении постепенно сворачивается еще до конца правления Антонинов. После Адриана новые города стали появляться все реже, хотя нельзя говорить и о полной приостановке этого процесса [Ростовцев, 2000, с. 136].

Однако даже в период наивысшего расцвета римского государства города Римской империи не были однотипны. Они отличались друг от друга соответственно своему историческому

развитию и местным условиям. В первую очередь, процветали большие торговые и промышленные города, как правило, являющиеся центрами речных и морских торговых путей. Такие города, как Пальмира, Петра и Бостра, стоявшие на караванных путях, служили важными центрами, где встречались купцы, занимавшиеся караванной торговлей. Активно развиваются и крупные городские центры обширных земледельческих областей, столицы провинций или их отдельных частей. С Римом соперничали столицы самых богатых и процветающих провинций: в Египте - Александрия, в Сирии - Антиохия, в Малой Азии - Эфес, Карфаген - в Африке и Лион - в Галлии. Как правило, процветающие города стояли на пересечении важных торговых путей и судоходных рек и потому служили также центрами местной, провинциальной торговли. Практически к этому же типу относятся небольшие города, развившиеся из деревень в богатых аграрных областях, к их числу относятся многие африканские города, многочисленные города Британии, Испании, Галлии, Германии, города альпийских и дунайских провинций, а также Фракии, Македонии, Греции, Малой Азии, Сирии и Египта. В Египте эти города официально вообще считались не городами, а деревнями, несмотря на то что они были административными центрами обширных, богатых территорий. Почти во всех городах империи, особенно на эллинистическом Востоке, имелись продуманная система канализации и хорошо функционирующий на основе технически безупречной системы акведуков водопровод, обеспечивавший водоснабжение зданий. В благоустройство общественных мест входило: хорошее мощение улиц и площадей; наличие крытых колоннад по сторонам улицы, под которыми пешеходы могли укрыться от солнца и дождя; просторные рынки, отвечающие требованиям гигиены; бани, расположенные в различных районах города; сооружения для спортивных и физических занятий - гимнасии и палестры. Во всех городах обнаруживаются внушительные общественные здания: курии - здания для заседаний местного сената, канцелярии чиновников, залы, где проходили собрания официально признанных коллегий и публичные выборы, базилики для судебных заседаний, тюрьмы. Другие здания были предназначены для отдыха и культурных учреждений: театры, цирки, стадионы, амфитеатры, публичные библиотеки, аудитории для декламаторских выступлений и публичных лекций, а также художественные галереи. Частные дома

были, как правило, добротны построены и оборудованы всеми удобствами: купальнями, водопроводом, каменными лестницами, ведущими на верхние этажи [Ростовцев, 2000, с. 138; 139-140].

В период домината процесс урбанизации, как и многие иные процессы периода принципата, претерпел серьезные изменения. Иссяк один из источников возникновения и развития все новых и новых городов - ветеранское землевладение. Сам институт не исчез, но со временем оказался гораздо менее связанным с городом, чем в эпоху принципата. Как характернейшее для домината явление можно отметить свертывание городского самоуправления и превращения его органов в часть бюрократического аппарата империи. Общая перестройка социального и политического механизма принципата привела к образованию административного аппарата с двойной централизацией, общегосударственного и внутриобластного характера, что обусловило развитие провинциальных столиц и постепенное подавление ими мелких провинциальных городов, их упадок и порой исчезновение [Глушанин, 1982, с. 91]. Крупный провинциальный город усиливает свои военно-оборонные функции, вследствие чего обрастает укреплениями всех родов. Мелкие города также все больше превращаются в крепости. Эти процессы укрепления в городах военной администрации и усиления крепостных сооружений сохраняются для ряда городских центров и в раннесредневековое время.

Отдельно следует затронуть демографическую составляющую городской жизни. Если в доримский период италийские города в большинстве случаев по численности населения не превышали 1-1,5 тыс. чел. и, по классификации В.М. Массона, являлись «городками», малыми городскими центрами, то уже в период поздней республики, включенные в орбиту римского влияния, многие из них перешагнули пяти тысячный рубеж. В частности, население Помпей на рубеже эр, по разным подсчетам, насчитывало от 8 до 10 тыс. ч. [Connolly, 2003, p. 22].

Особую проблему составляет методика расчета населения на основе имеющихся данных о количестве построек и площади города. При этом площадью города считается территория, огороженная крепостными стенами. В западной литературе предлагается следующая методика расчета населения городов доиндустриальной эпохи: общее количество населения рассчитывается как произведение двух множителей - площади города и средней плотности населения.

При этом, средняя плотность рассматривается как величина, колеблющаяся в зависимости от статуса населенного пункта от 230 до 330 чел./га, так как отмечена тенденция повышения плотности населения в крупных административных центрах. Примером такого рода административного «притяжения» может служить Рим, где население в середине IV в. до н.э. оценивается в 30 тыс. чел., а к середине I в. до н.э. - порядка 515 тыс. чел., что, однако, не означало более чем семнадцатикратный рост территории [Scheidel, 2005, p. 6]. Для военных лагерей предлагается показатель 250 чел./га. Собственно, в литературе присутствовала еще большая амплитуда колебания величины плотности - от 150 до 350 чел./га, но от крайних показателей в последнее время все чаще отказываются [Monfort, 1995-1996, p. 61, 64].

Подобная методика, безусловно, заслуживает внимания, хотя бы потому что она предлагает четкий алгоритм расчета количества населения, исходя из площади поселения. Но всегда ли она дает верный результат? Античная традиция свидетельствует, что столь однозначно соотносить территорию и население можно далеко не всегда. Тит Ливий упоминает об этом, характеризуя ранние годы Рима: «Город между тем рос, занимая укреплениями все новые места, так как укрепляли город в расчете скорее на будущее многолюдство, чем сообразно тогдашнему числу жителей» (I. 8). Таким образом, площадь не может быть единственным ориентиром при определении количества населения.

Возможно, стабильная численность населения в городах римской империи и вовсе явление гипотетичное. В большом государстве, где административные центры всех уровней и, прежде всего, сам Рим обладают большими экономическими возможностями и выполняют функции социального лифта, в города направлен постоянный миграционный поток, который и препятствует сколько-нибудь точной оценке численности населения [Parkin, 1992, p. 74]. Вероятно, имеет смысл рассчитывать население таких городов как постоянно растущую величину.

Таким образом, в качестве характерной черты римского урбанизма, можно отметить отсутствие культурной однородности. Свообразие городской жизни в разных частях римского государства в пору его наивысшего территориального охвата было обусловлено особенностями местной традиции градостроительства или, напротив, полным ее отсутствием. Также имела значение длительность

пребывания в составе римского государства, характер колонизации и степень романизации.

Однако преувеличивать степень своеобразия провинциального урбанизма также не стоит. Городам, в какой бы римской провинции они не находились, были присущи черты известного сходства, в силу того, что они были частью римского политического единства с общими закономерностями развития. Это сходство должно было себя проявить еще и потому, что античная цивилизация, в целом, была по преимуществу городской, и, следовательно, именно города должны были выступать проводниками романизации и неизбежно нести на себе ее отпечаток в планировке, архитектуре, градостроительной технике. Следовательно, говорить о таком явлении как римский город все-таки можно, несмотря на все разночтения местной городской традиции.

И.Э. Любчанский

ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНА ЮЖНОГО УРАЛА: ГОРОД ИЛИ ПОСЕЛЕНИЕ? (философические рассуждения)¹

Важнейшими источниками в изучении истории древних и раннесредневековых обществ являются поселения – памятники материальной культуры, где сконцентрированы остатки предметов жизнедеятельности людей. Широкое археологическое исследование древних поселений, относящихся к различным периодам в истории человеческого общества, позволяет установить поступательную роль этих поселений, изменение их формы и структуры и соотносить эти факты с развитием общества древних народов в целом. Особенную роль в этом процессе изучения человеческих сообществ играет вопрос возникновения и формирования первых городов. В исторической литературе этот вопрос поднимался неоднократно, так как тесным образом связан с проблемами, которые формулировались в научной среде еще с середины XVII века. Это касается проблем становления средневекового города в Западной Европе, формирование древневосточных городов Египта и Месопотамии,

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0963 (тема научно-исследовательской работы - «Роль государств эпохи средневековья и нового времени в процессе формирования этнокультурной карты Южного Урала и Прикамья».

Индии и Китая. Российская научная школа уделила много внимания проблеме возникновения, формирования и становления древнерусского средневекового города. Уже в советское время был поставлен вопрос о возникновении и функционировании так называемых городов кочевников. Однако, любая выдвигаемая идея (суждение, гипотеза) должна базироваться на гносеологическом обосновании, научном аппарате и терминологии.

Всем историкам, археологам, политологам понятно, что город как система жизнедеятельности и жизнеобеспечения населения возникает на определенном этапе развития человеческого общества. Как это ни странно звучит, но более четкого понимания процесса возникновения города в древних обществах никто не смог дать после работ К. Маркса и Ф. Энгельса, которые писали, что сущность города определяется вторым общественным разделением труда, «которое составляет общее основание всего товарного производства» (Маркс К., Энгельс Ф., С. 363). Они впервые убедительно показали основные законы формирования города, как следствия развития производительных сил, углубления общественного разделения труда и изменения производительных отношений. Поэтому, как считали К. Маркс и Ф. Энгельс, город может возникнуть только в период усиливающейся социальной дифференциации в обществе на определенном этапе исторического развития. Постепенно город становится центром экономической, политической, социальной и культурной жизни общества. Следует отдавать отчет в том, что «возникновение» как слово весьма условно, так как не отражает всей сложности процесса социально-экономического преобразования, в результате которого и формируется город.

Известно, что первые города возникли в IV – I тыс. до н.э. в долинах Великих рек, а также на побережье Средиземноморья. Географический диапазон довольно широк и тем труднее определить основные общие критерии, которые могли бы характеризовать поселение как «город». Целый ряд ученых как отечественных, так и зарубежных в различной степени старались исследовать этот вопрос. Главной проблемой этих исследований в последние четыре десятка лет – установление и определение признаков для определения понятия «город».

Недавно, готовясь к лекции, пролистывал старые записи и наткнулся на конспекты из тезисов и материалов конференции, которая проходила в Ленинграде (Санкт-Петербурге) аж в 1973 году.

Меня привлекли несколько докладов, которые отвечают заявленной теме статьи. Авторами этих выступлений были В.М. Массон, Э.В. Сайко, Ю.А. Заднепровский, Е.Е. Неразик. Отметим сразу, что все доклады касались проблем городов Средней Азии и в частности Ферганы (Древний город Средней Азии. – М., Л., 1974). Все исследователи сходились во мнении, что формирование города есть совокупность социально-экономических и культурных факторов. Однако, авторы докладов дифференцируют их как «экономические критерии» (Сайко, С. 14) или «археологические признаки» (Заднепровский, С. 17). Интересно отметить, что практически все исследователи, которые так или иначе соприкасаются с проблемами возникновения города используют те или иные признаки, которые еще в 1950 году (за 60 лет ничего не изменилось) выделил Чайлд. Позволю себе перечислить эти признаки ссылаясь на автора. По Чайлду признаками города выступают: 1 – рост размеров поселения до городских пропорций; 2 – централизованное накопление капитала путем наложения дани или налогов; 3 – монументальное сооружение; 4 – изобретение письменности; 5 – развитие точных наук и астрологии; 6 – появление и рост международной торговли драгоценностями; 7 – появление классовой стратификации; 8 – освобождение части населения от производства продуктов питания для специализации в производстве орудий труда; 9 – замена общества, основанного на родственных связях, обществом ,политически организованным, основанном на территориальных признаках, государством; 10 – появление натуралистического и символического искусства (Childe H.G., 1950). Приведенные признаки отнюдь не универсальны. На первый взгляд это полная эклектика, которую заметили исследователи уже в то время, что было подтверждено попытками упрощения схемы уже в 1958 году на конгрессе в Чикаго. Так, Р. Адамс и другие исследователи, смогли выделить относительно универсальные три признака, исходящие из численности населения (более 5000 жителей), наличия монументальных сооружений и письменности.

Проблема идентификации древних поселений в контексте понятия «город» постоянно возникали в российско-советской исторической науке. Особенно спорными моментами в этих попытках становились рассуждения археологов. Так Ю.А. Заднепровский на материалах городских поселений древней Ферганы выделил пять археологических критериев для определения поселения как города.

Первые три пункта, которые он выделяет завязываются на таких параметрах как площадь, мощная система фортификации и наличие цитадели (кремля или дегинца). Разумеется эта точка зрения спорная, но и говорить обратное было бы абсолютно глупым шагом. Имеем в полной мере патовую ситуацию, то есть когда нельзя ни доказать правоту выделенных критериев, ни опровергнуть их.

До сих пор остается актуальной схема критериев, которые предложил еще 40 лет назад предложил В.М. Масон. Он выделил своеобразную триаду признаков, которые включили в себя следующие позиции: 1 – население более 5000 человек (при этом ничего не объяснив, почему именно 5000, а не 10000 или 1500 жителей); 2 – монументальная архитектура, светская или религиозная (не объясняя понятие монументальности); 3 – центры ремесленных производств (разве нельзя быть городом без ремесленных производств?). Что важно в рассуждениях В.М. Массона, то что он делает оговорку (реверанс) в сторону удобства идентификации поселения, укрепленного поселения, городища, города при археологическом исследовании (Массон, 1976. С. 144). Таким образом, предлагаются только внешние признаки по которым исследователь-археолог может идентифицировать населенный пункт как «город».

Многолетние исследования в пределах Средней Азии позволили относительно четко определить критерии понятия «город». В результате можно выделить пять основных критериев, которые мало чем отличаются от определения любого средневекового города Западной Европы. Тем не менее они выглядят следующим образом: население более 5000 жителей (без ирригационного земледелия); монументальная архитектура; центр ремесленного производства; сельскохозяйственная округа или пригород (посад и подол); центр торговли и обмена. Думается, что эти критерии исследователями проверяются на практике археологических исследований. По моему разумению, археологически это должно проявляться в наличии многокомпонентного некрополя близ такого поселения, руинизированные фортификационные, светские и культовые сооружения, ярко выраженные кварталы (участки) ремесленных производственных мастерских, четкая фиксация археологически достоверных мест торговли, обмена и сельскохозяйственной деятельности.

Для становления города и, соответственно городской культуры, должно присутствовать четыре обязательных признака, которые выражаются в следующей формуле: увеличение сети городских поселений, увеличение площадей поселений, развитие трехчастной структуры города, которая выражается в схеме – цитадель-город-пригород и усиление экономической роли города в жизни того или иного сообщества людей.

Наблюдения, сделанные на материалах древних городов Средней Азии, подтверждаются данными, которые получены при исследовании древнерусских и западно-европейских городов эпохи средневековья. В 1983 году на суд научной общественности выносится статья О.Г. Большакова и В.А. Якобсон (Большаков, Якобсон, 1983), в которой делается успешная попытка дать определение понятия «город». Однако и она требует разъяснения и корректировки по отношению к понятию «древнерусский город». Так, А.В. Куза анализируя, определение предложенное О.Г. Большаковым и В.А. Якобсон приходит к суждению о том, что оно достаточно иноязычно и требует конкретной дешифровки, которая помогла бы вписать это определение в археологическую систему формальных признаков для определения города, как объекта археологического исследования. По мнению исследователя, древнерусским городом можно считать постоянный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи – волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного на определенной территории прибавочного продукта (Куза, с.52). Эти дополнения исследователя подчеркивают несколько существенных обстоятельств, которые выражаются в том, что определение «постоянный» отличает город от временных или сезонных пунктов хранения прибавочного продукта (Рыбаков, 1979). Во-вторых, определение «обширный» говорит в пользу того, что город связан не только с прилегающей сельхозокругой, но и с большой областью. Это в свою очередь и будет отличать город от замка-усадьбы или рядового волостного центра. В-третьих, глагол «перерабатывалась» подчеркивает экономическую значимость и функцию города, которая может археологически идентифицировано как ремесленное производство и в-четвертых, слова «большая часть» могут свидетельствовать о высокой степени концентрации в городе прибавочного продукта, средств и возможностей их перераспределения (Рыбаков, 1965).

Данное определение очень хорошо коррелируется с материалами археологических исследований. Долговременное исследование населенных пунктов Древней Руси вычерчивает идентичную схему формальных признаков, которые можно применить к понятию «город». Она, безусловно, будет более вариативной, для каждого населенного пункта, что и будет придавать городам средневековья неповторимый колорит, но при этом будет сохраняться принципиальная схема формальных признаков города: площадь цитадели (включая детинец) – собственно город (пасад) – пригород (подол, сельскохозяйственная округа). Если говорить простым языком, то мы можем в полном объеме наблюдать в средневековых городах Древней Руси большую площадь укрепленной части, внутри которой располагается либо культовое (сакральное) сооружение (например, собор или храм), либо светское строение (княжий, воеводин двор); в обязательном порядке мы фиксируем хорошо выраженные ремесленные центры или кварталы, которые концентрируются близ цитадели, и, наконец, жилые помещения рядового населения города, которое в своей жизни было ориентировано на мелкое ремесленное производство, удовлетворяющее потребности внутреннего рынка с одной стороны, и работу на сельскохозяйственной периферии городской черты (так называемые «городские» огородники).

Не являясь узким специалистом в градостроительстве Древней Руси, я могу упустить существенные нюансы, которые отличают древнерусский город от всех других городов древности и средневековья. Но те общие формальные признаки, которые выделяются специалистами, вне зависимости от того на какие методологические принципы они опираются, полностью соответствуют выделенным формальным признакам для городов Месопотамии, Египта, Китая, Средней Азии древности.

Чтобы постараться быть объективным в этих философических рассуждениях нельзя не обратить внимание на еще одно понятие, сформулированное С.П. Толстовым и поддержанной рядом археологов (Л.М. Левина, С.А. Плетнева, А.И. Мартынов, С.Г. Боталов). Речь идет о понятии, которое давно дискутируется в среде археологов – это понятие «кочевнического» («кочевого») города». Бросается в глаза разноречивость в терминологии – «кочевнический город», «кочевой город» и «город кочевников» не являются понятиями синонимичными. Поэтому в среде археологов, которые используют

этот понятийный термин, не общего понимания о чем идет речь. Так, по мнению С.Г. Боталова, любое городище (термин, который используется исследователями того или иного памятника) превращается в «кочевнический город» если оно аккуратно вписывается в мировоззренческую культурологическую понятийную систему исследователя, подкрепленную ссылками на неозволюционизм Н.Н. Крадина, который в свою очередь имеет в виду абсолютно другие сентенции (Боталов, 2009. С. 13-19; Крадин, 1996). Обращаясь к работам признанных авторитетов, таких как С.П. Толстов и С.А. Плетнева (Толстов..., Плетнева...), приходим к выводу о том, что, разрабатывая вопросы, связанные с возникновением «городов кочевников» в основу их выделения все равно вкладывают основные формальные признаки, которые выделены для любого древнего города. Даже для городов кочевников будут в той или иной степени характерны все формальные признаки выделения города. К тому же нужно учитывать то обстоятельство, что ни один исследователь этой проблемы никогда не настаивал на том, чтобы между терминами «кочевнический город» и «город» ставили знак равенства. Понятно, что термин «город» в понятийном измерении носит методологический оттенок, термин «кочевнический город» суть обозначения периферийного крупного поселения (иногда укрепленного), расположенного в пределах территорий, которые контролировали кочевые народы в древности и средневековье. Исключение составляет «мировая империя Чингисхана», которая включила в себя реальные города Китая, Хорезма, Грузии и Волжской Булгарии, чуть позже Северо-Восточной Руси. Однако своих городов наследники Чингиза построили не много. Ничего не могу сказать за земли Монголии, но всем известны крупные кочевнические города Золотой орды – Сарай-Бату, Сарай-Берке, Сарайчик, которые полностью соответствуют формальным археологическим признакам понятия «город».

Можно до бесконечности рассуждать на эту тему, углубляясь в проблемы хазарских, болгарских и других городов древней ойкумены и их округ. Абсолютно бессмысленно рассуждать о принципах формирования античных городов, которые также будут повторять ту же самую «триаду» формальных признаков, которые выделил В.М. Массон.

Может быть, к счастью или наоборот, мы имеем дело с исторической закономерностью в процессе возникновения такого

явления как «город». На мой взгляд, для формирования города должны сложиться объективные предпосылки и в первую очередь, связанные с интенсивным комплексным производящим хозяйством, коим является земледелие, ремесло и торговля. Общественные отношения также должны достигнуть определенной ступени развития – предклассовые или классовые. Одним словом общество должно быть полярно стратифицировано.

Все эти предпосылки археологически должны проявляться в поселении, которое претендует называться термином «город».

К сожалению, в лесостепной полосе Южного Урала такие археологические объекты отсутствуют. Конечно, есть большой соблазн назвать укрепленные поселения эпохи развитой бронзы типа Аркаим – Синташта «городом», но даже сами исследователи осторожно говорят о «протогородских» чертах этих поселков. Хотя практически все формальные признаки города присутствуют. Хотелось бы видеть в «городищах» иткульской культуры собственно города, но опять это сделать нельзя так как эти поселки носят чисто специализированный характер и направлены на производство бронзы для нужд кочевого населения Южного Зауралья эпохи раннего железа. Исходя из всего выше изложенного, рассуждая на тему понятия и термина «город» прихожу к выводу о том, что в лесостепной зоне Южного Урала поселения раннего средневековья могут и должны оставаться археологическими объектами исследования, а исследователям не стремиться к преувеличению их статуса в угоду сиюминутным политическим идеям.

Чанад Балинт

«ПРИОРИТЕТ ВОСТОКА» В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ АВАР, ПРОТОБОЛГАР И ВЕНГРОВ²

Общеизвестно, что историческим сознанием людей, помимо других факторов, в значительной степени управляет культурное и политическое взаимодействие с другими действующими лицами.

² Впервые статья была опубликована на английском языке в 2007 году в сборнике *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium. Vol. 1. The Heirs of the Roman West*. Walter de Gruyter Berlin New York. 2007. P.545-562. Поскольку содержащиеся в ней оценки места, роли и значения Востока в этно- и культурогенезе средневековых народов Восточной Европы, в частности – аваров, болгар и древних мадьяр-венгров, отличаются от общепринятых в отечественной археологии, с любезного согласия автора – академика Венгерской АН – Чанада Балинта мы публикуем текст указанной статьи в переводе на русский язык Е.В.Бубнеля.

Таким образом, для археологов также не осталось незамеченным, что на протяжении двадцатого века область их исследования не всегда была свободна от влияния современной политики. Фактически исследования в данной сфере на сегодняшний день стали достаточно модными (E.g. Kohl 1993, 181-189; Kohl/Fawcett 1995; Šnirelman 1993, 52-67; *idem* 1996; *idem* 1998, 215-224; Zachrisson 1995, 361-368; Silberman 1997, 103-112; Pluciennik 1998, 816-824; Hardt/Lübke/Schorkowitz 2003).

Здесь явно подразумевается возможное злоупотребление действиями археологов в случае конфликтов, возникающих при невыполнении Гаагских соглашений на запрет проведения раскопок в регионах, охваченных вооруженным столкновением или находящимся под военной оккупацией. В Центральной и Восточной Европе вмешательство политики и текущей идеологии в археологию было, в определенных случаях, неотвратимо. К решению этой проблемы подошли в контексте ретроспективы исследования такого явления, как национализм: имеется в виду довольно обширный диапазон публикаций, посвященных работам Г.Коссины – археолога Третьего Рейха (Smolla 1979/80, 1-9; Schwerin von Krosigk 1982; Veit 1989, 35-56; Arnold 1990, 464-478; Junker 1998, 282-292; Steuer 2001)³ и обзор работ французских археологов времен режима Виши (Olivier 1998, 242-264). О подобных явлениях в Восточной и Юго-Восточной Европе до недавнего времени писалось очень немного (Pora 1992, 11-30; *idem* 1994, 123-157. Highly recommendable is Curta 1994, 225-310). Больше всего нам известно о влиянии дако-румынской теории и коммунистической идеологии на археологические исследования в Румынии. Что касается еще совсем недавнего вмешательства советской политики и идеологии в сферу археологии готов, викингов, восточных славян и степняков, то теперь, к счастью, мы можем указать на появление «первой ласточки» среди современных публикаций (Клейн, 1993, с.21, 28). Аналогичным образом в

³ Остается, однако, поверить, что окончательный приговор археологам, сотрудничавшим с Третьим Рейхом, может быть вынесен только тогда, когда подобным же образом будут рассмотрены и подвергнуты детальной критике поведение коллег и функционирование археологических учреждений в Советском Союзе. По некоторым общим чертам можно установить тот тип поведения, который определяется человеческой слабостью перед лицом диктатуры, отражался в публикациях и фактически остался как завещание человеческого позора. В этом плане очень поучительна книга Л.Клейна, который знал советскую диктатуру «изнутри» и указал на параллели. См. Клейн, 1997.

вышеупомянутых областях Европы недостаточно исследовался и вопрос панславизма⁴.

В этом пункте следует обратить внимание на явление, которое до сих пор даже не упоминалось в исследованиях. В археологических исследованиях VIII-X столетий протоболгары, с одной стороны, и венгры – «завоеватели родины» - с другой пока еще не изучались в какой-либо общей связи. Выявление общего сходства некоторых типов находок, характерных для данного времени, в данном случае, естественно, существенной роли не играет⁵. Что же касается тенденций в исследовании проблем методологии и социального развития указанных обществ, то они настолько различны⁶, что, за исключением Гезы Фехера, одного из основателей протоболгарской археологии⁷, проследить связь между этими исследовательскими направлениями едва ли удастся. Тем не менее, если углубиться в методы и мотивы исследований, то сходство проследить можно.

⁴ Поскольку этот предмет является чрезвычайно сложным, я только укажу на случай, что – необоснованный исторически – скачок волны панславизма замечен в течение пятидесятых и шестидесятых, и даже вплоть до конца семидесятых, в ГДР, а кроме того, также и в так называемых социалистических странах из неславянского происхождения. Для ГДР мы можем просто только привести небольшое количество примеров. Так, например, компендиум “Германцы” даже не упоминает остготов, гепидов, герулов и т.д., поскольку они населяли территорию “братских стран” Польши и Советского Союза (Kеhner 1978/1983). На общей карте “Зоны различного формирования феодализма” не были отражены, помимо (южных) славян и болгар, даже авары и венгры в Румынии (См.: Негтманн 1979, 5, ми 1b). Много эссе были изданы на русском языке (таким образом в ряду “Дакия” и “Materiale și Cercetări Arheologice”); эта практика была продолжена вплоть до конца пятидесятых. О панславизме в румынской археологии см. Сурта 1994. В Болгарии подход к собственному происхождению подвергался нескольким изменениям. Между двумя мировыми войнами были признаны тюрко-болгарские корни, тогда как в пятидесятых и шестидесятых славянский элемент был расценен как более важный, а в семидесятых турецкий корень этногенеза был стерт. Реалистическая экспертиза прото-болгарского периода только начинается после румынской революции приблизительно в 1990 г. Критический историографический обзор еще должен быть издан. Венгерская археология, сохраненная с советом “дать императору...”. За исключением Á. Cs. Sós, никакое существенное влияние панславизмом в ней не заметно (в противоположность некоторым другим историкам).

Сказанное верно и для национализма между двумя мировыми войнами (См. в этой связи Bálint 1986, 166-174). Достаточно интересно, что все эти страны – начиная с 1944 г. – находились на стороне, которая позже была побеждена. Происходит ли панславизм из ожиданий или требований со стороны советских сил, или был результатом рабелепства местных сановников, без детального изучения истории науки установить пока невозможно.

⁵ Следует, однако, указать, что количество и значимость этих общих черт в последнее время стало столь большим, что пересмотр происхождения прото-болгарского-языка и материальной культуры «венгров-завоевателей» становится необходимым.

⁶ В Венгрии становление археологии имело место на более чем столетие ранее, чем в Болгарии. В то же самое время систематическое создание музейных коллекций музеев началась еще раньше. Вплоть до последней трети двадцатого века исследования велись, главным образом, под влиянием немецкой и австрийской археологии. См. Bálint 1997, 17-26.

⁷ Обзор и библиографию см. Fodor 1990, 256-259. Положительным знаком, отличающимся от 50-летнего осуждения этого исследователя, является переиздание его книги, изданной в Болгарии в 1940 [Fehér 1997].

Так, в исследовании аваров, венгров периода завоевания родины или протоболгар выявляются конкретные точки зрения, которые я хотел бы обозначить коротко и ясно – «приоритет Востока»⁸. Они представляют собой соответствующие методы исследования, преимущественно археологического материала, используемые для характеристики одних регионов, как находящихся в «приоритете Востока», в то время как Европа и Византия к числу этих регионов не относятся.

Характерные признаки «приоритета Востока» это:

А) Восприятие Востока как абсолютно независимого в плане времени, пространства, этнических и политических условий в данном ракурсе и

Б) Все этнографические характеристики народов азиатской степи и Сибири вплоть до XX века непосредственно соприкасаются с археологией народов степей Центральной и Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья.

Это согласуется и с этнографическими исследованиями венгерского народа в конце XIX века, согласно которым все наследие предков, в том числе и древних венгров («венгров-завоевателей»), было найдено с обычными людьми и этнография в данном случае может классифицироваться как «живая археология» (Kósa 1996, 1042; Hofer 1996, 1043).

Здесь и таятся корни этого романтического «приоритета Востока». Стремление к «приоритету Востока» наблюдается у ученых, ищущих параллели между находками аваров, «венгров-завоевателей» и протоболгар, с помощью которых можно было бы утверждать, что типы вещей, их декоративные элементы и т.д. происходят с Востока. За этой методически ошибочной концепцией, широко распространенной среди исследователей Центральной и Восточной Европы, стоит идея, предполагающая что на исторические

⁸ Интерпретация и содержание термина "Восток" и на немецком языке и на стипендии не однородны в течение времени и пространства (обозначенный мне U. von Freedon, который был достаточно любезен, чтобы прочесть рукопись и кому я хотел бы выразить благодарность). Они в то же самое время охватывают намного более разнообразные и более богатые аспекты, чем содержащийся в термине

Восток, невозможный должным образом обсуждать в этом эссе. Фундаментальная ошибка "Orientpreferential" авторы состоят из них фактически использование термина Восток независимо от времени, космических и культурных обстоятельств. Исследования того, как такая точка зрения, возможно, развилась, принадлежат областям социологии и психологии. Романтические корни не могут отрицаться и Gy. László, самый выдающийся представитель "Восточного предпочтения" и учитель в то же самое время нескольких поколений венгерских археологов, сам написал о влиянии, которое было проявлено на нем работами C.G. Jung и G. Roheim.

вопросы можно ответить при помощи параллелей и аналогий из области материальной культуры.

Но полученные в этом случае заключения окажутся просто культурно-историческими, хотя и исторически обоснованными, поскольку все народы, из культуры которых берутся примеры для сравнения, действительно имели восточное происхождение. В ходе этой процедуры параллели проводятся независимо от их возникновения - из Китая, из Внутренней или Средней Азии, из Ирана или арабского Халифата.

В то же самое время целый ряд вопросов остаются вообще не затронутыми: что делает результативным возникновение типологически подобных видов; имеют ли значение элементы украшения и описания? Какова была первоначальная цель описания? Это – одна из основных проблем исследования относительно истории искусства⁹.

Методология исследователя, находящегося под воздействием «приоритета Востока» будет далеко не бесспорна. Даже если в ходе основанного на ней анализа ничего не озвучивается или не публикуется, подсознательно или просто по привычке, но каждый исследователь исходит из условия, что имеет дело с цепью аргументов, появившихся в ходе экспертизы, отдельные элементы которой являются более или менее верными. Все это – и манера соединения аргументов, и особенно полученные в результате выводы – являются ошибочными.

Рассмотрим подробнее следующие тезисы. «Авары, «венгры-завоеватели» и протоболгары сформировались в степях». Что несомненно. Но следом данное утверждение увязывается с другим, согласно которому «материальная культура аваров, «венгров-завоевателей» и протоболгар представляет собой своего рода культуру степи».

Хотя это тоже верно, но эти два утверждения не образуют причинно-следственной связи: происхождение и этногенез народов не обязательно определяются материальной культурой¹⁰.

С приведенным выше утверждением связано следующее утверждение: «Материальная культура аваров, «венгров-

⁹ Эта проблема более детально рассмотрена мною в книге о Надьсентмиклошском кладе (Bálint 2004).

¹⁰ Этот комплекс вопросов фундаментально исследован в монографии S. Brather (см. Brather 2004).

завоевателей» и протоболгар представляет собой отдельные ответвления азиатских культур». До некоторой степени и это тоже верно, особенно, если речь идет о духовной культуре. Но технология обозначенных выше утверждений доводит «приоритетно-восточное» восприятие до следующей точки зрения: «Для исследования материальной культуры аваров, «венгров-завоевателей» и протоболгар азиатские культуры не только очень релевантны, но и представляют неиссякаемые источники для процесса реконструкция их материальной культуры». Это последнее предположение ретроспективного метода является идеалистическим, статичным и непоследовательным, кроме того, оно является неисторическим и, поэтому, в сущности, с методической точки зрения, полностью неверным.

Идеальный «предпочитатель Востока» - это исследователь, воспринимающий Восток, как самостоятельную единицу, посредством чего он рассматривает произвольно взятые элементы восточной культуры, как последовательные в области культур центрально- и юго-восточно-европейских народов, упомянутых выше. Его не заботит вопрос о том, возможно ли проведенные им параллели проследить хронологически и по прямым контактам. И, конечно же, он не обращает ни малейшего внимания на огромные географические расстояния между Карпатским бассейном и обсуждаемыми восточными областями.

Поэтому – опять вопросы – как аналогичные явления должны интерпретироваться? Насколько они обоснованы исторически? Как, например, мы должны рассматривать проблему оценки некоторых центральноазиатских описаний и трактовок в изучении археологии упомянутых здесь народов?

Известно, что для реконструкции костюма аваров и «венгров-завоевателей» некоторые авторы в качестве примера используют фрагменты настенной фресковой живописи городских культур из Центральной Азии¹¹. По общему мнению, на них изображены люди, одежда и принадлежности костюма которых идентичны с костюмом кочевников-степняков. Эта практика уже имеет определенную

¹¹В Сегеде была организована археологическая выставка, на которой костюм аваров был реконструирован, согласно определенным Центральноазиатским изображениям: см. каталог: Kírti/Lőrinczy 1991; критика Bálint 1990, 221-226.

традицию в изучение европейских кочевников¹² и широко использовалась не венгерскими археологами в последние десятилетия¹³. Но, однако, никогда не предпринималось попыток, в противоположность нерелексивному восприятию этих примеров, исторически и культурно ответить на ряд вопросов. Например, как и почему костюм населения Карпатского Бассейна или Балкан напоминает костюм кочевников Центральной и Внутренней¹⁴ Азии? Существовал ли вообще какой-то «степной костюм», характерный для этих народов?¹⁵ Какое отношение азиатская живопись может иметь к археологии аваров вообще? Наконец, если исходить из исторической действительности, насколько тесными были контакты между населением азиатских городов и оазисов с населением Центральноазиатских степей?

Но до сих пор не было проведено ни одного исследования о культурных или политических предпосылках возможного восприятия степной культуры обитателями городов. Что касается археологического выражения этих культурных контактов, то достаточно обратиться к публикациям материалов из раскопок городских некрополей, чтобы установить, что влияние материальной культуры степей на культуру последних не было существенным (Распопова, 1980; Горбунова, 1986; Литвинский, 1986). Возникает подозрение, что небольшое количество обычно потертых драгоценных украшений, приобретенных у степняков, но произведенных в «продвинутых цивилизациях», оказались повсюду недооцененными в качестве «доказательства» предполагаемого влияния Степи на соседние культуры юга.

Совершенно нет необходимости углубляться в исследование истории и культуры Центральной и Внутренней Азии (Фрумкин,

¹² Своим обоснованием важность азиатских изображений для археологии аваров и венгров-завоевателей обязана Supka 1914, 17-18, 104 и Fettich 1926, 60; 1929, 66-68. Позже, эта точка зрения была воспринята László (например, László 1942, 76, рис. 12, мн. V 4) в его публикациях и особенно в его лекциях. Впоследствии она становится типичной особенностью изучения периода венгерского переселения - исследование этого предмета см. также Bálint, 1990. О работе László см. Bálint 2004, 82-87.

¹³ Как, например, Kovačević 1977, 18, fig. 6 and 7, 163, fig. 100, 185, fig. 123 right; Daim 1977, 17.

¹⁴ В восприятии ученых Центральной и Западной Европы Внутренняя Азия – это Средняя Азия в отечественной историографии – *прим. ред.*

¹⁵ Определенно, нет, и если мы обратимся к хорошо сохранившимся тканям раннесредневекового Востока, как, например, Лобнор, Мошевая Балка, Антиной и др., мы сразу же увидим, что они едва ли напоминают традиционный костюм. По этому предмету см.: Sylwan 1949; Арсланова, 1963, 82, рис. 5; Martiniani- 1986, 56, № 23; Иерусалимская 1996, мн. XVIII, XIX, XX, 45, XXII, 50, LXXIII, LXXVII.

1970; Yaldiz 1987; Spuler 1966. – по истории культуры и искусства см. недавние: Hambis, 1977; Haussig 1988; он же, 1992), чтобы придти к следующему выводу: в историческом и культурном отношении общая картина была намного более сложной, чем это рисуется чрезмерно упрощенно и односторонне исследователями аваров, венгров и протоболгар. Данное утверждение, с одной стороны, применимо к предполагаемому «противостоянию» или «влиянию степных народов на азиатские цивилизации», с другой – к понятию, которое подпитывается некоторыми ранними средневековыми описаниями, и на основании которого воображается или даже реконструируется появление аваров, венгров и протоболгар. Кажется будет лишним подчеркнуть, что упомянутые здесь области Центральной или Внутренней Азии, из которых исследователи в области археологии рассматриваемых народов черпают аналогии, совершенно не имели кочевников-степняков в качестве своих соседей. Это может быть верно и для Севера, ибо на юге все же лежат развитые цивилизации Персии, Индии и Китая. Влияние последнего на Центральную Азию всегда имело место, изменяясь во времени и в зависимости от нескольких различных обстоятельств. Например, мы должны считаться с сильным сасанидским влиянием в Центральной и Внутренней Азии, настолько сильным, что имеем возможность воспринимать эту зону, как культурную периферию Ирана.

Фрески Центральной и Внутренней Азии, постоянно упоминаемые в нашем исследовании, показывают, что они были созданы буддистами и манихеями (Waldschmidt 1930; Gaulier/Jera-Bezard/Maillard 1976; Grenet 1986, 97-131; Widengren 1983, 965-990). Кроме того, должно быть принято во внимание и культурное влияние на Восточный и Западный Туркестан Индии периода Гупта (Rowland 1938; Мандельштам, 1966; Williams 1982). И наконец, нельзя игнорировать классическое персидское и греко-римское искусство (Parthians и Gandhara), поступавшее частично напрямую, частично опосредованно (Schlumberger 1969). Ученые-искусствоведы полагают, что это культурное многообразие скреплялось в одну структуру определенными элементами, включая общую геополитическую ситуацию и роль Хотана и Согдианы, как *lingua franca* (французский язык)¹⁶. В этих исследованиях невозможно найти ни одного слова ссылок на какое-либо влияние из мира степей

¹⁶ Лучшим синтезом следует считать Bussagli. 1963.

(Bussagli 1963, 15-16.). Гораздо легче перечислить политические факторы, влиявшие на контакты между городами Восточного и Западного Туркестана, сообщаемыми по Великому шелковому пути, с одной стороны, и обитателями степей – с другой.

Все же, если «простоочное» исследование утверждает свой тезис о «влиянии» «перемещений из степи в передовые цивилизации» и, наоборот, «влиянии» «перемещений от передовых цивилизаций в степь» на основе этих проявлений, то нельзя забывать о том, что все культурные контакты и заимствования, исходящие от передовых цивилизаций и проникающие в степь, были, безусловно, более интенсивными.

Еще одним важным фактором для этого региона был, бесспорно, политический сюзеренитет Сасанидов и арабов, тибетцев и китайцев. Здесь необходимо указать, что за трюизмом «степного влияния» лежат не хронологические или типологические исследования, как это обычно практикуется в археологии аваров, венгров и протоболгар. Как раз наоборот, даже поверхностное сравнение с центрально- и внутрениазиатскими изображениями показывают, что костюм, снаряжение и антропологический тип людей, кроме того, наконец, украшения изображенные на них, определенно не являлись частью культуры степей. Это, в частности, относится и к неявно выраженным сценам, например, присутствие корейца среди иноземных послов на фресках Афрасиаба (Anazawa/Manome 1976).

Когда исследователи представляют – практически всегда, как бесспорные – немногочисленные изображения из Центральной Азии, как имеющие выдающееся значение для изучения аваров, венгров и протоболгар, обнаруживается еще один фактор, который следует рассмотреть, поскольку он имеет не только археолого-культурное значение, но и содержит в себе методологические последствия. Я имею в виду поразительное несоответствие между количеством тюркских погребений в Восточном и Западном Каганатах. Если на территории Восточного Каганата мы знаем примерно о 400 погребениях, то на территории Западного Каганата их не набирается и 50.¹⁷ Данное несоответствие не может быть объяснено уровнем интенсивности археологических изысканий или отсутствием соответствующего интереса местных коллег. Даже если относительно

¹⁷ Полного каталога погребений тюркского времени пока еще нет. Это – выводы автора и Глеба Кубарева (устное сообщение). Обзор археологического материала представлен В.А.Могильниковым (1981) и Ч.Балингом (1989, с.237-267).

большое количество погребений восточно-тюркского типа является следствием обширных экспедиционных изысканий, предшествующих испытанию водородной бомбы в области Тувы (современная Республика Тыва), это не дает удовлетворительного объяснения упомянутому выше несоответствию. В среднеазиатских республиках бывшего СССР археологические исследования были также достаточно интенсивными (См.: Труды Комплексной Киргизской археолого-этнографической экспедиции; Материалы Хорезмской экспедиции; Труды Хорезмской экспедиции; Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции; Труды Таджикской археологической экспедиции).

Кроме того, необходимо отметить, что на результативность археологического изучения средневековых кочевников положительно сказались и национальные чувства археологов. Поэтому тот факт, что, не смотря на оптимальные исследовательские условия, мы до сих пор на территории Центральной Азии знаем только малое число древнетюркских захоронений VI-VII вв., уйгурских VIII в., кыргызских IX в., следует рассматривать не как следствия научного пренебрежения к этим материалам, а как научную данность.

В этой связи большое значение приобретает быстрая адаптация китайской культуры к культуре восточных тюрков в VII в., критически отмеченная Кюль-Тегинум – одним из великих тюркских вождей середины VIII в. – на знаменитой орхонской надписи (Малов, 1951, с.16-20). Основной текст этой надписи состоит из тюркских рун. Но символично, что другая часть этой же надписи написана китайскими иероглифами, хотя китайцы считались заклятыми врагами тюрков!

Поэтому возникает еще один вопрос – почему же тюркское влияние на материальную культуру Центральной Азии никогда не рассматривается, как важный фактор историко-культурного изучения степи, и по-настоящему не проверяется, если основные культурные явления остаются археологически не изученными (и, очевидно, недоступными археологическому изучению)?

В необходимости подобного историко-культурного анализа меня убеждает следующий исторический эпизод: примерно в середине IV в. китайский император приказал уничтожить всех хунну (азиатских гуннов), живущих в пределах его империи. Поскольку большинство хунну одевались по-китайски, говорили на китайском языке и отличались от этнических китайцев только «большим носом и редкой

бородой», в ходе выполнения этого расистского распоряжения были перебиты и некоторые китайцы (McGovern 1939, 350).

Таким образом, в характеристике взаимоотношений между центральноазиатскими кочевниками и Китаем: в тех случаях, когда мы действительно наблюдаем тесные контакты и культурный обмен, мы, вероятно, должны учитывать прогрессирующую адаптацию китайцев к «степным варварам». В случае же отсутствия культурных контактов между указанными культурными мирами мы можем ожидать, что никакого влияния не будет отмечено ни в одну, ни в другую сторону.

Но, как уже было отмечено, эти и прочие подобные вопросы в соответствующих исследованиях не ставятся и не рассматриваются. Вместо этого ученый – апологет «восточного приоритета» а priori предполагает происхождение аварской, венгерской и протоболгарской материальной культуры из Евразийских (включая Центральную и Внутреннюю Азию) степей. Соответственно, это порождает целую цепь последующих ошибок в выводах и построениях.

Метод «восточного приоритета» является статичным, благодаря раздельному рассмотрению отдельных фактов, вырванных из основного культурного контекста, полному игнорированию эволюции типов артефактов не только на местном уровне, но и опять-таки в отрыве от контекста их генетических и эволюционных связей с прототипами. Наглядным примером статичности мышления является распространенное суждение, согласно которому материальная культура мигрантов, не смотря на прошедшее время и удаление от исходной территории, не изменялась и оставалась идентичной культуре их исходной территории. Оба региона – спорные или предполагаемые прародина и новые территории обитания – должны сначала изучаться независимо друг от друга. Что же касается исходной территории (прародины), то можно сказать, что и после ухода части населения местная материальная культура продолжает развиваться. Под воздействием культурных процессов во всем регионе она лишь отчасти продолжает сохранять свою идентичность культуре предшествующих времен. Кроме того, необходимо отметить, что подобные процессы в разных регионах могут протекать абсолютно по-разному.

Сказанное относится и к культуре мигрантов, которая продолжает развиваться уже под влиянием новой обстановки. Под воздействием

пространственных, временных и культурных факторов культурное развитие прародины и нового местообитания происходит по-разному и едва ли их можно сопоставить. Следовательно, какой-либо «восточной культуры», из которой возможно выводить «параллели» и «анalogии» аварским, венгерским и протоболгарским древностям, просто не существует.

Метод «восточного приоритета» является непоследовательным еще и потому, что его точка зрения является слишком узкой в плане географии и культуры, но слишком широкой в плане хронологии. Так, учеными Центральной и Юго-восточной Европы под влиянием «восточного приоритета» либо полностью, либо частично игнорируется вероятность нахождения потенциальных параллелей аварским, венгерским и протоболгарским древностям в византийских и европейских материалах. Например, относительно происхождения серьги аварского периода из *Mezozsilas* я уже писал, что ее сопоставление с материалом аварского периода из могильника Кудыргэ на Алтае не может служить доказательством центральноазиатского происхождения аваров, так как подобные находки известны и из других мест и они относятся к другому хронологическому диапазону (Balint 1993, 205-206). И здесь несомненно более важными являются более изящные и значительно более дорогие эксклюзивные серьги-подвески, обнаруженные в Восточной Европе в погребениях VI-VII вв. Например, техника изготовления украшений из двух погребений под зданием Медицинского института в г.Уфе показывает, что эти украшения происходят из Византии (Ахмеров, 1951, с.127, рис. 1,3).¹⁸

Другой пример ошибочности подхода через призму «восточного приоритета» - исследования декора поясов эпохи раннего средневековья, которые безоговорочно связывают со степняками. Среди многочисленных источников о культуре степей, трактующих пояса, как знак воинского достоинства, есть и несколько фресок из Центральной Азии, на которые постоянно ссылаются авторы исследований об аварах и древних венграх (László 1955, 225, fig. 61; Erdélyi 1966, fig. 3.5; Kovačević 1977, 119, fig. left; 185, fig. 123 right). Однако то, что подобные пояса еще со времен Ветхого Завета на Ближнем Востоке, в Римской и Византийской империях, в средневековой Европе также использовались в качестве социального

¹⁸ Серьги из этих погребений изучены мной непосредственно.

знака, почему-то ускользает от внимания археологов-«степняков» (Schüppe 1928, 126-146; Hančar 1940, 4-18). В чем причина столь явного невежества?

Единственное объяснение, которое я могу найти – это результат невнимательности «апологетов степи». Из них никто не предполагал и не предполагает, что часто цитируемые центральноазиатские изображения поясов могут и не иметь отношения к решению вопроса о происхождении наборных поясов, поскольку они или не являются наборными, или относятся ко времени, более позднему, чем раннеаварские пояса. Например, на представленном на каждой выставке и упоминаемом во всех научно-популярных изданиях об аварах изображении всадника IX в. с копьём и двумя наборными поясами, представлены пояса, происходящие из регионов, удаленных друг от друга почти на 4500 км, и в которых авары не имели собственной культуры! (von Gabain 1973, pl. 68, fig. 163; von Le Coq 1913, pl. 2c; Maillard 1973, fig. 165c). И никто до сих пор не отметил, что изображения наборных поясов также можно найти в регионах (населенных и врагами аваров) уже в середине VI в. Это коптские фрески, мозаики из Израиля, из Северной Африки и даже в императорском дворце в Константинополе (Balint 2000).

Следовательно, если искать параллели исключительно в заданном направлении, то мы обязательно должны придти к выводу о том, что и наблюдаемая культура окажется связанной с одним, ранее выбранным регионом. И если другие направления поиска и другие регионы не будут приняты во внимание, то конечный результат поиска хотя и окажется впечатляющим, но на самом деле будет совершенно неверным.

Таким образом, с «приоритетом Востока» связана слишком нечеткая точка зрения на хронологию находок, изображений и явлений с востока, основанная на предположении, согласно которому восточная культура стоит как бы вне времени. Это – слишком узкий взгляд исследователя, для которого, в связи с отсутствием знаний, отсутствует и необходимость более широкого горизонта исследований. За таким отношением, в основном одухотворенным идеей ментальной истории, скрывается что-то еще, то есть, изучены идеалистическая идея кажущегося постоянства азиатских культур. Иначе как еще могла возникнуть идея проведения параллелей между фигурами Оттоманской теневой игры XVI в. и сосудов из клада в

Надь-Сент-Миклоше эпохи раннего средневековья?¹⁹ Естественно, что такие грубые ошибки редко делаются в исследованиях. Тем не менее, подобные утверждения едва ли когда-нибудь получают более точную относительную хронологию.

В культурно-историческом контексте основное требование к использованию материалов с Востока для изучения аваров, венгров и протоболгар заключается в том, что все эти вещи появлялись там задолго до миграции указанных народов в Европу. Тем не менее, этот очевидный факт зачастую просто игнорируется. Предостережение от подобного прямого соединения так называемых параллелей, датирующихся более поздним временем, с их хронологически ранними прототипами может быть проиллюстрировано. В качестве примера я хотел бы отметить здесь мечи центральноазиатского типа на фресках и в погребениях раннеаварского времени. На двух картинах, известных из Qyzil, датируемых ок. 500 г.н.э., мы видим самого художника с мечом, пристегнутым к его поясу (Grünwedel 1912, 154, fig. 354; von Le Coq 1977, 37, fig. 4,38; fig. 6,7; O'Neill 1982, 74). Проушины крепления меча, формы покрытия ножен абсолютно нехарактерны для находок аварского периода. Кроме того, следует отметить, что меч, поясные украшения и антропологический тип их владельца должны быть идентифицированы как индоиранские. В таком случае можно утверждать, что авары просто не принимали подобный тип мечей или Qyzil – по крайней мере, в то время – не имел никаких контактов с аварами.

Обратное верно для другой фрески из Qyzil, хорошо известной в исследованиях по аварам. На фреске «Пещера шестнадцати меченосцев» мы узнаем короткие мечи, которые крепятся петлями Р-образной формы, типологически связанными с аварами. Тем не менее, хронологически они не могут быть связаны с мечами аварского времени. Роспись только датируется периодом от 600 до 650 г., поэтому точно не до 557 г. – даты миграции аваров из Азии (Grünwedel 1912, 50, 56; O'Neill 1982, 168). Поэтому роспись из «Пещеры шестнадцати меченосцев» ни в коем случае не доказывает, что авары принесли этот тип петель из Азии. Кроме того, длина и форма этих мечей и их рукоятей делает это еще менее вероятным, так как петельные крепления необязательно могут быть связаны только с аварскими мечами. В Qumtura, например, каждый видит тохарского

¹⁹ Как это было сделано А. Alföldi в его известном и не только известном исследовании в области римских древностей (Alföldi 1951, 127, мн. II.2/3).

принца с таким же мечом на поясе с большими круглыми пряжками (von Le Coq ²1977, 64, Abb. 86). Вместо того, чтобы получить Р-образные проушины ранних аваров из Средней Азии²⁰, скорее должно быть принято во внимание, что этот тип меча был уже известен в Причерноморье и в Закавказье в течение шестого столетия (Bálint 1992, 456, pl. 20; 460, pl. 24; 462, pl. 26).

«Приоритет Востока», как метод исследования, является антиисторическим, поскольку либо отрицает исторические события и процессы в пользу идеологии, либо в более благоприятных случаях, только рассматривает их как второстепенные. Поэтому может случиться так, что исторические факты окажутся совершенно забытыми или не учтенными.

Остается непонятным, как могли выдвигаться следующие утверждения, в частности о том, что славяне жили в непосредственной близости от Ирана²¹. Даже если это предположение верно (говоря исторически, это, конечно, совершенно невозможно!), получающаяся аргументация испытывает недостаток в любых доказательствах относительно последствий этих обстоятельств для материальной культуры протоболгар от восьмого до десятого столетия.

В настоящее время все чаще и чаще приводятся цитаты и даже появляются очерки, рисующие причинно-следственные связи между, например, орнаментикой протоболгарских предметов с изделиями ювелиров Центральной Азии (Mavrodinov 1943)²². В этих публикациях, однако, никогда не показывается, каким образом эти восточные элементы могли поступать в Болгарию. В этой связи чаще всего используется слово «контакт». Что это значит? Мы ничего не знаем ни о торговле, ни о дипломатических миссиях любого вида между Балканами и Азией в период раннего средневековья. Теоретически, конечно, не исключено, что они могли бы иметь место, но спорить с этих позиций, учитывая современное состояние исследований, слишком рискованно. Может быть, возможную модель

²⁰ В соответствии с мнением других ученых, раньше я также придерживался этого же мнения: Bálint 1978, 180-183.

²¹ Это было написано членом Болгарской АН И.Дучевым и известным византиноведом В.Бешевлиевым несомненно под (косвенным?) влиянием J. Strzygowski и «WienerSchule». Даже если бы ошибка проистекала из перевода и они, вероятно, имели в виду ираноязычные народы, т.е. потомков сарматов и алан в степях Восточной Европы, их не могли не смутить этноисторические термины и географические пространства (Dujčev 1966, № 76, 243-313; Beševliev 1967).

²² Его идеи основаны на определенной исследовательской традиции в Болгарии: См. Protić, 1930, 137-159.

объяснения изображений на протоболгарских находках представляет собой трактовка Н.Мавродиева Надьсентмиклошского клада, приведенная им в его классической книге? Он предполагает, что восточные элементы в протоболгарском искусстве, по всей вероятности, восходят к периоду проживания болгар в Азии (Dončeva-Petkova 1979, 28, fig. 12; Stanilov/Atanasov 1993, 48-49, fig. 10-11; Vitljanov 1990, 195-204). Поэтому следует обратить внимание на эту теорию. Но вначале рассмотрим археологические данные. Здесь необходимо сказать, что в данный момент, в плане археологии, совершенно безнадежно идентифицировать древних болгар в Центральной Азии до времени их миграции в Европу (ок. 463 г.). До сих пор никто не пытался вычленить следы пребывания болгар в степях Восточной Европы между V и VII веками. За исключением находок из Малого Перещепино (Werner 1984), ни в Восточной Европе, ни в Центральной Азии не найдено ничего, что можно было бы идентифицировать с протоболгарскими материалами Балкан. В этом плане возникает вопрос к концепции Н.Мавродинова: возможно ли представить себе, что люди через несколько веков после их миграции на расстояние в тысячи километров, после прохождения через процесс установления связей с несколькими другими культурами, через сложный процесс этногенеза, оказались в состоянии сохранить те древние элементы своей культуры, корни которой мы, кроме того, или вовсе не знаем, или не можем установить? И я хотел бы решительно повторить: нам не известно ни одного исторического и/или археологического звена в этой страшно длинной цепи, которая могла связывать Балканы или, в случае с аварами, Карпатский бассейн с Азией.

Таким образом, мы имеем дело с иллюзией, согласно которой мы должны принимать любое утверждение о возможности принадлежности какой-либо вещи или украшения из протоболгарских (а также и аварских) памятников к Азии. Это означает, что поиск путей миграций, истоков декоративных элементов и различных видов артефактов по-прежнему остается нашей задачей!

Но где же кроются корни точки зрения, обозначенной здесь, как «приоритет Востока» и до сих пор нигде открыто не сформулированной? На мой взгляд, искать их следует, с одной стороны, в методе археологии Евразийских степей, с другой – в

политическом окружении и социальной среде с их условиями и результатами научного поиска.

Метод

До сих пор исследования по Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе оказывались не в состоянии покончить с ошибочной оценкой типов артефактов, как этноспецифических. Поскольку мир степей в раннем средневековье, в отличие от соседних финно-угров, славян и т.д., сформировал этнокультурное и экономическое единство, в котором имели место синхронные явления, не удивительно, что определенные типы находок встречаются в Восточноевропейских или Евразийских степях, в южном пограничье последних, а также у народов степного происхождения в Центральной и Юго-Восточной Европе. И еще, поскольку подобные находки расцениваются как признак перемещения или этнических контактов, никакого внимания на их хронологию, т.е. синхронность, не обращается. Особенно разоблачительной выглядит процедура, согласно которой находки декоративных элементов из степей и Востока датируются более поздним временем, чем, например, находки и украшения в самом Карпатском бассейне.

Политическая и социальная среда

Следует иметь в виду, что в случае аваров, «венгров-завоевателей» и протоболгар Венгрия и Болгария в первую очередь ответственны за археологическое изучение этих народов. Они претендуют на происхождение из степей Восточной Европы, т.е. не индо-германское. Следовательно, для археологов с самого начала было очевидно, что корни материального наследия их предков, мигрировавших с Востока, должны быть найдены там же, на Востоке, а именно – в степях Евразии. На самом деле фактически общеизвестное положение о том, что ни материальная культура, ни язык, ни антропология не являются ни обязательными, ни исключительными для выводов о происхождении народов, до сих пор либо не было известно, либо не признавалось исследователями Центральной, Южной и Восточной Европы. Одним из факторов, несомненно способствующих выживанию «приоритета Востока» в венгерской и болгарской археологии, было не общеславянское происхождение этих народов. Тем самым удалось дистанцироваться от панславянских тенденций, наблюдавшихся в большинстве стран Восточной Европы в течение XX века. Таким образом «приоритет

Востока» был привязан к национальному самосознанию. Ученые, находящиеся под влиянием «приоритета Востока», по моему мнению, таким образом стремятся разрешить антагонизм, который, по-видимому, расстраивает некоторых из них: их народы, т.е. венгры или болгары, с их восточным происхождением должны быть интегрированы в Европу, но в то же самое время подчеркивая отличие их этнокультурного происхождения от Европы.

Наконец, нельзя не упомянуть еще один критический момент. Это тот факт, что после Второй Мировой войны количество и научный уровень публикаций по византийской истории, искусству и археологии стремительно возросли, но большинство публикаций из Западной Европы не доходило до библиотек бывшего Восточного блока. И тому были не только финансовые причины. В результате отсутствие знаний о важной части специальной литературы повлекло за собой возможность длительного сохранения давней мечты человечества о исключительном «свете с Востока». Преодоление «приоритета Востока» можно ожидать только в результате интенсификации методически приемлемых исследований в археологии и материального и социального воодушевления средних классов в Центральной и Юго-Восточной Европе.

В.С. Флёрв

ЗАМЕТКИ О ХАЗАРСКИХ И ДРУГИХ «ГОРОДАХ» ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ²³

На сегодняшний день из археологически известных в бассейне Дона и в Центральном Предкавказье крепостей эпохи Хазарского каганата ни одна не может быть определена как город ни в архитектурно-планировочном отношении по данным археологии, ни в социально-экономическом. О последнем мы вообще мало что знаем, судя по исследованным городищам бассейна Дона.

Далека от разрешения ситуация и с городищами Дагестана, не смотря на неподтвержденные раскопками, но широко

²³ Первоначально статья была опубликована в виде главы под названием «Старые и новые проблемы» в книге В.С.Флёрва «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность» (Москва-Иерусалим, 2011). По просьбе редколлегии настоящего сборника автор предоставил нам для публикации переработанный и дополненный текст, подготовленный при содействии Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории», Проект «Хазарский каганат: взаимодействие с Византией, Востоком и Русью по археологическим и письменным источникам».

распространение версии локализации Семендера и Беленджера (Магомедов М.Г. 1983. С 46-57), при этом игнорируются комментарии М.И.Артамонова к сведениям в армянских и арабских источниках (1936. С 91-92).

Полагаю, во взаимопонимании археологов ничего не изменится, если вместо «город Итиль» будем употреблять «Итиль», избегая всяких социологических определений до того, когда широкомасштабными раскопками будет окончательно установлено его местоположение. Это, в первую очередь относится к городищу Самосделка в дельте Волги. Сегодня в равной степени трудно как утверждать, так и отрицать идентификацию Итиля с археологическим объектом. Время всё поставит на свои места.

Есть иная проблема. Определение «город» в приложении к ряду заметный поселений Хазарского каганата вошло в хазароведение преимущественно из арабо-персидских источников (Заходер, 1962. С 167-202). Но какие вербальные возможности существовали в лексике самого каганата для обозначения сельского поселения, крепости и города, пусть даже не своего, а византийского? Что подразумевало само население каганата под своим «городом», если вообще идентичное понятие имелось в его языковом обиходе? Как крупные заселённые места определяли в верхах каганата? Постановку таких вопросов я не встречал (возможно, пропустил) в современной отечественной хазароведческой литературе, что связано с отсутствием соответствующих текстов из самой Хазарии, исключая хазаро-еврейскую переписку (Петрухин В.Я. 2009). Несомненно, защищённость поселения, особенно наличие каменных и кирпичных фортификационных сооружений, непременно отражалась в лексике, так как это имело большое практическое значение. Но, что касается градации в нашем современном социологическом понимании всех населённых мест, то это вряд ли занимало население каганата. Жилища и планировка поселений каганата мало различались. Занятия же сельским хозяйством, скотоводством или/и земледелием было непременным условием существования любого поселения. Исключения были допустимы лишь для отдельных категорий населения и вряд ли были широко распространены и имели постоянный характер. Даже такие требующие высокой квалификации специалисты, как оружейники и ювелиры, не были полностью в мирное время свободны от земледелия и животноводства (сужу по этнографическим данным).

Придётся обратиться за параллелями в иные эпохи, к нескольким весьма поучительным примерам в порядке хронологии.

Пример первый. «В шумерской и аккадской терминологии не делается никакого различия в словах, определяющих поселения различного размера. Селение и город называются одинаково (*uru* — по-шумерски и *alu* — по-аккадски). Эти термины применяются к любому постоянному поселению, состоящему из домов, построенных из необожжённого кирпича, а иногда даже и к скоплению хижин и других видов жилищ, образующих административную единицу. Окружающая стена, как правило, существовала, но не была обязательной. В этом *uru* имел сходство с полисом, который тоже не обязательно окружался стеной» (Оппенгейм, 1980. С. 115).

Второй пример можно назвать общезначимым, классическим. Греческий библеист Н. Василиадис обратил внимание на известное место из Ветхого Завета о Каине: «И построил он *город*; и назвал город по имени своего сына Енох» (Быт. 4» 17). Н. Василиадис дал к нему следующий комментарий: «Под словом "город" конечно, не следует понимать то, что называется сегодня. Оно означает место постоянного пребывания Каина и его семьи. Каин обитал по большей части в хижинах, а не кочевал с места на место» (Василиадис, 2003. С. 14). Примечательна объективность, непредвзятость замечания Василиадиса — он совсем не занимался собственно проблемой города. Круг его интересов в древней истории совершенно иной.

Более исторично следующее из описания Нижней Галилеи Иосифом Флавием: «...очень плодородна, изобилует пастбищами, богато насаждена разного рода деревьями и своим богатством поощряет на труд самого ленивого пахаря. Немудрено поэтому, что вся страна сильно заселена; ни одна частица не остаётся не занятой; скорее она чересчур даже пестрит *городами*, и население в деревнях, вследствие изумительного плодородия почвы, также везде до того многочисленно, что в самой незначительной *деревне* числится свыше 15000 жителей» (Иосиф Флавий. Кн. 3, гл. 3: 2). Не трудно заметить, что выражение «пестрит городами» связано у Иосифа исключительно с сельским хозяйством. Что касается «пятнадцати тысяч» в «незначительной деревне», то это лишь указывает на то, что он, как и его современники, не видел различия между деревнями и городами современной Палестины. Учтём, конечно, что И. Флавий был весьма склонен к преувеличениям в числах, но разделить 240 (по его данным) городов и деревень Галилеи на те и другие при занятии

жителей преимущественно сельским хозяйством было действительно трудно. Полагаю, что к городам должны были причисляться поселения с укреплениями, но и их население жило сельским хозяйством. Основание к такому заключению даёт следующий фрагмент, посвящённый Гисхале (Галилея), которую он называет то «городком», то «городом», имевшим оборонительную стену. Тем не менее: «Население её... большей частью состояло из земледельцев, все помыслы которых сосредотачивались постоянно на урожае...» (Там же. Кн. 4, гл. 2:1).

Иная картина рисуется из византийской истории VI в., т.е. уже современной началу истории хазарской. В описании строительной деятельности Юстиниана I Прокопий Кесарийский в труде «О постройках» (Прокопий, 1996) успешно для своего времени решает проблему «город / не-город»:

«18. В этой Евфратесии (Месопотамия. — В.Ф.) лежали и некоторые другие *местечки*, например Зевгма и Неокесария; они могли называться *городками только по имени*, будучи окружены стенами вроде какой-то колючки... . Так вот император Юстиниан окружил эти города настоящими стенами, имеющими достаточную высоту и толщину; укрепил их и другими приспособлениями. Таким образом, он сделал то, что они по справедливости могли теперь *называться городами...*» (Кн. II: IX, 18, 20). Усиление обороноспособности подняло в глазах современника терминологический статус крепости, что отразило реальные изменения в его облике.

Вот другие аналогичные примеры:

Область Родопы. «7. Среди страны был *посёлок* Беллур, в силу своего богатства и по многочисленности населения *равный* городу; но вследствие того, что он был совершенно лишен укреплений, он всегда представлял лёгкую и завидную добычу для варваров, испытывая одинаковую судьбу с многочисленными полями, лежавшими вокруг него. 8. Наш император обращает его в *город*, окружает стенами...» (Кн. IV: XI, 7, 8). История та же, появление укреплений делает посёлок городом в глазах современника, но перестали ли жители распахивать соседние поля?

«1. Есть город в Вифании, носящий имя Елены, матери императора Константина. ...Вначале это был *ничтожный посёлок*. 2. Воздавая ей славу, Константин одарил это *местечко* и именем матери и *достоинством города*, но не создал никаких великолепных

памятников, достойных императорского имени: по своему внешнему виду продолжал оставаться всё тем же, украшаясь только *названием города...*» Далее идёт перечисление того, что построено в поселке Юстинианом, после чего последний стал *городом*: водопровод, общественные бани, храмы, дворец, галереи, присутственные места, мост через реку (Кн. V: II).

О Карфагене, отстроенном Юстинианом I и переименованном в Юстинианию: «...самый большой и самый замечательный из здешних городов». Таким он стал после того как: выстроены оборонительные стены, выкопан ров; построены два храма и монастырь-крепость, галереи на центральной площади, замечательные общественные бани (Кн. V: 1-8).

Из приведённых описаний хорошо видно, что Прокопий из Кесарии прекрасно для своего времени понимал, что «*город*» должен не только *званием* отличаться от не-города, местечка, городка. В самом простейшем случае город должен был иметь укрепления (стена, валы и др.), при этом Прокопий не отличает собственно город от крепости. Безусловными признаками города были для него здания присутственных мест, дворцы, системы водоснабжения, бани. В этом с ним нельзя не согласиться.

Однако вершиной его социального определения стало описание и характеристика отстроенного Юстинианом I в Бизакийской области Северной Африки местечка Капутдава. При строительстве укреплений был открыт источник, судя по описанию артезианский. «13. Желая отметить этот дар Божий... император Юстиниан... тотчас решил это *местечко* преобразовать в *город*, дать ему крепкие стены, всеми другими сооружениями придать ему важность, украсив, сделать его *богатым городом...* 14. Воздвигалась... городская стена, и внезапно изменилась вся судьба округи. 15. ***Земледельцы, покинув свои плуги, живут как граждане, применяя уже не деревенские обычаи, но городской образ жизни.*** 16. *Они ежедневно посещают городскую площадь, ведут собрания и споры о собственных нуждах, для общих нужд устраивают рынок и совершают всё остальное, что служит достоинством для города*» (Кн. 6:VI, 13-16).

Полагаю, текст не требует детального комментирования. А вот данными, что жители Хазарии *покидали плуги*, мы как раз и не располагаем. Археология на сегодня показывает другое, равно как и то, что облик всех крупных поселений Хазарского каганата никак не свидетельствует о городском образе жизни.

Закончу несколько пространное обращение к градостроительству Византии, упомянув зафиксированный современными нам историками обратный процесс в следующие за Юстинианом века. С конца VIII в. начинается спад в экономике, выразившийся в *аграризации* городов, сокращении денежного обращения и торговли (Чичуров, 1980. С 10). Удивительно, как историки, разделённые более чем тысячелетием, определяют в системе одних признаков различия города и деревни.

Я не случайно столь подробно остановился на Прокопии Кесарийском. Из помещенных здесь отрывков, как и из всего сочинения в целом, видно, что в византийском обществе, точнее, в структурах гражданского и военного управления империей и у наиболее образованных его представителей, каким был Прокопий, сложилось вполне определённое и отвечающее текущим потребностям представление о том, что есть «*город*» и чем он отличается от крепостей, сёл, просто «местечек» и захолустных городков, т.е. не-городов. Подчеркну, возникла *потребность* в понятии «*город*».

В методическом плане стоит учесть наблюдения С. Торбатова, проводившего анализ фортификационной терминологии поселений и крепостей III—VII вв. провинции Скифия на Нижнем Дунае и в Западном Причерноморье. «В той ситуации, когда отсутствуют определенные письменные указания, опыты типологического определения укрепленных объектов неизбежно носят отпечаток известной условности и неточности» (Торбатов, 2002. С. 85). Именно с этим, отсутствием *определенных* письменных указаний, мы сталкиваемся при изучении больших поселений Хазарского каганата, за исключением весьма *неопределенных* для Итиля.

Терминологическая проблема в византийской лексике также стоит в отношении укрепленных поселений Болгарии периода её вхождения в состав империи, что ещё более близко к проблематике «хазарских городов» (Миланова, 2004). Терминология и классификация ранневизантийских крепостей и поселений были предметом исследования В. Динчева, в котором он отделяет их от собственно городов, вводя вслед за G. Dagron'ом термины «полугородские поселения» площадью свыше 1 га и «укрепленные поселения» площадью до 1 га. Деление, безусловно, спорное, но заслуживающее внимания. Сам В. Динчев признаёт, что определение «укрепленное село» не совсем удачный термин (Динчев, 2006. С. 9)

Дело, впрочем, не в этом. Идёт поиск социально-экономической сути поселений разных видов, с разной архитектурой и фортификацией (или без неё) и, наконец, а так же критериев археологической типологизации.

Особое значение для нашей проблематики имеют труды *Рашио Рашиева*. В концентрированном виде выводы о процессах становления ханских резиденций и градообразования он изложил в своём последнем капитальном исследовании в главе «Обитаемые места», преимущественно на примере Плиски, рассмотрев и проанализировав историю её возникновения, развития и, что особенно важно, функции этого одного из крупнейших «обитаемых мест» Первого Болгарского царства (Рашев, 2008. С 45). Рашев анализирует в равной степени терминологию (аул, лагерь, кампос, город) и стоящие за ней реальности. Здесь же я должен обратить особое внимание на вводимый Рашевым обобщающий термин «обитаемые места». Действительно, далеко не всегда открытый в ходе раскопок или известный по письменным источникам пункт можно охарактеризовать в более определенных терминах и понятиях, не став на путь субъективизма за нехваткой информации (кочевье, селище, поселение, убежище, крепость, город). Заметим, термин Р. Рашиева по созвучию и содержанию перекликается с термином Б.Н. Заходера «населённые места» (Заходер, 1962. С. 172). Более нейтральный по смыслу, формализованный термин у Ст. Михайлова - «пункт» (Михайлов Ст. 1983. С 189).

Лексика, определяющая тип населённого пункта, города постоянная и важнейшая тема в исследованиях процессов урбанизации. Дело, понятно, не в лингвистических упражнениях, а в адекватном понимании источников, в том числе и сопряжении их с данными раскопок. Так, Н.В. Пигулевская обобщила достижения современной ей иранистики по серии терминов, включая «шахристан»=город. Обращу внимание на «рустак»=деревня, как противопологающийся «городу», «kanta»=стена (Самарканд=Мараканда) (Пигулевская, 1956. С 169-172).

Терминология арабской лексики вновь рассмотрена О.Г. Большаковым: «В сведениях о событиях VII в. (время становления Хазарского каганата. — В.Ф.) употребляются два термина: *мадина и карйя*: первое, безусловно, "город", второе географы X в. употребляли в смысле "селение". Но в VII в., видимо, такого четкого разграничения не существовало. В некоторых случаях словом *карйя*

обозначались, несомненно, города. ... Этот разноречивый в употреблении терминов, обозначающих различные типы поселений, прекрасно иллюстрирует Коран. В нём встречаются три термина: *мадина*, *карья* и *балад*. ...Особенно неясно значение слово *балад*» (Большаков, 2001. С 48). Из приведённого обратим внимание на «разноречивый».

Что касается соседней с каганатом Таврии, то приведу вывод А.В. Иванова: «Предпосылки к образованию городских поселений складываются только к рубежу IX-X вв., до этого времени единственным подлинным городским центром Юго-Западной и Южной Таврии оставался Херсон» (Иванов, 2001. С 97). Так обстояло дело на северной окраине Византийской империи. Для Византии это было едва ли не захолустье, а для каганата — земли соседней, более развитой во всех отношениях страны.

Из всего перечисленного и цитированного возникает вопрос: была ли в Хазарии *потребность* в дифференцировании терминов для определения поселений разного назначения, состава и занятий населения? Очень сомнительно. Среди городищ Хазарского каганата нет ни одного, который хоть в какой-то мере можно было сравнить даже с провинциальным византийским городом по типу застройки. На мой взгляд, это заставляет ещё более осторожно относиться к термину «*города Хазарии*». Однако не может возникнуть сомнений в том, что в Хазарском каганате существовали определённая традиция и повседневная практика в обозначении каждого долговременного поселения, а тем более крепости.

До накопления новых археологических данных, равно как и нарративных, до новых лингвистических исследований и открытий мы можем (должны) отказаться от термина «город» в приложении к памятникам Хазарского каганата. Для обширных археологических объектов имеющих или не имеющих оборонительные сооружения целесообразно придерживаться традиционных археологических терминов «*городище*», «*поселение*», в первую очередь для совершенно не исследованных или с незначительным процентом вскрытых площадей. По имеющимся на сегодня чрезвычайно скудным и отрывочным археологическим данным ни одно городище или конгломераты открытых поселений салтово-маяцкой культуры не позволяют определять их как «город» ни по одному из проявлений материальной культуры. Сколь либо различной дифференциации города и села в каганате археология не фиксирует.

Чем мотивировала свои построения о городах Хазарского каганата автор идеи о них С.А. Плетнёва? Исследовательница сама дала четкий ответ на этот вопрос: «Соображения относительно существования степных городов и торгово-таможенных крепостей появились у меня в результате *невероятности отсутствия* (выделено мною. — В. Ф.) в такой обширной торговой державе, какой была Хазария, пунктов, организующих и объединяющих это громадное степное многоземелье» (Плетнёва, 2002. С 123). Надежда на существование хазарских городов подменила археологическую действительность. Неудивительно, что список хазарских городов в трудах автора систематически менялся. Это не случайно. Уровень социально-экономического развития государства и урбанизация обуславливают единый процесс, что, в частности, прослежено на примере Скандинавии и Древней Руси (Мельникова, Петрухин, 2011). Разумеется в каждом обществе этот процесс имел свои особенности экономического развития, в котором, на мой взгляд, часто преувеличивается значение торговли.

Кратко о роли торговли в экономике Хазарского каганата. Обратим внимание на совершенно устаревшие утверждения о Хазарии как преимущественно торговой державе (в чём-то напоминают характеристики Л.Н. Гумилёва), что и явилось основным постулатом для С.А. Плетнёвой, охарактеризовавшей ряд городищ каганата как «торгово-таможенные крепости». Необходимо осознать, что роль торговли в Хазарском каганате была не больше, чем у любого современного ему государства, и не идёт ни в какое сравнение с торговой активностью Китая, Византии, Ирана и Арабского халифата, а затем отдельных халифатов. Более широко освещая роль торговли в Хазарском каганате в ряде исследований, В.Я. Петрухин пришёл к следующему заключению: «...Вопреки ставшим расхожими представлениям о главенстве "финансового капитала" в Хазарии, у нумизматов практически нет данных о денежном обращении в каганате; хазары чеканили собственные подражания арабским дирхемам, но клады серебряных монет на территории каганата единичны, особенно по сравнению с многими десятками кладов, содержавших сотни тысяч монет, на территории Руси (и связанной с ней Скандинавией)» (Петрухин, 2002. С. 308). Собственный же «престижный чекан» монеты в каганате, как отметил

этот же автор, характеризует страны с неразвитым монетным обращением (Петрухин, 2011. С 69), каковым и был Хазарский каганат.

В любом научном исследовании есть проблема, которую я обозначаю как «*подмена содержания феномена термином*». Вводя новый термин, исследователь поневоле оказывается у него в плену, а затем навязывает свои неверные умозаключения другим. Этот вопрос психологии научного творчества напрямую относится и к термину «город Хазарии».

Вторая проблема отчасти также психологическая, но в большей степени методическая. Недостаток источников — для археологии это неполнота и часто низкое качество раскопок и публикаций даже известных памятников — порождает стремление «восполнить» их всевозможными мнениями, предположениями, допущениями, гипотезами²⁴.

Новый импульс в обсуждении проблемы города в Хазарском каганате могут дать только масштабные раскопки больших населённых пунктов. При существующем порядке, когда каждый археолог *индивидуально* ведёт маленькие раскопки «своего» памятника, надеясь на скорое накопление новых данных по структуре поселений салтово-маяцкой культуры не приходится. Выход есть: нескольким археологам объединить свой научный потенциал и финансы для комплексного исследования одного поселения. Не могу не отметить, что превалирующая в археологии практика единоличности в полевых исследованиях устарела, она непродуктивна, неизбежно ведёт к застою в методике раскопок, препятствует обмену новыми методами и технологиями полевых исследований, в значительной мере тормозит теоретические разработки.

²⁴ По сути, об этом же в связи с другой тематикой с тревогой пишет С.Б. Сорочан: «...в ряде таких работ стал обнаруживаться опасный симптом, на который стоит обратить внимание. Развившись и выйдя из-под контроля, он может в будущем увлечь исследователей на шаткий путь домыслов, превращающихся в ходячие клише, навредить уже полученным результатам, посеять путаницу и заблуждения. Самое печальное в наблюдаемой тенденции — отказ от непреложных исторических, археологических фактов и стремление бездоказательно подогнать имеющиеся материалы к собственным выводам, которые далеко не безупречны и нередко не могут быть приняты даже в виде гипотезы, входя в противоречие с иными данными» (Сорочан, 2010. С 225).

Есть два вопроса, освещения которых в современной хазароведческой литературе найти не удалось.

1. Возможно ли сравнивать городища и большие неукреплённые поселения Хазарского каганата с настоящими в полном смысле этого понятия городами средневековых империй Балкан, Малой Азии, Ближнего и Среднего Востока? Думаю, не только возможно, но необходимо и неизбежно. Необходимо для того, чтобы опираться на определенные критерии в хазароведческих исследованиях. Изучение византийского и восточного города имеет давние традиции и большие достижения как в фактологической части, так и в теории (сетования историков исследователей городов Византии и Ближнего Востока на недостаток письменных и археологических источников у исследователей Хазарского каганата могут вызвать только улыбку: у хазароведов их ничтожно мало). Для Востока известна общая хронологическая канва политических событий (часто до дня и месяца), а история многих городов прослеживается столетиями. Лакуны в истории одних дополняются сведениями о других. С сожалением отмечу, что в работах археологов-хазароведов ссылки на исследования городов Ирана, Византии, Халифата редки до удивления. Сложившуюся ситуацию можно назвать хазароцентризмом, а было бы продуктивно *посмотреть на Хазарию со стен восточных городов*.

2. Об общей теории и методологии изучения города. Я не намеревался затрагивать эту бездонную проблему. Толчком послужило введение О.Г. Большакова к своей книге, из которого придётся сделать большую выписку: «Автор настоящей работы предложил вместе с В.А. Яковсоном определять город как населённый пункт, основной функцией которого является *концентрация и перераспределение прибавочного продукта*. Преимущество этого определения перед остальными состоит в том, что оно основывается на важнейшем понятии марксистской политэкономии, определяющем характер социально-экономических отношений всех классовых обществ, а, следовательно, и всех сторон жизни города. В понятие «концентрация прибавочного продукта» входит сбор налогов, получение земельной ренты и излишка продукта, образующегося вследствие неэквивалентности товарообмена между городом и деревней...» (Большаков, 2001. С. 10). Да, вероятно, город можно рассматривать как центр сосредоточения прибавочного продукта и последующего его перераспределения. О.Г.

Большаков не декларирует политэкономическую категорию К. Маркса, но в полной мере использует в своей книге. Квинтэссенция концепции О.Г. Большакова: «...все характерные проявления цивилизации (как бы разнообразно ни трактовалось это понятие) рождены появлением прибавочного продукта, концентрацией и трансформацией которого занимается город» (Там же. С. 11). С этим можно спорить по ряду положений (в частности, о том, что прибавочный продукт производил и сам город, а этот же продукт концентрировался не только в городе, но и в руках крупных землевладельцев и скотоводов), но нас интересует другое. Приложим ли данный подход к большим поселениям Хазарского каганата? Ответ содержится в примечании автора на с. 10: «Это определение [города. — В.Ф.] исключает возможность называть городами крупные укрепленные поселения доклассовых обществ, в которых ещё отсутствовало отчуждение прибавочного продукта» (С 10). Круг замкнулся. Мы возвращаемся к вопросу о *формационной ступени хазарского общества*. Данных о собственности на землю и скот у нас нет, но при раскопках городищ с каменными и кирпичными крепостями не обнаружено что-либо, свидетельствующее о выделении слоя феодалов или иного слоя крупных собственников. Земельная рента? Сбор налогов или всё-таки полюдьё? То, что можно было бы назвать «прибавочным продуктом», могло собираться лишь эпизодически для постройки этих же крепостей, но не как замков феодалов, а как необходимых всему населению пунктов обороны, прежде всего в междоусобной борьбе.

Делать какое-либо определённое заключение о хазарском обществе не берусь, проблема далека от разрешения. Вспомним, что М.И. Артамонов определял его как «примитивное феодальное образование». Характерно, что богатство верхушки более состояло из драгоценностей, чем из звонкой монеты. Стратификация хазарского общества по данным археологии мало выразительна (Флёров, 1993). Я не разделяю взгляды исследователей, которые на основе находки сабли в катакомбе относят погребённого к особому слою воинов. Вряд ли социальная граница между погребёнными с саблей и без неё была устойчивой, а главное, закреплялась нормами права.

О.Г. Большаков продолжает: «Предлагаемое определение снимает также старый спор о примате политико-административного или торгово-ремесленного начала в городе: оба они, будучи соотнесены с такими важными понятиями политической экономии, как

прибавочный продукт, предстают двумя сторонами неразделимого диалектического единства» (Там же. С 11).

Основанных хазарами городов археология, как я пытался показать, в каганате не обнаруживает. Этот мой основной вывод заставляет вернуться к построениям С.А. Плетнёвой в уже упоминавшейся книге, в которой она в обобщённом виде изложила свою теорию «от кочевий к городам» в приложении ко всем каганатам, не только к Хазарскому (Плетнёва, 1982). Оставляя за скобками важные особенности каждого из них, она писала: «Все явления экономической, этнической, культурной жизни кочевых объединений связываются в прочные цепочки, или социально-экономические модели» (Там же. С 146). Третья модель, помимо прочих, характеризуется ею следующими признаками: третья стадия кочевания, феодализм, города. Приходится отметить противоречивость объединения в одну модель третьей стадии кочевания и городов. Вероятно, по этой причине С.А. Плетнёва вводит и многократно использует в книге термин «степные города». Расшифровка содержания термина не предложена, но по контексту можно догадываться, что подразумевается некий специфический тип города, создаваемый в кочевой среде². Непосредственно в Хазарском каганате таких пока не обнаружено. Явно понимая это, Плетнёва применила и иной термин «поселение городского типа» (Там же. С. 100). Поскольку речь шла о Дагестане, подразумеваются Семендер и Беленджер? Археология, как я отметил в начале этой статьи, их не выявила, об их социально-экономическом типе можно только гадать.

Что касается Дона и Нижней Волги, то, по С.А. Плетнёвой, здесь «помимо неукреплённых поселений и замков... было несколько более или менее крупных городов. Из крупных — Итиль, «выросший из ставки кагана и во всё время жизни этого государства [Хазарского каганата] остававшийся зимовищем хазарской знати, продолжавшей кочевать в течение семи месяцев в году» (Там же. С 102, 103). Характеристика противоречива. Я понимаю её как большое поселение, так и не ставшее городом. Что касается столь продолжительного «кочевания» кагана Иосифа, то С.А.Плетнёва

² Понимая, что подобрать всеобъемлющий термин к любому явлению практически невозможно, и что любой термин всегда условен, отмечу следующее. Термин степные можно понимать не только в связи с кочевничеством, но и как определение географической зоны. Но и в этом случае, придётся учитывать, что степи Евразии очень неоднородны по природным условиям, климату и др. характеристикам.

исходила из тезиса о том, что к оседлости переходила в первую очередь беднота, а знать продолжала кочевать, сохраняя большое поголовье скота³. Реконструировать архитектурно-планировочный облик Итиля мне не удалось. О социально-экономической структуре Итиля до раскопок судить вообще опрометчиво, а о соотношении в Итиле занятых сельским хозяйством, ремеслом и непродовольственных групп населения (администрация, служители религий, «гвардия», торговцы и пр.) можно только гадать, как и в целом о числе жителей (Флёров, 2009а; 2009б).

Из «менее крупных» назван только «город Саркел», с уточнением «не очень большой город» (Плетнёва, 1982. С102) Впоследствии сама С.А. Плетнёва отказалась от определения «город», выдвинув на первое место функцию «караван-сарая» (Плетнёва, 1996). Такие колебания симптоматичны. Версия «караван-сарая» неубедительна из-за слабости археологической аргументации, хотя Саркел, как любая другая крепость, мог давать убежище и ночлег купцам и иным путешествующим.

На этом перечисление «нескольких городов» закончено. За ним последовало напоминание о «принадлежавших хазарскому правительству» нескольких «древних портах» на Азовском море и в Крыму. Если и принадлежавших, то временно и основанных задолго («древние»!) до появления на берегах Азовского и Черного морей Хазарского каганата. Что касается вопроса, на каких правах они «принадлежали» хазарам, то отсылаю к трудам С.Б. Сорочана и оппонентов его версии о кондоминиуме.

До сих пор я не упоминал другие каганаты. В связи с проблемой «городов» всех каганатов Евразии отмечу только одно: все они, как и Хазарский каганат, сошли с арены истории, не оставив после себя ни одного города. Укажу для примера на столицу Уйгурского каганата Хаара-Балгас (Карабалгасун), который действительно мог быть назван городом хотя бы по сложности планировки (социальную характеристику оставим в стороне).

Недолгое существование городов в степях заметил и Г.Е. Марков (1976. С 285). Полностью разделяю его тезис: «...города, ремесленные

³ На шаткость этого тезиса обратил внимание Борис Живков (2010. С 328, 329), как и на дискуссионность многих теоретических разработок кочевничества, касающихся соотношения земледелия и скотоводства в их сообществах. В данном же конкретном случае, относящемся к Хазарскому каганату, я рассматриваю ежегодные переезды Иосифа как полюдь.

центры возникали только при прочной осёдлости, что *противоречит самой сути кочевничества*» (выделено мною. — В.Ф.). Выше я писал то же: город и кочевничество несовместимы. Если и начинают появляться большие населённые пункты, «столицы», то они исчезают вместе с каганатами и империями кочевников.

Только в Европе в совершенно иных условиях два прежде кочевых народа создали и ныне существующие государства с городской культурой. Праболгары, получившие античное и византийское наследие не только в градостроении и строительных технологиях, но и в агрикультуре. Большую роль сыграло присоединение Болгарии к греческому православию. И это при том, что политические и церковные отношения с Византией всегда были напряжёнными. Достаточно указать на эпоху царя Симеона (Рашев, 2007). Феномен Болгарии заключается ещё и в том, что она выжила даже в условиях турецкой оккупации и насаждения ислама.

Венгры, не без римского и аварского наследия, а главное, при постепенном включении в европейскую культурную среду, несмотря на языковую отчуждённость, создали самостоятельное государство. После кровавых набегов на западных соседей и благодаря неизбежному их влиянию контакт с Европой был закреплён присоединением к западной ветви христианства. Для сравнения — манихейство в конечном итоге привело, наряду с другими факторами, Уйгурский каганат к гибели, так как выделило его из окружения (Плетнёва, 1982. С. 90). В данном случае я полностью согласен с С.А. Плетнёвой. Ни один из восточных каганатов не положил начало и новым государствам.

Однако вернёмся ещё к Первому Болгарскому царству, его центру Плиске. Упомяну лишь несколько авторов. «В отличие от позднего болгарского средневекового города, как, например, Тырново, город в раннее средневековье, включающее эпоху Первого Болгарского царства, прежде всего *сильно укрепленный пункт*, который как по фортификации, так и в отношении структуры внутреннего пространства, очень *близок собственно крепости*, чем городу в средневековом смысле этих понятий. Такой характер имел столичный центр Плиска, который не случайно в источниках того времени – имеется ввиду Чаталарская надпись, в которой назван *кохлов*, что можно сравнить с латинским понятием *castrum* (Михайлов, 1983. С 189; перевод и курсив мой. – В.Ф.).

Большое место Плиска занимает в трудах Рашо Рашева: «...Центральная часть [Плиски] не могла быть охарактеризована как город согласно обычным для этого понятия критериям, состоящими в сравнительно плотной застройке с улицами и площадями, водопроводной системе массового пользования, общественных постройках и преобладании производственной и ремесленно-торговой деятельности населения. Плисковский Внутренний город не обладал ни одной из перечисленных черт, он прежде всего *крепость* (здесь и далее выделено мною. — В. Ф.). Исключая несколько массивных построек в центре и систему водоснабжения, он *не имел ничего общего с городами региона римско-византийского времени*. ... На базе таких критериев не только резиденция [т.е. Внутренний город], но вся территория столицы (которая представляется единым *аулом*) не может быть названа городом. С хозяйственной точки зрения экономика ближайших кварталов (надо понимать как заселённые участки внутри Внешнего города. — В. Ф.) имела подчёркнуто аграрный характер...» Далее, приведя ряд точек зрения на функции Плиски, сам Рашев делает заключение: Плиска создана как *культовый и военно-административный центр* (Рашев, 2008. С. 133). Казалось бы, позиция известного болгарского учёного обозначена вполне определённо, но продолжим выдержки из его текста. «Военно-административная функция [Плиски] ведущая, она определяет постоянное присутствие в ней владельца, который в определенных случаях выступает и в качестве верховного жреца. В его резиденции и рядом постоянно расположены войска. Но даже при такой характеристике резиденции она имеет и выполняет важную хозяйственную функцию (*sic!* — В.Ф.). Она центр концентрации и перераспределения прибавочного продукта в его различных формах — натуральные дани, добыча, различные формы принудительных повинностей по строительству и поддержанию ханской резиденции — функция, которая присуща только государственному центру, который при всех оговорках не сравнивается с обитаемыми местами сельского типа. С такой точки зрения, ханская резиденция могла бы быть определена как *своеобразная форма раннего города*» (Там же. С. 132).

Попробуем разобраться в словах Р. Рашева о Плиске. С одной стороны, резиденция с военно-административными функциями без перечисленных им признаков города; с другой стороны — очень осторожное: резиденция «*могла бы быть определена*» как

своеобразная форма раннего города на основе концентрации в ней прибавочного продукта. Сразу обратим внимание, Рашев не настаивает, но лишь предлагает своё определение. Речь идёт даже не о городе, а о *ранней его форме*. Другое дело, можно ли источниками прибавочного продукта считать перечисленные военную добычу и принудительные строительные работы, ведь такие явления широчайше распространены в самых ранних сообществах. Здесь есть предмет для дискуссии. Что касается дани со своего населения, то в какой-то мере этот аргумент можно принять, если дань взимается постоянно в нормированных пределах. Что касается моей позиции, то я склонен строго придерживаться тех признаков города, которые Р. Рашев перечислил, а соответственно вижу в Плиске военно-административный и культовый центр. Не стала Плиска хозяйственным центром и с потерей столичных функций, которые перешли к Преславу. Истины ради укажу, что среди болгарских исследователей бытуют и иные точки зрения.

Обращение к исследованию Р. Рашева закончу его словами: «Точная универсальная дефиниция понятия город, как известно, чрезвычайно трудная задача» (Там же. С 131). На мой взгляд, основная трудность заключается в том, что невероятно сложно уловить тот исторический момент, когда обитаемое место начинает превращаться в город. Здесь важно, не поддаваясь эмоциям, твёрдо придерживаться определённых признаков, не преувеличивая значение каждого отдельно взятого (см. ниже о «протогороде»).

Итак, если даже в отношении такого центра, как Плиска, существуют обоснованные сомнения в его социально-экономическом статусе города, то что же говорить о городищах Хазарского каганата, о его фортификации и пр. Достаточно сказать, что такое мощное и масштабное, технически и архитектурно совершенное строительство, которое представлено в Плиске, не зафиксировано ни на одном археологическом памятнике Хазарского каганата. И почти исключено, что нечто подобное скрывается в недрах найденного (городище Самосделка) или найденного Итиля.

О «протогороде». Этот заключительный раздел статьи начну с констатации того, что С.А.Плетнёва в поисках приемлемого определения для городищ, в которых она видела зачатки городской жизни, не остановилась окончательно ни на одном. Это были: городок, маленький городок, степной городок, небольшой город и

пр., но никогда для городищ каганата, в которых, по её представлениям, проявлялись признаки урбанизации, она не использовала термин «протогород», хотя он (термин) в последней четверти XX в стал широко использоваться для определения стадияльного положения многих памятников раннесредневековой Европы, в частности Скандинавии и Руси (Мельникова, Петрухин, 2011).

В конце XX в. В.В. Седов опубликовал статью с привлечением полусотни поселений Европы, от Англии и Испании до Ладоги и Херсонеса (Седов В.В. 1989); далее указываются только страницы). Среди других рассмотрены поселения северной зоны (территория севернее пределов Римской империи и Византии), на материалах которой и делается попытка обосновывать существование протогородской стадии урбанизации.

Привлечённые В.В.Седовым памятники разным археологическим культурам VII–IX вв. и находятся в различных географических районах: скандинавские, прибалтийские, восточнославянские. Среди них укрепленные и открытые. Исследованы они в разной степени, но в каждом автор видел протогород, для которого выделил четыре признака (С 43). Первые два признака перекликаются.

Признак первый: поселения *неаграрного характера, отличающиеся концентрацией строений и жителей*. Так ли это? На деле «не-аграрность» для большинства из них имеет различную степень, вплоть до обратного — преобладания сельского хозяйства при наличии признаков ремёсел. Признак концентрации строений расщелится на варианты, от хаотичного расположения жилищ до очень редкого упорядоченного. Число жителей в большинстве случаев не проверяемо, но, судя по размерам поселений, никак не превосходило число жителей одновременных собственно сельских. Однако, с другой стороны, указанный набор первой серии признаков может принадлежать и сформировавшемуся городу, а не протогорода.

К «не-аграрным» В.В.Седов относил посёлки ремесленников VII–VIII вв. на восточнославянской территории, укрепленные и неукрепленные. Первым названо Пастырское городище со славянским и «тюркоязычным» населением, затем городища Зимно, Каневское и другие. «Такие поселения в русской археологической литературе именуется протогородами» (С 38, 39). Sic! Вызывает

недоумение, почему В.В. Седов не указал кого-либо из представителей обширной русской археологии.

Второй признак по сути повторяет признак не-аграрность— «*средоточие ремёсел*». В обобщённом виде принять его невозможно, т.к. присутствие ремесленников надо оценивать не по отдельным находкам из металлов, стекла, рога и пр., а по количеству мастерских или концентрации отходов производства. *Типичным протогородом* В.В. Седов определяет Щецин IX–X вв., «плотно застроенный жилыми постройками, в которых жили и работали преимущественно ремесленники» (С 37). Если это так, то почему же не назвать Щецин уже с указанного времени городом, тем более что преобладание ремесла — бесспорный городской признак поселения? Ответ мы находим в связи с другим поселением, «соседним Волином в IX–X вв. представлявшим собой *развитый* протогород, *постепенно* переросший в раннефеодальный *город*» (С 37). Прерву цитату. Появление термина «развитый протогород» предполагает необходимость определить границу (хронологическую и/или качественную) между селом и городом, то есть исходную точку появления *раннего* протогорода, а затем точку перехода последнего в *развитый*, а развитого протогорода в *ранний город*. Возможно ли провести подобную аналитическую процедуру? Ответ в продолжении цитаты: «*Границу между протогородским поселением и городом обнаружить не удаётся*»(!). Остаётся добавить, что точно так же невозможно обнаружить границу между селом и городом. Не берём те случаи, когда поселение сразу основывается как город.

Итак, если границ между селом, ранним протогородом, развитым типичным протогородом и городом, найти не удаётся, то открывается простор для субъективных построений, зависящих исключительно от позиций того или иного автора. На стр. 44 В.В.Седов повторил, что «*не всегда можно провести грань между протогородом и ранним городом*». Ничего не решает введение В.В.Седовым ещё одного термина — «*не-аграрное поселение*» (С 42), которое должно прийти на смену аграрному.

Приходится признать: этап трансформации села в город не нуждается во введении дополнительных градаций, влекущих за собою появление искусственной терминологии, которая сама требует обоснований (и так без видимого конца). Вывод напрашивается один: Европа в VII –X вв. переживает закономерный длительный исторический *процесс* становления новых городов и подъёма старых,

переживших катаклизмы IV–VI вв. Отдельные европейские регионы и государства имели свои особенности этого процесса. Наконец, особенностями отмечена история каждого города. В частности большое значение имело географическое положение (приморское, континентальное и пр.).

Необходимо иметь в виду, что формирование архитектурно-планировочного облика города, его социально-экономической структуры — процесс совсем не прямолинейный. Проявления урбанизации переплетены подвижными связями. В какой-то степени зарождение и становление города можно сравнить с развитием от простейших к сложным молекулярных структур, кристаллических решёток и подобных систем. Процесс может нарушаться, менять направление, прерываться, вновь активизироваться. Сплошь и рядом он подвергался внешнему воздействию, благоприятному или губительному, в городе и вне его менялись политическая и экономическая ситуации т.д. Если принять во внимание перечисленное, то станет ясно, что поиск точек перехода аграрного состояния поселения в не-аграрное бесперспективен. Тем более, что жители ни одного раннесредневекового города не обходились без занятия сельским хозяйством.

Остаётся кратко рассмотреть ещё два признака протогорода по В.В.Седову. Третий: *«нередкие» находки дорогостоящих импортов, монет, весов и гирек*. Безусловно, торговля — одна из функций города, иногда и основная причина его возникновения. В.В.Седов писал, что перечисленные находки «свидетельствуют об активном участии протогородов в межплеменной и нередко международной торговле» (С 43). Можно ли определить, какова должна быть частота выпадения импортов, монет, гирек, чтобы раскапываемое поселение считать уже не протогородом, а состоявшимся городом? По крайней мере, надо знать статистику перечисленного, что бы как-то оценить «активность» торговли.

Четвёртый признак — *этническая неоднородность*, «когда совместные экономические интересы заставляли терпимо относиться к лицам иного этнического происхождения» (С 43). Судя по упоминанию Бирки и Хайтхабу, автор подразумевал, вероятно, торговые интересы. Если это так, то данный признак надо считать лишь составляющей частью третьего.

Первую попытку ввести стадию «протогород» в историю хазарских поселений предпринял В.В. Колода, предложив

следующую типологию городов Восточной Европы конца I-го тыс. н.э.: 1) *антично-византийский* (причерноморский) – полисный; 2) *северокавказский* – крепость; 3) *восточный* (степной) – ремесленно-торговый, с крепостью и обширной сельскохозяйственной округой; 4) *древнерусский* (изначально родоплеменной центр) – многофункциональный, с кремлём и посадом. В оценке этой систематизации я испытываю большие трудности и предлагая сделать это читателям. Понятно, что поселения Хазарского каганата попадают в третью группу. Основополагающий тезис В.В. Колоды в следующем: если города в Хазарском каганате не обнаружены, то попробуем выделить «протогород, как городище, обладающее некоторыми чертами и средневекового города». Вводятся два дополнительных показателя: «*общая площадь прилегающих к нему поселений селищного (? – В.Ф.) типа и зоны ремесленно-торговой деятельности*» (Там же. С 36). К протогородам В.В. Колода причисляет 10 салтово-маяцких городищ: Волчанское, Верхний Салтов, Чугуевское, Мохнач, Коробовы Хутора, Сухая Гомольша, Сидоровское, Маяки, Ютановское, Маяцкое. Кроме того, к перспективным в смысле присвоения им статуса «протогорода» отнесено «практически неисследованное» Кировское городище. Часть из поименованных памятников известна только внешне, на других вскрыты очень небольшие площади. Достаточно полно раскапывался лишь Маяцкий комплекс. Таким образом, база источников для обсуждения неполноценна. Что, на мой взгляд, имманентно присуще идее В.В. Колоды – это попытка в иной форме все-таки «внедрить» в Хазарский каганат несколько, пусть и не городов, но находящихся вроде бы близко к ним «больших населенных мест», в которых, как минимум, должны находиться гончарные мастерские и кузницы. Но без них не могло обойтись ни одно более или менее значительное сельское поселение. Скопление в округе Ютановского городища небольших гончарных горнов тоже не делало «Ютановку» ни городом, ни протогородом. Подмена одного термина (*город*), другим (*протогород*) никак не приближает нас к уточнению и конкретизации социально-экономической характеристики Хазарского каганата.

Мне трудно судить, насколько верно относить к остаткам «протогородов» некоторые упоминаемые В.В. Колодой славянские памятники, но следующее положение в его статье наверняка подвергнется обсуждению специалистами: «в рамках волынцевской

культуры можно говорить о формировании *государственнообразующего микрорегиона* (курсив мой. – В.Ф.) с центром на городище Битица-1» (Там. же. С 36).

В.В. Седов в указанной выше статье весьма неопределённо заметил: «...немалое число протогородов непосредственно эволюционировали в ранние города» (Седов, 1989. С 44). На самом же деле из перечисленных им таких было меньшинство. Из списка же салтовомаяцких «протогородов», составленном В.В. Колодой, городом не стал ни один.

Целесообразно ли вводить термин «протогород» для населенных мест, которые так и не стали городами? В целом же, вся история Хазарского каганата — непрерывный, но так и незавершенный процесс.

В.В.Седов, в меньшей степени В.В. Колода, всё-же аргументировали свои построения. Однако, всё чаще приходится встречать случаи, когда авторы совершенно произвольно определяют археологический объект как «протогород», опираясь лишь своё мнение или видение.

«Протогородами» названы большие укрепленные рвами городища первой половины I тыс.н.э. на Северном Кавказе – Брут, равно и Зилги, Алхан-кала, Нижний Джулат (Габуев, Малашев, 2007. С 460). Основной аргумент – большие размеры и мощная фортификация перечисленных городищ. Достаточно ли этого, чтобы сблизать, к примеру, северо-причерноморские собственно города, часто небольшие, и синхронные им указанные большие северокавказские памятники? Вопрос неизбежен. В тезисах одного из докладов В.Б.Ковалевской о городищах Северного Кавказа опять упомянуты те же протогорода с посадами, на которых «следы высокоорганизованных ремёсел свидетельствуют о высокой социальной организации алан». «Расцвет протогородов» отнесён к III – V вв. (Ковалевская, . 2008. С 51). Примечательно, что непосредственно в ходе доклада В.Б.Ковалевская отметила, что данный термин применительно к перечисленным памятникам надо употреблять в кавычках.

Имея в виду те же городища, несколько дальше пошёл А.А.Туаллагов. С оговоркой «возможно» он пишет о создании в Центральном Предкавказье в II – IV вв. «мощного протогосударственного объединения с необычайно высокоразвитой культурой», с *«урбанистическим типом экономики»* (Туаллагов,

2008. С 48). Правда автор констатирует, что основная масса исследованных аланских памятников указанного времени ещё не введена в научный оборот. Тем более нужна осторожность при общих характеристиках происходивших здесь социально-экономических процессов. Признаюсь, для меня осталось не ясным, какие черты могут характеризовать «урбанистический тип экономики» Центрального Предкавказья первой половины I тыс.н.э. Возникает ещё один вопрос: «необычайное развитие» аланской культуры в сравнении с какими культурами? Вопрос в критериях. Я расцениваю в целом аланскую культуру Северного Кавказа и первых веков н.э., и V – XII вв. как совершенно заурядную, как, впрочем, и культуру Хазарского каганата. Высокоразвитыми их можно назвать разве что в сравнении с восточнославянскими. В археологии вообще существует тенденция называть многие культуры «высокоразвитыми». Всегда возникает вопрос «по сравнению с какими»?

«Протогородской центр» из нескольких поселений (гнездо поселений) гуннского времени в составе «особой этнополитической протогосударственной структуры» выделен в лесостепи Верхнего Дона (Обломский, 2006. С. 240, 241).

Помимо «протогорода» в литературе фигурирует термин «первогород» в приложении к поселениям бронзового и раннего железного века Сибири (Кызласов, 1999).

Как постороннее приложение к прекрасно изданному Рождественскому комплексу X – XIV вв. из Пермского края выглядит маленький заключительный раздел, в котором делается причислить его к «протогородам», несмотря на приводимое тут же высказывание Б.А.Рыбакова о том, что рождение города – это длительный процесс, и исследователь, за редчайшим исключением, не может определить время рождения собственно самого города, то есть ту грань, которая отделяет протогородской этап от уже собственно города (Белавин, Крыласова, 2008. С 498-509). Соавторы, следовали в целом концепции В.В.Седова. Большое место в их аргументации занимает гипотеза о соотношении археологического памятника с «городом Аффула» арабских источников. Но понятие «город» в арабских источниках, в данном случае «касаба», весьма далеко от современных дефиниций. Если не ошибаюсь, Рождественский комплекс – самый восточный «протогород» Европы.

Я прихожу к заключению: распространение в археологической литературе нового термина более порождает новые проблемы, нежели помогает решать насущные старые.

Т.В. Чичко

ПУТИ И ПЕРЕВАЛОЧНЫЕ ПУНКТЫ ПРОНИКНОВЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ИМПОРТА НА ТЕРРИТОРИЮ ЮЖНОГО УРАЛА И ПРИКАМЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ²⁵.

В настоящее время имеется три варианта решения проблемы путей проникновения восточного импорта в Прикамско-Приуральский регион: волго-камский торговый путь из Закавказья, Волго-Камский путь из Средней Азии и степной путь из Средней Азии. Каждый из них имеет свою историю, насчитывающую несколько столетий, и сложился задолго до того, как в Прикамье и Приуралье стали поступать произведения восточной торевтики. До того, как получить «статус» торговых, эти пути служили целям войны и мира, являлись связующими нитями межэтнических и политических контактов, местами расселения отдельных общественных образований. В пределах этих трасс первоначально осуществлялся межплеменной обмен полезными ископаемыми, обмен и торговля продуктами и ремесленными изделиями, происходивший первоначально либо в рамках одного небольшого региона, либо опосредованно, от племени к племени – на большие расстояния (Стависский, 1990. С.19). Большую роль в процессе становления торговых трасс играли кочевники (Горбунова, 1990; Сверчков, 1990. С.33-35).

Качественно новый этап в развитии культурных и экономических отношений начался лишь на рубеже I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., в связи с оформлением межконтинентальной трассы, получившей в науке название Великий шелковый путь. В эпоху раннего средневековья он представлял собой целую систему международных торговых трасс определяемых в китайских источниках как «Северная», «Средняя» и «Южная» (Иерусалимская, 1990. С.58-60).

²⁵ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0963 (тема научно-исследовательской работы - «Роль государств эпохи средневековья и нового времени в процессе формирования этнокультурной карты Южного Урала и Прикамья».

Главным направлением Великого шелкового пути была, так называемая, «Средняя» трасса, которая проходила через Фергану на юго-запад в Афганистан – Иран и далее в Средиземноморье. В раннее средневековье эта трасса связывала конкурентные по отношению друг к другу регионы – Средиземноморье с одной стороны и Ближний Восток с другой. Западный участок этой дороги находился в руках Сасанидского Ирана, препятствовавшего прямым контрактам стран Средиземноморья с Дальним Востоком и Средней Азией. Второе «Северное» направление Великого шелкового пути проходило от Ферганы и Тянь-Шаня через долины Таласа и Кетмень–Тюбе – Ташкентский оазис – низовья Сырдарьи – Южное Приуралье – Нижнее Поволжье (Заднепровский, 1997. С.80). Формирование этой трассы началось еще в конце I тыс. до н.э. и было связано с процессом складывания, главным образом, в среднеазиатском регионе древних земледельческих культур и их контактами с кочевыми народами и с существующими в это время империями (Римской, Китайской, Парфянской и пр.) (Тезисы докладов...1990). Ко II – III вв. н.э. северный (степной) путь от Западного Китая к Танаису оформился окончательно, о чем свидетельствует изучение вещевого инвентаря Лебедевского могильника на территории Южного Приуралья (Мошкова, 1990).

Ответвлением «Северной» трассы Великого шелкового пути являются Волжский торговый путь и Степной путь – через Южное Приуралье и территорию современного Башкортостана.

Одной из составных частей Волжского торгового пути является левый приток Волги - Кама, а также другие водные артерии, входящие в Камский бассейн (Белая, Вишера, Чусовая и др.). Население Прикамья было включено в международную торговлю еще в эпоху раннего железа, и являлось известным поставщиком ценной уральской пушнины, в обмен на которую сюда поступали, например, египетские и вавилонские изделия (Белавин, 2006. С.6). Посредниками в этой торговле А.М.Белавин называет скифов и сарматов, предметы материальной культуры которых известны на памятниках железного века на берегах Верхней Камы. Начиная с VII в.н.э. эти связи возобновляются вновь, после длительного перерыва, связанного с распадом в IV в до н.э. некогда единой ананьинской культурно-исторической общности (АКИО) (Там же).

Таким образом, можно отметить, что Волга и один из ее притоков - Кама, с древнейших времен являлись не только территориями

расселения, но и выступали как пути обмена культурными достижениями «северных» и «южных» народов.

Вторым ответвлением «Северной» трассы Великого шелкового пути был, так называемый, степной путь из Средней Азии. Он проходил через плато Усть-Урт, казахстанские, оренбургские и башкирские степи, реке Белой, на верховья рек Ирень и Сылва в Пермский регион. Этим путем в начале X в. двигалось арабское посольство Ахмед ибн Фадлана, который и оставил нам его подробное описание. Степной путь чаще всего рассматривается как альтернатива Волжскому. Однако он имеет свою давнюю историю, о чем свидетельствуют изделия Передне- и Среднеазиатского происхождения в сарматских комплексах Приуралья (Йессен, 1952, с.227; Трансазиатский степной путь..., с.80; Фрай, 1972, с.334; Харитонов, 1963, с.185-186).

Относительно путей проникновения восточной торевтики в регион, мнения исследователей расходятся. В этой связи, необходимо отметить, что большинство исследователей в процессе поступления восточной торевтики в регион большое значение придают Волге, как основной торговой магистрали в раннем средневековье и государству Волжская Болгария, города которой занимали особое место в системе торговых отношений между Западом и Востоком. Больше всего сторонников получила идея поступления восточного импорта по пути из Средней Азии в Волжскую Болгарию, и далее по Волге в Прикамье. В ее основе лежат рассказ Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу и факты находки в Прикамье хорезмийских серебряных изделий . (Теплоухов, 1895. С.44; Смирнов, 1941. С.57; Кропоткин, 1962. С.117; Даркевич, 1976. С.143-156).

Однако еще в середине прошлого столетия исследователями был поднят вопрос о существовании альтернативного Степного пути из Средней Азии через Оренбургские степи и территорию современного Башкортостана. Путь этот возник позже Волжского, как реакция на нестабильную этнополитическую ситуацию середины – второй половины I тыс. н.э. на Кавказе и в Нижнем Поволжье (Бадер, 1951. С.188; Лещенко, 1971. С.20-21; Noonan, 1982).

В.Ю.Морозов, анализируя состав монетных находок на территории Прикамья, пришел к выводу о том, что Волжский и Степной торговые пути функционировали в разное время: Волжский – в конце V – VII вв., Степной – во второй половине VII-VIII вв. Причем сасанидские и византийские монеты поступали в регион по

Волжскому пути в первый период, а большая часть византийской и сасанидской торевтики вместе со среднеазиатским импортом – по степному (Морозов, 1996. С.156-159). А.Г.Иванов считает, что восточный импорт шел в Прикамье сухопутным маршрутом через Южное Приуралье (Иванов А., 1997. С.58, 110). Напротив, Е.А.Круглов и М.Ф. Обыденнов большое значение придают, так называемому «серебряному пути»: Византия – Согд – Хорезм – Эмба – Яик – Самара – хазарский Итиль на Волге – Булгар – Кама – Белая, который активизировался с VIII в. (Круглов, Обыденнов, 1996. С.67).

Картографирование кладов, содержащих импортную посуду показывает, что проникала она в регион по сухопутному пути из средней Азии через плато Усть-Урт, казахстанские, оренбургские и башкирские степи вдоль рек Белая, Уфа, Сылва в Пермский регион и Верхнее Прикамье. Из 45 кладов, известных в настоящее время в регионе Урала, один найден на территории Оренбуржья, 6 – происходит из бассейнов рек Белой и Урала; 16 – с территории Среднего Прикамья; 13 – с территории Верхнего Прикамья; 7 – с территории бассейна рек Вятки и Чепцы, один клад - из Нижнего Прикамья. Таким образом, можно отметить, что в эпоху раннего средневековья в качестве альтернативы Волжскому торговому пути из Средней Азии существовал степной путь из Средней Азии, который играл главную роль в процессе поступления восточной торевтики в Прикамско-Приуральский регион, активно действуя с середины – второй половины VII в.

На всем протяжении Волжского торгового пути образцов византийской и сасанидской посуды не найдено. Правда, необходимо отметить, что на территории именьковской культуры на Волге было найдено 10 сасанидских монет середины V-середины VI вв. Там же известен Кармалинский клад, содержащий сасанидские драхмы, серебряные изделия, серебряный лом и золотую фольгу (Морозов, 1998. С.379). В.Ю. Морозов предполагает, что сасанидская драхма завозилась к «именьковцам» по Волге. Кроме того, на основе анализа Кармалинского клада, проведенного Г.И. Матвеевой и В.Ю. Морозовым, было выдвинуто предположение, что принадлежал он местному ремесленнику–ювелиру, и сасанидская драхма использовалась здесь в качестве серебряного сырья (Матвеева, Морозов, 1991. С.177). Наличие сасанидских монет середины VI вв. у именьковского населения может свидетельствовать о том, что какие-

то связи между ними и населением Передней Азии и Кавказа в этот период существовали, но они едва ли были регулярными.

Основным потребителем восточной торевтики было население Прикамья, использовавшее ее в культовых целях, о чем речь пойдет ниже. Следовательно, можно предположить, что этнически отличное от прикамского, именьковское (славянское?) население, не заинтересованное в серебряных сосудах, кроме как в сырье, часть их отправляло в Прикамье. Этим можно объяснить отсутствие на именьковской территории находок византийского и сасанидского серебра.

Как считают исследователи, «отношения племен именьковской культуры и северных соседей складывались по-разному»: могли иметь место и противостояние, и контакты, в том числе и этнокультурные (Кляшторный, Старостин, 2002. С.214) Во всяком случае отсутствие интересующих нас находок на именьковских памятниках и на памятниках соседствовавших с ними племен Волго-Камья и Приуралья определенно свидетельствует о том, что «именьковцы» не являлись передаточным звеном на пути поступления византийских и сасанидских сосудов в Прикамье.

Материальная культура населения Прикамско-Приуральского региона VI – VII вв. формировалась под мощным культурным воздействием юга, что проявилось здесь не только в распространении образцов восточной торевтики и монет, но и поясов, т.н., геральдического типа. Геральдическая поясная гарнитура характерна и для памятников, исследованных на Средней Волге и в низовьях Камы. На основе анализа поясов Поволжья А.В. Богачев выделил несколько этапов в их эволюции. Так, в развитии поясов геральдического типа в Поволжье прослеживается два этапа, синхронизирующиеся, по мнению автора, с агафоновской стадией ломатовской культуры Прикамья конца VI – VII вв.: новоселковский (3-я четверть VI в.) и зиновьевский (2-я половина VI – VII вв.). Сравнив средневожские поясные наборы, с похожими по типу прикамскими материалами А.В. Богачев сделал вывод о «единонаправленности эволюции поясов в этих двух регионах» (Богачев, 1992. С.140-160).

Таким образом, на территории Поволжья и Приуралья выделены три района распространения поясов с геральдическими украшениями: Поволжье, территория современного Башкортостана и Среднее и Верхнее Прикамье. Здесь сразу же возникает вопрос о направлении

культурных контактов. На наш взгляд, геральдическая поясная гарнитура зинovieвского этапа поясов (по А.В.Богачеву) Поволжья имеет типологическое сходство с материалами турбаслинской археологической культуры. Кроме того, некоторые материалы Кушнарeнковского могильника, относящиеся к турбаслинской культуре, А.В. Богачев объединил в зинovieвский этап формирования поясов в Поволжье.

Геральдическая поясная гарнитура населения Прикамья – материалы неволинской, ломоватовской и полонской культур – отличается некоторым своеобразием, несмотря на общую тенденцию в ее распространении. Возможно, это объясняется тем, что носители указанных культур являлись оседлыми жителями лесной полосы с комплексными хозяйством, одной из составляющих которого была металлургия (Голдина, 1985. С.156-162). Население Прикамья получало модные импульсы из степи и перерабатывало их в местной культурной среде. Поэтому в Прикамских памятниках отсутствуют некоторые типы поясных украшений, характерные для степи. Так, среди прикамских находок отсутствуют накладки с двумя фигурными концами, накладки полуовальной формы с круглым вырезом в основании, двулепестковые накладки с перекадиной в нижней части, характерные для зинovieвского этапа развития поволжских поясов и памятников турбаслинской культуры. Кроме того, большая часть памятников, содержащих предметы геральдической поясной гарнитуры зинovieвского этапа поясов Поволжья, сосредоточены на правом берегу среднего и верхнего течения Волги, за исключением памятников турбаслинского типа, расположенных в бассейне р. Белой. Между населением Прикамья и населением оставившем памятники с геральдикой на правом берегу Волги никаких следов контактов не прослеживается. Не было их и у населения Прикамья с носителями именьковской культуры. Однако, во второй половине VI в. прослеживаются контакты между носителями именьковской и турбаслинской культур, о чем свидетельствуют материалы Коминтерновского II могильника (Казаков, 1998. С.97-111). Е.П. Казаков связывает такого рода памятники с джетыясарской культурой Приаралья, учитывая, помимо всего прочего «обычные пути миграции кочевого населения Приуралья, которое на зиму отходило в Приаралье». А согласно его новейшим выводам, о чем было сказано выше, «именьковцы» – осевшие сарматы. К сарматскому этнокультурному миру исследователь, вслед за

Ф.А.Сунгатовым, относит и носителей турбаслинской культуры (Казаков,С.19; Сунгатов, 1985. С.110).

Этот вывод дает ответ и на вопрос о характере именьковско-турбаслинских контактов в VI – VII вв., ярким свидетельством которых являются кольцевые подвески с выпуклинами, характерные для памятников Урало-Поволжья IV – IX вв. В Волго-Камском регионе такие подвески встречаются в памятниках именьковской культуры. А.В. Богачев связывает их появление в регионе именно с именьковским населением, о чем свидетельствуют не только сами подвески, но и литейные формы для их изготовления, обнаруженные на I Именьковском городище. Подобные подвески имели широкое распространение в юго-восточном регионе, в позднесарматских и позднекифских комплексах, на памятниках зарубинецкой и лужицкой культур. Известны они и на Кавказе в сарматских погребениях II в. до н.э. – III в.н.э. и в поздних памятниках алан. А.В. Богачев, составив типологию подвесок с выпуклинами пришел к выводу о том, что «... наиболее ранние экземпляры найдены на памятниках именьковской культуры, где датируются IV–VI вв... несколько позднее (в V–VI вв.) кольцевые подвески с выпуклинами попадают в районы Южного Приуралья (бахмутинская культура). С VI в. эти подвески появляются в материалах неволинской культуры, и лишь в конце VI – VII вв. – на Верхней Каме в материалах ломоватовской культуры, где они взаимодействуют с поясными украшениями геральдического типа» (Богачев, 1998. С.153-156).

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод о том, что территория Волго-Камья в середине VI – VII вв. испытывала культурное влияние с юга, что проявилось в распространении здесь поясов раннего геральдического типа и украшений, известных как в юго-восточном регионе, так и на Кавказе и территории Приаралья. Основным проводником развития новых тенденций в материальной культуре населения Волго-Камья, скорее всего, выступало население Волго-Уральской лесостепи – носители турбаслинской и именьковской культур, от которых (или через посредство которых) некоторые типы украшений и поясной гарнитуры проникали к племенам неволинской и ломоватовской культур. Таким образом, со второй половины VI в. направление культурных связей в Волго-Камском регионе осуществлялось через население Камско-Бельского бассейна, родственного между собой или имевшего какие-то близкие культурные традиции.

Можно предположить, что перевалочным пунктом на пути поступления образцов южного импорта в Прикамье являлось городище Уфа-II – самое крупное из исследованных в настоящее время поселений турбаслинской культуры. Самих предметов из интересующей нас категории южного импорта на памятники найдены единицы: серебряный наконечник ремня, три подвески-зеркальца, штурвалообразная подвеска, фибула, серьга-подвеска «харинского типа», три бляшки с изображением морды льва и двух оседланных коней, два косметических пинцета (Мажитов, Сунгатов, Султанова, Саттаров и др., 2007; 2009; 2009а; 2011). Однако, местонахождение городища (а гипотетический Степной путь упирается именно в него) при слиянии рр. Белой и Уфы, идя по которым неизбежно выйдешь в Среднее Прикамье или с юго-запада, или с юго-востока, и присутствие в ближайших окрестностях городища довольно многочисленной серии турбаслинских погребений и двух могильников – Дежневского и Ново-Турбаслинского – делает такое предположение вполне приемлемым.

Вероятнее всего, та же тенденция сохраняется и с приходом сюда кочевого населения – носителей кушнарниковской культуры (конец VI – VII вв.). О контактах между кушнарниковским населением и носителями неволинской и ломоватовской культур свидетельствуют поясные украшения – пронизки, широко встречающиеся в памятниках Прикамья и в нескольких экземплярах представленные в памятниках кушнарниковской культуры.

Если говорить об особенностях материальной культуры кушнарниковцев, то можно отметить, что она также испытывала на себе влияние юга, что проявилось в распространении здесь поясов геральдического типа, которые были распространены на широком пространстве от Восточной Европы до Приаральских областей.

В целом, анализ наиболее часто встречающихся в кушнарниковских погребениях предметов материальной культуры, выделенных В.А. Ивановым в комплекс связанных признаков (КСП) I (конец VI – VII вв.) и КСП-II (конец VII – VIII вв.) (Иванов, 1999, С.43-46. Рис.3), показывает ее синкретичный характер, поскольку здесь встречаются материалы, имеющие аналогии в памятниках как юго-западных, так и юго-восточных районах. Так, предметы геральдической поясной гарнитуры, входящих в КСП-I находят себе аналогии среди аварских древностей Юго-Восточной Европы,

болгарских материалов Крыма и Прикубанья, аланских материалов Северного Кавказа.

На наш взгляд, наибольшее сходство обнаруживается между кушнаренковской геральдикой и геральдикой, характерной для памятников джетыясарской культуры Приаралья. Об этом свидетельствует типологическое сходство якорьковидных, Е-образных, Х-образных и др. накладок, мечеобразных наконечников и пр. Как правило, от восточноевропейских и крымских их отличает отсутствие дополнительных украшений в виде прорезей и пр. На наличие определенных контактов между кушнаренковским и джетыясарским населением указывают также и некоторые другие типы украшений – это каплевидные подвески из Маняжского могильника и Лагеревских курганов, а также подвеска с несомкнутым кольцом и пирамидкой зерни на нем из Лагеревского кургана. Каплевидные подвески встречаются так же в памятниках неволинской, ломоватовской и полемской культур, однако, в отличие от подвесок кушнаренковской и джетыясарской культур, они имеют сомкнутое кольцо.

В памятниках джетыясарской культуры отсутствуют т.н. накладки-псевдопряжки, характерные для материалов кушнаренковской культуры и культур Прикамья. По мнению И.О.Гавритухина и В.Ю. Малашева, псевдопряжки являются характерной чертой материальной культуры степных народов, через посредство которых они появились у народов Поднепровья, Карпат и Кавказа, а распространение их связывают с деятельностью тюрков (Гавритухин, Малашев, 1988, с.57-58).

В крымских и кавказских материалах находят себе аналогии лировидные пряжки из Маняжского могильника и Ново-Биккинского кургана кушнаренковской культуры, выделенные В.А. Ивановым в КСП II. Однако лировидные пряжки, подобные пряжкам из Маняжского могильника, известны и в памятниках джетыясарской культуры. Известны они также в ломоватовских и неволинских памятниках.

На южные контакты указывают и серьги-подвески в виде несомкнутого кольца с граненым грузиком на конце, характерные для памятников кушнаренковской культуры, объединенные В.А. Ивановым в КСП-II. Аналогичные им украшения известны в погребениях могильника Дюрсо близ Новороссийска и могильника Чми на территории Северного Кавказа (Дмитриев, 1982, С.81-98;

Амброз, 1989, с.113). Кроме того, из погребения Ново-Биккинского кургана кушнаренковской культуры известна бронзовая нашивка в виде фигурки животного, подобные которой известны в Кугульских склепах и среди находок из ст.Преградной на Северном Кавказе, датированные VII в.

Таким образом, можно отметить, что материальная культура угров-«кушнаренковцев» формировалась под влиянием восточно-европейского, кавказского и крымского культурных импульсов, испытывала влияние со стороны джетыасарской культуры Приаралья, и неволинской и ломоватовской культур Прикамья. Причем, вероятнее всего, что все предметы материальной культуры кушнаренковского населения являются импортом, поскольку у нас нет никаких оснований полагать о наличии у них металлообрабатывающего ремесла. Носители кушнаренковской культуры в Приуралье характеризуются подвижным образом жизни, о чем свидетельствуют их кратковременные стоянки. В связи с этим, можно предположить, что в Урало-Поволжском регионе в конце VI – VII вв. именно угры – «кушнаренковцы», в силу своей подвижности, являлись проводниками евразийской моды на геральдические пояса. Об этом свидетельствует их широкое распространение в Прикамье – в памятниках неволинской, ломоватовской и полемской культур и фактическое их отсутствие в памятниках на Средней Волге и в месте впадения в нее Камы, в частности у имениковского населения. Это обстоятельство является еще одним аргументом в пользу того, что с конца VI в. широкое значение приобретает степной путь из Средней Азии в Прикамье и деятельность его связана именно с кушнаренковским (угорским) населением. Кроме того, массовый приток сасанидской, византийской и среднеазиатской торевтики в Прикамско-Приуральский регион совпадает по времени с распространением на территории Башкортостана памятников кушнаренковской, а затем и родственной ей караякуповской культур, этническая принадлежность которых определяется как угромagyarская (Иванов, 1999; Fodor).

Памятники караякуповской культуры также свидетельствуют о контактах ее носителей с юго-восточным населением, и, прежде всего, с территориями, находившимися под влиянием тюрков. Это проявляется в распространении среди караякуповского населения тюркских наборных поясов с прямоугольными и полуовальными рамчатыми накладками. Кроме того, в памятниках караякуповской

культуры известны поясные накладки и пряжки, имеющие аналогии среди согдийских материалов середины-третьей четверти VIII в., – это полуовальные накладки с фестончатыми краями и прорезью у основания из погребений Хусаиновских курганов; овальнорамчатые пряжки с прямоугольным щитком из Хусаиновских, Бекешевских и др. курганов; овальнорамчатые пряжки с удлиненным округлым щитком из Хусаиновских, Лагеревских и др. курганов; ременные наконечники с фестончатыми краями из Хусаиновских курганов и пр. Ременные накладки и наконечники с фестончатыми краями известны и в Приаральских памятниках джетысарской культуры (Левина, 1996, С.327).

Азиатское влияние на материальную культуру караякуповского населения проявилось в распространении здесь принадлежностей конского снаряжения, клинкового оружия (Овсянников, 1998, С.297, 301).

А.М. Белавин

РАННИЙ ЭТАП УРБАНИЗАЦИИ В ПРИКАМЬЕ: ПРОБЛЕМА И РЕШЕНИЯ²⁶

Одной из важнейших и в тоже время дискуссионных тем отечественной и зарубежной медиевистики является тема возникновения и развития средневекового города в Евразии. Город играл и играет огромную роль в развитии цивилизации. Оценивая значение феномена города в историческом процессе, Ф. Бродель считал, что город вершит жизнь народов, "открывая двери того, что мы называем историей" (Бродель. 1986. С. 509). Предпосылки появления города, его функции и взаимодействие с округой, культурные, топографические, экономические и демографические особенности исследуются историками, географами, экономистами, археологами, культурологами, философами. Особое внимание ученых привлекают процессы градообразования в регионах, где влияние античной культуры отсутствовало почти полностью (Карлов. 1976. С. 271-302), в том числе и на Руси, и в Волжской Булгарии (Хузин, 2001). Именно в таких - бессинтезных районах Европы, где традиции

²⁶ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0963 (тема научно-исследовательской работы - «Роль государства эпохи средневековья и нового времени в процессе формирования этнокультурной карты Южного Урала и Прикамья»).

городской жизни начали формироваться во второй половине I тыс. н. э., возможно выявить и исследовать начальные этапы градообразования, характер раннегородских поселений и их эволюцию, а также становление системы поселений вне зависимости от античной традиции и наследства Римской империи (Мельникова, Петрухин. 1986. С. 271-302).

По очень точному замечанию Б.А.Рыбакова, рождение города – это длительный процесс, и исследователь, за редчайшим исключением, не может определить время рождения собственно самого города, то есть ту грань, которая отделяет протогородской (раннегородской) этап от уже собственно города. Ранний этап формирования города многие исследователи именуют "протогородским" (Седов, 2002). Однако эта мысль смущает некоторых авторов, считающих, что город возникает уже в сразу готовом виде, противопоставленный сельскому поселению как центр (ремесленный, военный, политический, духовный и пр.) аграрной округи, как некое место "перераспределения прибавочного продукта". Кроме того, сам термин "протогород" или "ранний город" также вызывает возражение (Фроянов, Михайлова. 1999. С.228-236). Однако этот термин кажется вполне уместным, как определение некоего "эмбриона города". Судьба его такая же, как и у любого другого эмбриона – при благоприятных условиях он может созреть во вполне здоровый организм; может развиваться, напротив, в большое и хилое образование, не имеющее перспектив; а может и просто погибнуть, так и не перейдя стадию эмбриона. Этому "эмбриону" присущи основные черты развитого города, часть из которых уже приобрела некие почти законченные формы, иная находится еще в зачаточном состоянии, и может проявиться (или не проявиться) при стечении исторических обстоятельств. При этом, вероятно, следует обсуждать, какие именно черты явно могли проявляться у протогорода в тех или иных этнокультурных и этнополитических условиях у разных народов Восточной Европы, а не спорить о возможности или невозможности употребления данной научной дифференциации, как делают это уже упоминавшиеся И.Я. Фроянов и И.Б. Михайлова в отношении урбанизационного процесса на Руси. Точка зрения И.Я. Фроянова уже критиковалась исследователями, как некая марксистская модель, из которой стыдливо изъято понятие "феодализм" (Носов. 2005. С.20-21).

Основная позиция критиков идеи о ранних стадиях существования города заключается в представлении о городе, как о центре некой сельскохозяйственной округи, в котором перераспределяется прибавочный продукт, прежде всего, сельского хозяйства. О каком прибавочном продукте, отчуждаемом из сельского хозяйства, может идти речь, например, на раннем этапе существования такого крупного города (*раннего города, протогорода – как угодно*) домонгольской Руси, как Старая Рязань, ведь, судя по археологическим данным, она возникла на век раньше окруживших ее потом деревень (Даркевич 1994, с.43). Почти аналогичная ситуация связана и с рождением столицы Волжской Булгарии – Великого города. О прямом сельскохозяйственном потреблении практически во всех городах, и малых, и больших на Руси и в Булгарии (даже в столичных городах) говорят многочисленные находки лемехов сох и сабанов, мотыг, серпов, ручных жерновов, ножниц для стрижки овец, рыболовных крючков, блесен и грузил для сетей, медорезок. Даже в бурно развивающейся Западной Европе выход из состояния "прямого сельскохозяйственного потребления" (собственного потребления произведенного продукта) произошел не ранее первой трети XIII в., когда на обширных пространствах совершался переход от домашней экономики к рыночной, рождавшейся вследствие поступления в город излишков сельского производства (Бродель. 1992. С. 91). Вероятно, что протогород отличается от обычного сельскохозяйственного поселения чем-то иным, например наличием среди его жителей представителей иных народов и стран (в том числе, имеющих свои кладбища и места отправления культов и обрядов), относительно большим количеством импортов и рядом других признаков, уже выделенных различными авторами, обсуждавшими эту проблему (см. например обзоры проблемы, сделанные Е.Н. Носовым (Носов. 2005) или ранее В. П. Даркевичем (Даркевич. 1994)).

Очевидно, что вопросы происхождения и ранней истории города (в т.ч. и в Волго-Камье) не могут быть решены без детального археологического исследования поселений периода формирования городов, и связанных с ними могильников, проведенного в сопоставлении с фактами письменной истории, если таковые имеются в распоряжении исследователей. Очевидно, что город как социально-экономическое явление прошел сложный путь развития и отрицание ранних этапов его формирования не продуктивно, а попытки

семантически оспорить термин "протогород", мягко говоря, не серьезны.

История городов и процесса градообразования в Прикамье до недавнего времени представляла собой страницу со многими белыми пятнами. Вероятно, этот густонаселенный и экономически развитый регион с богатыми природными ресурсами, с достаточно выгодной в хозяйственном и демографическом отношении экологией, не мог не стать в эпоху средневековья одним из очагов процесса урбанизации в Восточной Европе. Однако имеющиеся письменные источники не дают каких-либо представлений об этом процессе. Безусловно, что важную роль в познании этого процесса должна играть археология, являющаяся достаточно точной и объективной наукой, имеющая на своем вооружении методики, позволяющие определять особенности хозяйства, даты, этническую принадлежность и иные характеристики той или иной исторической территории и эпохи. Этому должна способствовать и структура археологических источников Прикамья: данный регион выгодно отличается от большинства финно-угорских средневековых территорий густой сетью поселений, среди которых выделяются относительно большое количество крупных городищ с мощными культурными напластованиями и крупные по площади открытые производственные поселки, ориентированные на черную и цветную металлургию.

Широкие раскопки прикамских поселений, предпринятые археологами Удмуртии, Пермского края, Татарстана в 1980-2000-е годы позволили накопить огромный фонд источников, на базе которых стали возможны различные реконструкции социально-экономических и этнокультурных процессов у средневекового населения региона, в том числе и в направлении выявления особенностей развития градообразовательных процессов и связи этих процессов с общей социально-экономической ситуацией в Восточной Европе.

Вопрос о возможностях урбанизации и особенностях этого процесса у финно-угров Прикамья впервые был поднят А.А. Спицыным, который в 1 томе "Материалов по археологии восточных губерний России" указал на сходство процесса роста прикамских городищ эпохи средневековья (Чепца) с развитием древнерусских городов (Спицын. 1893). Тема урбанизации в финно-угорских территориях Прикамья была продолжена А.П. Смирновым,

опубликовавшим в 1931 г. статью "Финские феодальные города", в которой на материалах раскопок ряда городищ бассейна р. Чепцы в Удмуртии им были выделены города с неукрепленными пригородами, укрепленные валами городища-убежища и княжеские замки (Смирнов, 1931), позже выводы о начале процесса урбанизации в IX-X вв. (возникновение "зародышей будущих ремесленных городов") были распространены А.П. Смирновым на все Прикамье, включая ломоватовско-родановскую территорию (Смирнов, 1952, с. 200, 246). Этапы возникновения раннегородского каркаса расселения в Восточной Европе, т.о. признавалось единым для всей её территории.

Позже эта точка зрения, как и выводы А.А. Спицына и М.В. Талицкого о т.н. "булгарской эпохе" в истории финно-угорских народов Прикамья и воздействия Волжской Булгарии на все стороны жизни прикамского населения была подвергнута критике, и в отечественной литературе сложилось стойкое мнение о некоем отставании и застойности социально-экономического развития финно-угров Прикамья по сравнению с Булгарией и, особенно, с Древней Русью.

Однако благодаря широким раскопкам поселений и могильников, прежде всего, в Пермском Прикамье уже к 1980-м годам было достигнуто понимание о высоком уровне развития финно-угорского общества, темпах развития экономики, эволюции общественных отношений. Работами М.Г. Ивановой, В.А. Иванова, Р.Д. Голдиной, В. А. Оборина, В.А. Семенова и других исследователей было доказано, что средневековое Прикамье не было "медвежьим углом" на дальней восточной окраине Европы и развивалось вполне в русле общей для лесной полосы Восточной Европы тенденции. Были выделены поселения металлургов, кузнецов и бронзолитейщиков – ремесленные центры, как укрепленные (Генинг, 1980), так и открытого типа (Белавин, 1987), получены материалы, показывающие наличие в Прикамье собственных центров металлургии и металлообработки, ювелирного ремесла, стеклоделия, гончарства, выявлен переход косторезного дела и ряда других хозяйственных занятий из домашнего производства в ремесло. Археологические открытия в Прикамье последних десятилетий позволили по иному оценить место региона в системе этнокультурных связей и этнокультурного развития Евразии в целом. Работы А.Г. Иванова (Иванов, 1998), А.М. Белавина (Белавин, 2000; Белавин А.М., 2004)

продемонстрировали включенность Прикамья в систему Международной торговли, исследования Н.Б. Крыласовой (Крыласова, 2007) показали высокий уровень повседневной культуры средневекового Прикамья.

В трудах В.А. Оборина сделана попытка осветить эволюцию укрепленных поселений Пермского Прикамья. По его мнению, развивающего концепцию М.В. Талицкого, к XII в. большинство городищ утратило свои функции оборонительных центров и превратились в селища, однако отдельные городища, возникшие как крупные племенные центры, переросли в ремесленные поселки городского типа, которые "становились и торговыми центрами, на позднем этапе эти функции для некоторых из них становились ведущими, что вело к зарождению поселений протогородского типа", феодальных замков (Искор), торговых факторий булгар (Оборин, 1999. С. 286, 291).

Вопросам становления и развития раннегородского каркаса в Прикамье был посвящен полевой семинар, организованный археологами ПГПУ в 1991г. на городище Анюшкар. Материалы симпозиума опубликованы в 2001г., статьи сборника рассматривают социальную типологию городищ, результаты междисциплинарных исследований поселенческих памятников, особенности градообразовательных процессов в разных частях Прикамья и Приуралья.

К настоящему времени опубликованы серии исследований, связанных с историко-культурными реконструкциями градообразовательных процессов в Прикамье. Особый интерес вызывают публикации результатов многолетних исследований таких крупных поселенческих памятников (археологических комплексов) как Иднакар в Удмуртии, Рождественский комплекс и Анюшкар в Пермском Прикамье, Елабужское городище в Татарстане. Вопросам процесса градообразования в эпоху средневековья и социальной типологии прикамских городищ посвящены работы М.Г. Ивановой, в частности, в этом ключе она рассматривает некоторые крупнейшие городища не только бассейна р. Чепца, но и Пермского Прикамья (Иванова, 1998; Иванова, 2010; Иванова, 2011). А.М.Белавин отмечает наличие градообразовательного процесса, его особенности, социально-экономические критерии выделения протогородов, выделяет основные протогородские центры Прикамья, их характерные черты (Белавин, 2000б, 2006, 2007). Определяется

структура протогородских центров, включая сопровождающие их некрополи (Крыласова, 2001), в ключе процесса урбанизации рассмотрен крупнейший в Пермском Прикамье археологический комплекс - Рождественский (Белавин, Крыласова, 2008). Новые материалы по археологии болгарских городов Нижнего Прикамья, своим происхождением, однако, связанных с финно-угорским населением, опубликованы А.З. Нигамаевым (Нигамаев, 2005; Нигамаев, 2007).

Особенный интерес представляют исследования таких крупных городищ как Иднакар (Удмуртия), Анюшкар и Рождественское (Пермский край), Елабужское (Татарстан). Археологами УдМНИИЯЛ УрО РАН начаты исследования еще одного крупного городища в бассейне р. Чепца – Уччакар (Кушманское), экспедицией ПГПУ возобновлены исследования Саламатовского археологического комплекса на р.Усьва.

Полученные во время этих исследований материалы заставляют считать средневековое Прикамье весьма развитой в экономическом отношении культурно-экологической областью, одним из важных участков Международной торговой системы, хорошо знакомым купцам из Волжской Булгарии, а через них получившим известность в восточной торгово-географической литературе.

Земли Пермского Прикамья стали объектом внимания торговцев с Востока весьма рано. Запасы ценной пушнины, "бобровой струи", соли, качественной меди делали торговлю с Прикамьем весьма перспективным и прибыльным делом. Еще в период раннего железного века (ананьинская культура) были налажены дальние торговые связи Предуралья, и в обмен на пушнину сюда пошел поток украшений, предметов вооружения и снаряжения. Нарушенная смутным временем Великого переселения народов дальняя торговля на Востоке Европы и Западе Азии восстановилась к VII веку нашей эры. Среднеазиатское и иранское вещевое серебро, арабские и византийские монеты, дорогие восточные (в том числе, китайские) ткани вновь стали поступать в Прикамье. Появление на Нижней Каме болгар, и возникновение здесь к X столетию одного из наиболее экономически развитых государств раннесредневековой Европы - Волжской Булгарии, послужило укреплению всей системы дальней Восточной торговли, и стало краеугольным камнем в сформировавшейся системе Международной торговли в Евразии.

Имея устойчивые культурные и политические связи с Арабским халифатом, Булгария была своеобразным центром арабской торговли в Восточной Европе. Многочисленные колонии арабских купцов на Волге были источниками географической, экономической и культурной информации о Волжской Булгарии и странах Севера - 7-го климата по арабской географической средневековой классификации. Безусловно, что информация о северных землях, лежащих выше середины 7 климата и за ним, являлась, прежде всего, болгарской торговой информацией. В эту зону входило все, что было расположено к северу, востоку и западу от Волжской Болгарии.

По представлению болгар, на севере находилось три области: область и народ Вису (Ису), за ней страна и народ Юра (Йура), а еще севернее - Страна Мрака, которую окружают море и непроходимые северные горы. В арабских источниках представления о границах 7 климата не были устойчивыми. Так, в сочинениях ал-Бируни, одного из самых авторитетных разработчиков теории климатов в арабской средневековой географии, можно встретить различные толкования этих границ и соседних с этим климатом стран и народов. В 1025 г. в сочинении "Геодезия" он, описывая 7 климат, указывает следующее: "...вплоть до середины седьмого [климата], где самый долгий день – шестнадцать часов ...жители, находящиеся за [серединой седьмого климата], немногочисленны и подобны дикарям. Крайний пункт, где они сообща живут, страна Йура. К ней идут из Ису в течении двенадцати дней, а к Ису из Булгара в течении двадцати дней" (Бируни. 1966). В 1029 г. в другом сочинении Бируни локализует в седьмом климате города Сувар и Булгар, земли болгар, руссов и мадьяр, а "За этим климатом обитают немногие народы – ису, варяги, юра и подобные им" (Бируни. 1973). Таким образом, с одной стороны ису (вису) и йура (юра) - жители седьмого климата, с другой стороны, они живут за его пределами. Однако не совсем четкие представления об этом самом холодном климате не пугали многочисленных восточных (арабских, персидских, и индийских и пр.) купцов, которые регулярно ездили торговать в Волжскую Булгарию, а многие и за её пределы. Мусульманская Булгария была крайне удобным местом для организации крупных перевалочных баз в международной транзитной торговли. Высокая степень контроля со стороны государства, крайне заинтересованного в развитии этой торговли, позволяла сделать болгарский участок международной торговли

весьма безопасным, что также привлекало большое количество торговцев.

Булгары стремились закрепить торговый путь по Каме за собой, препятствуя проникновению иноземных купцов в эти районы, распуская слухи о диких краях и ужасных нравах местного населения на севере, пугали их холодом. Они осуществляли посредническую транзитную торговлю между Средней Азией, Кавказом, Русью и Прикамьем, в которую все больше вливались изделия болгарского ремесла.

Основным прикамским эквивалентом в транзитной торговле с Волжской Болгарией стали меха пушных животных. Первое место в "мягком золоте" занимал бобр. Добыча бобра шла повсеместно и кости его, среди находимых на прикамских поселениях костей диких животных, составляли до 50 %. Кроме бобра добывался горноста́й, соболь, куница, белка.

Наряду с пушниной бронза и медь в товарных слитках также стали предметом дальней торговли, именно Волжская Болгария стала основным потребителем цветного металла из Предуралья. К X в. население Пермского Предуралья освоило и такое богатство – как запасы поваренной соли. Обильные выходы рассолов в районе современного Соликамска были освоены ломоватовцами как источник этого ценного продукта. В этом плане особенно ценные наблюдения сделаны Г.А. Бординских на поселении Рассолы, где открыт целый солеваренный комплекс. Сооружение хорошо датируется византийской монетой конца X в. Остатки древних соляных труб обнаружены в старичном озере Коджилы в Чердынском районе. Раскопки А.М. Белавина на Городищенском городище на р. Усолка дали находку выварочной сковороды – чрена, датированного XII в.. Впоследствии солеварение стало одной из важнейших отраслей экономики Верхнего Прикамья.

Свидетельством непосредственной торговой деятельности болгар в Верхнем Прикамье являются находки безменов, весов и разновесов для взвешивания товаров и для определения монетных весов в болгарской весовой системе, найденные на Родановом, Анюшкар, Городищенском, Кудымкарском, Иднакар и других городищах.

Волжская Булгария, уже в X в. ставшая экономическим центром Среднего Поволжья и Прикамья, центром Международной торговой системы "Великий Волжский путь", не могла не вызвать к жизни целую сеть городов, крепостей и других населенных пунктов в тех

финно-угорских землях, с которым булгарами были налажены прочные связи, ставшие оплотом ее границ, торговой и политической деятельности.

Следует признать, что именно дальняя транзитная торговля явилась основой для ускорения общественного прогресса не только в Булгарии, но и в Прикамских землях периода средневековья. Она в лице иноземных купцов и необычных товаров значительно расширяла географические и социальные представления местных жителей, обеспечение её безопасности и бесперебойности стали залогом успешности местной формирующейся знати, необходимость взаимодействия с иноземными купцами вызвало появление местных торговцев, бравших на себя посредническую роль для дальнейшей транспортировки товара. Можно утверждать, что соучастие в дальней торговле стало основой общественного прогресса для жителей средневекового Прикамья.

Одним из результатов ускорявшегося общественного и экономического прогресса стало складывания условий необходимых для появления на землях Прикамья принципиально иного типа поселений – поселений предгородского или раннегородского типа (т.п. "протогородов"), резко отличающихся по укладу жизни от остальной массы населенных пунктов и связанных с развитием международной транзитной торговли.

Интересы обеспечения транзитной торговли закономерно вызвали как появление торговых факторий болгарских купцов на уже существующих финно-угорских поселениях, так и строительство новых укрепленных городков в финно-угорских землях.

Так, болгары стали частью населения ряда финно-угорских городищ, прежде всего, расположенных в узловых местах – племенные центры; крепости, контролирующие магистральные речные торговые пути.

В Нижнем Прикамье таким центром стала торговая фактория и крепость, возникшая на финно-угорском Елабужском городище в устье р. Тойма. Этот центр с X в. контролировал торговые пути болгар на северо-восток – в финно-угорские земли Прикамья. Елабуга (Алабуга), возможно, была начальной станцией и речной и сухопутной части Камского торгового пути, еще А.П.Смирнов считал Елабужское ("Чертово") городище сильно укрепленной крепостью, построенной в X-XI вв., которая служила "опорой господства болгар

среди удмуртских племен. Отсюда они совершали набеги на села, облагали их данью" (Смирнов, 1952, с. 248).

Не позже X столетия булгары устанавливают связи с населением Чепцы, и на крупном чепецком городище Иднакар возникает булгарская торговая станция-фактория (Иванова, 1998). Тогда же в X столетии в Пермском Прикамье возникают булгарские фактории на городище Аношкар в приустьевой части р. Иньва, Городищенском городище на р. Усолка (Соликамский район) и на Саламатовском археологическом комплексе на р. Усьва (Чусовской район), где булгары селятся совместно с носителями ломоватовской археологической культуры.

На рубеже IX-X вв. при непосредственном участии булгар стал формироваться Рождественский археологический комплекс на р. Обва, ставший уже к середине-концу X столетия крупнейшим опорным центром дальней транзитной Восточной торговли со странами Севера (Йура, Страна Мрака) (Белавин, Крыласова, 2008. С.498-509).

Указанными пунктами, вероятно, не исчерпывается возможный список опорных точек системы Восточной торговли в Прикамье. Булгарские материалы выделены более чем на 100 археологических объектах, из которых почти 4 десятка могли иметь значение опорных торговых пунктов и иметь среди своего населения представителей булгарского торгового мира.

Однако анализ выше перечисленной группы памятников позволяет выделить нечто общее, характеризующее их как центры градообразования, м.б. за исключением Городищенского городища – недостаточно хорошо изученного и в значительной степени разрушенного в XX в.

Для большинства из указанных городищ выбраны относительно высокие, большие по размерам, выделяющиеся на фоне *мысы вытянуто-овальной или подтреугольной формы* окружающей местности, господствующие над ней. М.Г. Иванова справедливо отмечает такую их особенность, как наличие перспективы для расширения заселенной укрепленной части в напольную сторону. Городища имеют мощную систему обороны из двух-трех оборонительных линий, с мощными отложениями культурного слоя не только за внутренней линией, но и между укреплениями – нечто вроде цитадели-кремля. С напольной стороны к внешней линии обороны примыкает не укрепленная заселенная часть – посад.

Некоторые городища имеют остатки насыпей под смотровые сооружения на стрелке (Елабужское "Чертово" городище, Уччакар). На площадке городищ, и в непосредственной близости от них расположены могильники (Иднакар, Анюшкар). Могильники, находящиеся на площадке городищ, по признакам погребального обряда могут быть связаны с болгарским населением этих памятников и определяются как мусульманские (Крыласова, Белавин, Ленц, 2003). Подобный тип городищ – градообразующих центров хорошо известен как в Волжской Булгарии (Губайдуллин, 2002.), так и на Руси.

Помимо мысовых крупных городищ в число возможных центров градообразования попадают еще два прикамских городища, точнее, два археологических комплекса. Это расположенный неподалеку от впадения в р. Чусовую р.Усьвы комплекс у д. Саламатово и достаточно хорошо известный в археологической литературе Рождественский археологический комплекс на р. Обва.

Эти памятники представляют собой комплексы из двух городищ – большого и малого (сильно укрепленного – возможная цитадель), расположенных *на уступах* коренного берега, разделенных небольшим, но глубоким логом. К городищам (к большому) примыкают могильники. Перед валами большого городища имеется пространство, занятое культурным слоем, но без видимых следов укреплений – неукрепленный посад.

В случае с Саламатовским комплексом укрепления большого городища имеют очень сложную структуру из 3 валов. Рождественский комплекс не имеет многочисленных валов, однако и его валы достаточно монументальны.

Важным отличием указанных комплексов от остальной массы средневековых городищ является его трехчастность: детинец (цитадель) – укрепленный город – неукрепленный посад. Подобная планировка средневековых городов хорошо известна в Волго-Камье. По две укрепленные площадки и неукрепленную часть имеют Николо-Райское, Зеленское, Якимово-Стрелкинское, Чуру-Барышевское и ряд других городищ Волжской Булгарии – основ малых и средних городов. С точки зрения специалиста в области фортификации Волжской Булгарии А.М. Губайдуллина укрепленная часть Рождественского комплекса, состоящая из двух укрепленных площадок, принадлежит к весьма распространенному типу сложномысовых и сложных городищ Волжской Булгарии. Подобная

схема известна и на Руси. Так, с двух укрепленных площадок (позже известных как Кром и Средний город) начиналась история Старой Рязани, также изначально выглядели Туров, Новогрудок и другие города и городки Руси.

Трехчастными конструкциями могут быть признаны и описанные выше крупные мысовые городища. В большинстве случаев за внешними валами также имеется территория с культурным слоем, а пространство между внутренними валами рассматривалось как некое поселение элиты, как и "цитадель" комплексов. Недаром С.Г. Матвеев внутреннюю площадку Иднакра считал "градом", своего рода "кремлем" (Иванова, 1998. С. 20).

Описываемые поселения отличаются от остальных поселений чепецкой и ломоватовско-родановской культур средоточием ремесел: металлургия, кузнечное дело, бронзолитейное и ювелирное дело (среброделие), косторезное производство, бондарное дело. На Рождественском комплексе выявлены следы такого городского ремесла, как стеклоделие. На ряде указанных поселений изучены гончарные горны.

Важным фактором, выделяющим описываемые памятники, являются наличие среди находок на них свинцовых пломб и гирек, типичных для болгарских торговцев, деталей весов для монетных взвешиваний, самих монет (восточных, болгарских, европейских) как целых, так и обрезанных. Достаточно большое количество торгового инструментария, в том числе поломанного, поэтому выброшенного, свидетельствует о проживании на городище купцов, занимающихся дальней транзитной торговлей. Интересно, что на Иднакаре, Рождественском и Кыласовом (Анюшкар) городищах в достаточно большом количестве собраны предметы, характерные для аскизских (древнехакасских) всадников – охранников торговых караванов.

Все указанные поселения отличаются многоэтничностью населения, что устанавливается, прежде всего, по разнообразию керамической посуды с разными этническими чертами.

Материальная культура этих городищ характеризует более высокое качество жизни его населения, по сравнению с основной массой одновременных прикамских поселений. В быту использовались масляно-жировые лампочки болгарского типа, на употребление в интерьерах мебели указывают столовые валики-подставки из обожженной глины, о переходе к новому типу печи свидетельствуют находки глиняных конфорок. Роговые расчески с

орнаментированными футлярами, орнаментированные роговые гребни, большое количество сундучных замков и ключей к ним также являются приметой городской, иной, чем в других поселениях, жизни.

Таким образом, на примере описываемых поселений можно отметить следующие признаки, выделяющие эти пункты из числа прочих поселений: сложная трехчленная структура, относительно крупный размер заселенной части и выразительность укреплений, существование ряда сложных ремесленных производств, полиэтничность и поликультурность населения, имеющего более высокий уровень жизни, чем основная масса жителей иных поселений, и явные признаки включения в систему международной транзитной торговли.

Такие признаки города (в т.ч. и раннего), как военный и административный центр сельской округи, чисто ремесленный характер поселения и прочие признаки, обычно выделяемые сторонниками упрощенно-социологических схем процесса урбанизации здесь, как видно, не представлены.

Весьма вероятно, что Рождественский археологический комплекс можно ассоциировать с "касабой Афикул", упоминаемой ал-Омари, Ибн Баттутой и ал-Калкашанди (Белавин, 2000б. С. 123; Белавин, Крыласова, 2008; Коробейников, 2006. С.15-19; Пастушенко, 2002. С. 58; Хузин, 2001. С. 182-183). Таким образом, Рождественский комплекс мы можем уверенно считать городом, так как он был таковым в глазах современников. На наш взгляд, критерии, приведенные выше, действительно определяют принадлежность и остальных, описываемых в статье прикамских городищ, к городам (ранним городам, протогородам).

В зоне Великого Волжского пути (и Камского торгового пути, как неотъемлемой части этой системы), таким образом, *в основе процесса урбанизации лежала международная транзитная торговля*. Участь предгородских образований в Волго-Камье была различной: те города, которые сумели преодолеть раннюю ориентацию на внешние связи и ограниченный характер ремесла, стали центрами товарного производства — экономическими и политически-религиозными центрами округи. Другие умерли или превратились в сельские поселения, когда потребность в них, как в опорных пунктах торговли, отпала. Дальнейшая роль городов в истории средневекового Прикамья связана с отношением их к

сельскохозяйственной округе, местному рынку, а также их роли как центров Ордынского государства. Это наглядно видно на судьбе небольшой торговой фактории булгар, возникшей в X веке на реке Казанке, а также на примере такого опорного пункта торговли как Алабуга.

Д.В. Васильев, Э.Д. Зиливинская

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ²⁷

В культурных отложениях Самосдельского городища отчётливо прослеживаются слои, соответствующие трём периодам его существования. В данном очерке мы попытаемся дать интерпретацию разновременным культурным отложениям городища и привести нашу аргументацию по этому поводу.

Начать рассказ следует, немного нарушив хронологический порядок, то есть мы опишем культурные отложения в том порядке, в котором они были исследованы - сверху вниз.

Суммеркент?

Верхние слои на раскопах 1 и 2 соотносятся с периодом становления и расцвета Золотой Орды. Раскоп 2 в этом отношении дал нам значительное количество материала, как монетного, так и керамического, чтобы достаточно уверенно датировать эти культурные напластования периодом с 1230-х по 1340-е гг. Самый поздний период истории Самосдельского городища мы до недавнего времени были склонны предположительно связывать с упоминаемым Гильомом Рубруком городом Суммеркентом.

Впрочем, мы не приводили в своих высказываниях какой-либо серьёзной аргументации относительно локализации Суммеркента на Самосдельском городище. Прямых доказательств локализации Суммеркента именно здесь нет. Мы исходили из того, что на Самосдельском городище располагался в предмонгольское время

²⁷ *От редакции:* Данная статья является перепечаткой статьи из сборника «Самосдельское городище» (Астрахань, 2011), в которой авторы предлагают несколько вариантов исторической интерпретации этого памятника. Самосдельское городище – остатки средневекового городского поселения – расположено в дельте Волги, в 43 км ниже Астрахани, на правом берегу реки Старая Волга или Бирюль, в 1 км к востоку от села Самосделка Камызякского района Астраханской области. Планомерные исследования Самосдельского городища начались в 2000 году, когда Российским Еврейским конгрессом в рамках «Хазарского проекта» (координаторы проекта — д. и. н. В. Я. Петрухин и к. и. н. И. А. Аржанцева) была организована археологическая экспедиция. Руководителями экспедиции являются Э. Д. Зиливинская (Институт этнологии и антропологии РАН) и Д. В. Васильев (Астраханский государственный университет).

довольно крупный город, который был перевалочной базой на торговом пути с Востока на Запад, поэтому вполне логично было предположить, что именно он продолжал оставаться перевалочным пунктом при переправе через Волгу и после монгольского нашествия. Более того, на Самосдельском городище нами были исследованы на двух раскопах мощные слои золотоордынского времени, причём на одном из раскопов зафиксирован слой пожара и разрушения зданий предмонгольского периода, возможно, связанный с монгольским нашествием. Отчётливо выделяется затем период восстановления и обживания руин возвратившимся после прекращения военных действий населением. К нему относится использование домонгольских керамических и строительных традиций. Во второй половине - конце XIII века здесь наблюдается упадок, связанный, вероятно, с ухудшением экономической ситуации. Здания XII века, пережившие монгольское нашествие, пустеют и некоторое время стоят заброшенными. К первой половине XIV века относится период разрушения зданий предмонгольского времени и строительства поверх руин небольших по площади домов, в которых прослеживаются черты как домонгольские, традиционные для местного населения, так и черты золотоордынского гражданского зодчества (Васильев, 2010. С. 338-339).

Лишь Л.В. Яворская со всей определённостью высказалась в пользу локализации Суммеркента на Самосдельском городище на основании анализа остеологических материалов из верхних слоёв городища и сопоставления их с данными археологии. Описывая последствия внезапного и мощного пожара на городище, она связывает его с монгольским нашествием и предполагает, что на Самосдельском городище может располагаться единственный упоминающийся в источниках город, переживший это событие (Яворская, 2010. С. 402).

Надо сказать, что возможность отождествления Саксина и Суммеркента - довольно распространённое мнение в науке. В частности, его придерживаются М.С. Гатин, Л.Ф. Абзалов, А.Г. Юрченко, авторы-составители сборника документов «Образование Золотой Орды» (Образование Золотой Орды..., 2008. С. 368). Предположительно идентифицирует Саксин с Суммеркентом и Ю.А. Зеленева (Зеленева, 2010. С. 113-114).

В сорок девятой главе «Путешествия в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето Благодати 1253» содержится единственное и очень ценное для нас упоминание города Суммеркента:

«... Затем я пустился в путь к Сараяу ровно за две недели до праздника Всех Святых, направляясь прямо на юг и спускаясь по берегу Этилии, которая там ниже разделяется на три больших рукава; каждый из них почти вдвое больше реки (Нила) у Дамьетты. Кроме того, Этилия образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправлялись через эту реку на судах в 7 местах. При среднем рукаве находится город, по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Саррацины. Там мы нашли одного немца с женой, человека очень хорошего, у которого останавливался Госсет. Именно Сартах посылал его туда, чтобы облегчить таким образом свой двор. Вблизи этих мест пребывают, около Рождества Христова, Багу с одной стороны реки, а Сартах с другой, и далее не спускаются. Бывает, что река замерзает совершенно, и тогда они переправляются через нее. Здесь имеется огромное изобилие трав, и татары прячутся там между тростников, пока лед не начнет таять» (Рубрук, 1957. С. 181).

Нами был проведен анализ данного отрывка и окружающего его контекста. При этом мы исходили из положения, которого мы придерживаемся, что город Сарай XIII века располагался на месте Красноярского городища в Астраханской области, у северо-восточной границы дельты Волги (Пачкалов, 2002; Васильев, 2009; Скисов, 2010). Несмотря на некоторое совпадение в описании с Самосдельским городищем (город находится при среднем и очень широком рукаве реки, периодически окружается водой, упоминание о полиэтничности населения), данный анализ позволяет сделать следующие выводы, противоречащие локализации Суммеркента именно здесь.

1. Самосдельское городище не могло быть перевалочным пунктом при переправе Рубрука через дельту Волги, то есть городом Суммеркентом, так как оно не находится на прямом кратчайшем пути от Красноярского городища к правобережью Волги. Чтобы посетить его, путешественникам пришлось бы делать крюк длиной в 80 километров и пересекать многочисленные протоки не менее 10 раз.

2. Самосдельское городище не является Суммеркентом, так как от него не открывается дальнейший прямой путь на кавказскую дорогу (на запад), от него нужно подниматься по реке ещё 50-60 километров до границы зоны подстепных ильменей и полупустыни.

3. Самосдельское городище не является Суммеркентом, так как в

его верхних слоях, соответствующих XIII веку, прослеживается упадок городской жизни, чего не должно наблюдаться в том случае, если город находился в сфере активного влияния ханской власти и обеспечивал переправу через Волгу.

Наиболее вероятным претендентом на то, чтобы локализовать на нём город Суммеркент, упоминаемый Рубруком, является на настоящий момент городище Мошаик в северной части дельты, на восточной окраине г. Астрахани. Описание города Суммеркента, приведённое выше, вполне справедливо и применительно к городищу Мошаик (Шнайдштейн, 1992). Городище, вероятно, также окружалось водой во время половодий, так как располагается на бугре в прибрежной части. Многонациональность и многокомпонентность населения городища, судя по характеру находок, также является одной из характеристик данного памятника. К сожалению, ограниченный характер раскопок и слабая изученность стратиграфии, а также полное отсутствие хронологических колонок не позволяют на настоящий момент с уверенностью говорить о подробностях жизни городища, неясны его размеры и интенсивность обживания на разных хронологических этапах. Однако, именно расположение городища, а также наличие на нём значительных слоев золотоордынского времени, изученных Е.В. Шнайдштейн, позволяют нам сделать

осторожное предположение о соотношении именно городища Мошаик с Суммеркентом, о котором говорит Рубрук.

Таким образом, вопрос о наименовании города на месте Самосдельского городища в золотоордынский период, как нам представляется, решается достаточно просто - он сохранил своё название предмонгольского времени - Саксин. Это наименование очень хорошо известно арабским и персидским географам и хронистам и продолжает упоминаться ретроспективно вплоть до XV века, когда самого города уже не было.

Саксин?

Что касается локализации города Саксина, то ранее нами уже высказывалось предположение о локализации его на Самосдельском городище (Васильев, Гречкина, 2001; Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003. С. 83-123; Васильев Д.В., 2004. С. 264-269; Васильев Д.В., 2004; Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2006. С. 24-35).

Г.А.Фёдоров-Давыдов убедительно доказал местоположение Саксина на Нижней Волге, проанализировав многочисленные свидетельства восточных источников о городе и одноименной области

(Фёдоров-Давыдов, 1969. С. 253-261). Однако, он считал, что город Саксин перестал существовать задолго до монгольского нашествия, еще в XII в., передав лишь свое имя локальной группе половцев, кочевавших в Нижнем Поволжье (Фёдоров-Давыдов, 1969. С. 260).

Основаниями для локализации Саксина на Самосдельском городище являются мощные культурные отложения XI-XIII веков, зафиксированные в ходе раскопок на данном памятнике, многочисленные находки, которые уверенно датируются предмонгольским временем и соотносятся с двумя основными группами населения городища - болгарской и огузской. В качестве основного аргумента мы привлекаем свидетельство Абу Хамида ал-Гарнати. Ал-Гарнати сообщает, что в городе Саксин (Саджсин) «существует сорок племён гузов, каждое из которых обладает собственным эмиром. У них большие жилища; в каждом жилище громадная палатка, вмещающая сотню человек и укрытая войлоком». Тот же ал-Гарнати упоминает среди населения города ещё и болгар, сувар, хазар (вероятно, остатки населения, сохранившегося со времён Хазарского каганата). Причём, каждое из этих племён имело свою соборную мечеть и свой квартал. Кроме того, путешественник упоминает о «тысячах» купцов из Магриба и из других стран, которых он видел в Саксине, что говорит о значительных торговых связях Саксина и об их интенсивности. Да и сам ал-Гарнати, будучи купцом, приехал в Саксин по торговой надобности. По материалам раскопок последних лет мы можем с уверенностью сказать, что именно огузский и болгарский компоненты составляли основу населения Самосдельского городища X-XIII веков, что делает ещё более вероятной локализацию Саксина именно на месте Самосдельского городища. (Ал-Гарнати, 2000. С. 98-99). Мощный, значительный по территории распространения и насыщенный культурный слой, а также большое число находок их разных концов средневековой Евразии позволяют уверенно локализовать Саксин, являвшийся перевалочной базой на Шёлковом пути, именно на Самосдельском городище, несмотря на наличие в дельте Волги такого памятника, синхронного Самосделке, как городище Мошаик (Васильев, 2001).

Есть основания полагать, как пишет Г.А. Фёдоров-Давыдов со ссылкой на мнения М.И. Артамонова, Ф. Вестберга и Б.Н. Заходера, что Саксин - это часть восстановленного Итиля, последней столицы Хазарии. И сведения ал-Гарнати косвенно подтверждают эту точку зрения.

За время исследований на городище удалось впервые на территории Нижнего Поволжья обнаружить подстигающие слои под золотоордынским культурным слоем. Город XI-XII веков являлся центром транзитной торговли, что видно из материалов городища. Особенностью памятника является чрезвычайное богатство керамического материала. Он представлен кухонной (котлы, горшки) и столовой посудой (кружки, миски, блюда, крышки, кувшины, чаши и пр.) Имеется значительное количество фрагментов бракованной поливной и неполивной красноглиняной керамики, что говорит о местном её производстве. Данная керамика довольно легко интерпретируется. На фоне хорошо выделяющегося компонента импортной керамики (в основном, поливной) - хорезмийской, закавказской, ширванской, абсолютное большинство гончарной посуды из слоёв X-XII вв. составляет посуда болгарского производства - сделанная болгарскими мастерами непосредственно на месте. Столь значительные масштабы керамического производства позволяют говорить о тесных связях Самосдельского городища с Волжской Болгарией в X-XII вв., о большом болгарском компоненте среди населения городища в тот же период и, предположительно - о болгарской торгово-ремесленной фактории, существовавшей на этом месте в X-XIII вв. Эта фактория является самым южным из известных на настоящий момент пунктом волжско-болгарской экономической и политической экспансии.

Вопрос о локализации Саксина М.И. Артамонов связывал с локализацией последней хазарской столицы, поскольку он тоже придерживался мнения о том, что Саксин - это восстановленный квартал Итиля. Хазарскую столицу М.И. Артамонов предлагал искать в районе современного села Селитренного на левом берегу Ахтубы в Астраханской области (Артамонов, 2002. С. 388-402). Предполагаемое расположение города в окрестностях золотоордынского Селитренного городища позволяло связать в единую логическую схему преемственности столицы двух крупнейших степных государств. Г.А. Фёдоров-Давыдов отметил, что подобная традиция отождествления Саксина с Сараем впервые появилась в арабской литературе XIV-XV вв. Многие исследователи XX века были убеждены, что Сарай был построен рядом с Саксином или на его месте. Эта версия вполне согласуется со свидетельством Рубрука о городе Суммеркенте, который располагался близ Сарая на Итиле и был окружён водой. Г.А. Фёдоров-Давыдов писал, что «эти свидетельства порождают

представления о единой линии преемственности хазарского Итиля - огузского Саксина -золотоордынского Сарая» (Фёдоров-Давыдов, 1969. С. 253-261). Однако, он тут же оговаривается, что до сих пор в районе Селитренного городища не найдено никаких свидетельств существования более древнего города, чем золотоордынская столица.

Ещё один аргумент, который заставляет задуматься о тождестве Саксина и Самосдельского городища - это затопление города. В 30-х годах XIV века произошло резкое и быстрое повышение уровня Каспийского моря, вероятно носившее характер катастрофы. Район городища оказался в прибрежной зоне дельты, особенно опасной в период катастрофических нагонов. Природные катастрофы могли послужить причиной упадка поселения. Самые поздние ордынские монеты в островной части городища относятся к началу XIV века. Возможно, именно в это время жизнь на городище замирает. Наиболее вероятной причиной этого, по всей видимости, явилось затопление его территории, (об этом же говорит мощный слой окатанной керамики и ракушки), а в левобережной части городища, где были обнаружены монеты 1360-х гг., население оставалось до периода «Великой замятии» в Золотой Орде. Как писал автор начала XV века ал-Бакуви после выдержки из текста Закарии Казвини, «Саксин в настоящее время затоплен; от него не осталось и следов, но вблизи существует теперь другой город - Сарай Берке - столица государя этой страны».

Итиль?

На чём же основывается наше мнение по поводу того, что ранние слои Самосдельского городища могут быть соотнесены с последней столицей Хазарии?

Версии. Существует много точек зрения на проблему локализации Итиля. Версии о местоположении Итиля на Селитренном городище или в его окрестностях придерживались М.Н. Артамонов и Л.Н. Гумилёв (Артамонов, 2002. С. 388-402). Версия о местоположении Итиля на городище Хаджи-Тархан выдвинута членами Петровского общества исследователей Астраханского края ещё в XIX в. (Панахалиева, 2007. С. 126-131) Археологические данные, полученные в ходе раскопок и разведок на городище, опровергают эти версии и говорят о наличии там лишь культурных слоев золотоордынского периода и периода Астраханского ханства.

Не так давно возникла версия о локализации хазарской столицы под современным Волгоградом. Л.В. Гуренко и А.В. Ситников предполагают, что города Итиль (Атиль) и Саксин располагались в

южной части современного г. Волгограда (Гуренко, Ситников, 2001. С. 37-40).

Необходимо отметить недавнее исследование И.Г. Семёнова, который анализирует свидетельства средневековых авторов о местоположении Итиля и уверенно локализует его в дельте или в придельтовой зоне Волги (Семёнов, 2002. С. 179-190).

Р.М. Магомедов помещает Итиль на острове Чистая Банка в северной части Каспийского моря. Р.М. Магомедов провёл там разведки и обнаружил в северной части острова остатки валов цитадели. Остров был почти полностью затоплен, поэтому в отчёте Р.М. Магомедова имеются лишь фотоснимки многогранной «цитадели», сделанные с вертолётa. Однако, у нас есть сведения, что это - валы вокруг животноводческой фермы, находившейся на острове и подвергавшейся периодическим подтоплениям из-за подъёма уровня моря.

Возможное соотнесение нижних слоев Самосдельского городища с Итилем имеет несколько оснований:

1. Планиграфия. Описания города Итиля, составленные арабскими историками и самим царём Иосифом, различны и порой не совпадают. Есть источники, которые говорят, что город располагается на двух берегах реки. В западной части города живёт царь, его войско и приближённые. В восточной части Итиля живут купцы и мусульмане и находятся товары. Согласно другим источникам, город располагался на острове, где находился кирпичный замок царя. Другая часть города располагалась на берегу реки, остров и берег были соединены плавучими мостами.

Топоплан городища показывает, что центральная его часть располагается на невысокой (до 3 м высотой) возвышенности, которая представляет собой древний остров, окружённый со всех сторон пересохшими ныне протоками. Восточнее острова располагается ещё одна часть городища. Она вытянута вдоль современного русла на 1 км. Мощность культурного слоя здесь небольшая - от 1 м до 0,2 м. Третья часть городища расположена на левом берегу реки Старая Волга, на бугре. Рельеф городища чётко просматривается на фотографиях из космоса, сделанных уже в начале нынешнего века.

2. Крепость. В 2005 году были получены аэрофотоснимки центральной части городища, на которых вырисовывается контур разобранных стен треугольной кирпичной цитадели. Раскопки ведутся в центре крепости. Стены представляют собой широкие (до 30 м) и

невысокие (около 1 м в высоту) валы. Северная периферия острова выглядит как возвышенность с крутыми склонами и содержит культурный слой мощностью до 3,0 м, в то время как в южной и восточной частях острова он не превышает 1 м. Это естественно - внутри крепости культурный слой накапливался активнее. Кроме того, в данной части городища встречается огромное количество обожжённого кирпича на поверхности, в то время как его количество в других частях памятника весьма скромно. Мы фиксируем массовое строительство из кирпича разных форматов и вторичного использования лишь в эпоху расцвета города Саксина (XI-XII вв.), когда стены были разобраны и пущены на строительство жилищ. В нижних слоях зафиксированы отпечатки стен, сложенных комбинированной кладкой из известняка, кирпича и речной гальки на известковом растворе.

Наличие на городище крепости, выстроенной из кирпича, поднимает статус города и связывает его с царской властью, поскольку кирпичное строительство в каганате являлось царской монополией (ал-Истахри, Ибн Хаукаль, 2006. С. 747).

3. Жилища. В нижних слоях городища были обнаружены юртообразные жилища, которые являются неотъемлемым атрибутом любого известного на данный момент укрепленного поселения хазарского времени. В.С. Флёрв указывает на то, что юрта является прототипом стационарного юртообразного жилища. Он также трактует юртообразное жилище как признак оседания на землю кочевников (а именно - болгар) в рамках культуры Хазарского каганата (Флёрв, 1996. С. 59-60). Юртообразные жилища на Самосдельском городище заглублены в землю, стены их выстроены из жердей и плетня, обмазанного глиной. Жилища представлены тремя типами - круглое в плане однокамерное жилище, небольшое однокамерное круглое жилище с тамбуром и двухкамерное жилище, состоящее из круглого помещения и пристроенного к нему прямоугольного помещения. находки из этих жилищ выдают зажиточность их обитателей (Васильев, Ермилов, 2007. С. 120-131).

4. Керамика. Керамический комплекс из нижних слоёв Самосдельского городища можно разделить на два больших массива. Первую группу представляют лепные сосуды. Достаточно точную дату нижним слоям городища дают лепные котлы с витыми и треугольными ручками, которые составляют основу комплекса кухонной посуды. Полные аналогии котлам этого типа находятся в

материалах Кулана (городище Луговое), Краснореченского городища в юго-западном Семиречье, а также в материалах раннесредневековых слоёв Тараза. К.М. Байпаков, датирует подобную керамику VII - VIII вв., Т.Н. Сенигова на материалах Тараза относит подобные котлы к VIII -IX векам (Байпаков, 1986. С. 29-31, 61, рис. 14; Сенигова, 1972. С. 89, 91). Истоки этих форм исследователи видят в кочевнической керамике, в связи, с чем интерпретируют их как посуду кочевого тюркоязычного населения. Аналогичные горизонтальные витые ручки встречаются на лепных и гончарных горшковидных котлах, обнаруживаемых на городище Джигербент (Вишневская, 2001. С. 35-36). Здесь эти сосуды датируются IX веком. Н.Ю. Вишневская также связывает данные сосуды с керамикой тюркоязычных кочевников. Близкий по форме к самосдельским лепной котел с плоским дном найден в крепость на горе Муг близ Пенджикента, где он точно (по письменным источникам) датируется первой четвертью VIII в (Бентович, 1958. С. 358-360). Котлы этого же времени с горизонтальными петлевидными треугольными ручками встречаются на памятниках восточной части Таласской долины (Бубнова, 1963. С. 138).

На раннем этапе (до X в.) доминируют котлы приплюснuto-шаровидной формы с витыми двухленточными ручками, которые находят широкие аналогии в тюркских памятниках Семиречья, среднего течения Сырдарьи, где они встречаются не позже IX в. К раннему же периоду относятся грубые лепные горшки, красноглиняные и черноглиняные -общетюркского типа. Посуда кострового неровного обжига. На втором этапе появляется и начинает доминировать посуда «огузского» облика, характерная для нижних слоёв Саркела. Мы связываем возникновение этой посуды с появлением огузов в составе населения городища. Возможно, они являлись наёмниками хазарского царя - «ларисиями» или «ал-арсия», которые упоминаются в письменных источниках.

Гончарная красноглиняная посуда представляет собой кувшины с узким и высоким горлом, широкогорлые кувшины - водолеи, чаши, миски, блюда, горшки, котлы и кружки. На наш взгляд, аналогии или генетические связи этого комплекса необходимо искать в посуде Суvara и Северного Кавказа раннехазарского периода.

Гончарная керамика «болгарского» облика присутствует во всех слоях, начиная с самых ранних.

Интересно отметить почти полное отсутствие классических «салтовских» сосудов, которые обнаружены в количестве всего 4 экземпляров. То есть присутствие носителей аланской керамической традиции на Самосдельском городище не фиксируется. Без сомнения, эти сосуды являются привозными, но тоже подтверждают датировку. Из нижних слоев происходит керамика, формы которой, являются местным подражанием салтовской керамике.

Также позволяют датировать нижние слои Самосдельского городища некоторые редкие импортные вещи. В незначительном количестве на памятнике встречаются импортные изделия, аналогичные керамике Пенджикента (VIII в.), Джигирбента (IX в.), Самарканда (IX-X вв.).

5. Радиоуглеродные даты. Для различных слоев раскопа I, площадь которого составляет 428 кв.м при глубине 2,4-2,8 м, получена серия радиоуглеродных дат. Анализы проводились в Институте географии РАН (Москва), лаборатории радиоуглеродных анализов при научном центре геохимических исследований АН Украины (Киев) и лаборатории радиоуглеродных анализов ИИМК РАН (Санкт-Петербург). Даты калиброванные. Наибольший интерес для данной темы представляют три образца, взятые из нижних слоев. Образец №1, представляющий собой насыщенный углем культурный слой, датирован периодом не позднее конца IX в. Образцы №№ 2 и 3, состоявшие из древесного угля и взятые из сплошного слоя пожара, датируются периодом от середины VIII в. до второй половины IX в. Еще один образец дерева, взятый непосредственно с уровня материка (13 шт.) имеет такой же возраст. Отбор образцов для радиоуглеродного анализа будет продолжен, однако мы уже сейчас можем утверждать определенно, что жизнь на Самосдельском городище началась в интервале с середины VIII в. до второй половины IX в.

На основании всех вышеприведенных аргументов мы можем сделать предположение, что Самосдельское городище, находящееся в дельте Волги, центральная часть которого расположена на острове, а две периферийные - по берегам реки, наиболее ранние культурные слои которого датируются VIII-IX вв. и содержат остатки юртообразных жилищ, в материалах которого встречается специфическая тюркская керамика и на котором прослеживаются остатки кирпичных стен цитадели, может быть отождествлено с остатками столицы Хазарии - города Итиля (Атиля).

Послесловие.

Разумеется, авторы исследований отдадут себе отчёт в том, что высказанные здесь предположения по поводу интерпретации Самосдельского городища на различных этапах его существования в качестве городов Саксин и Итиль - не более чем предположения, и вряд ли когда-либо нам удастся обнаружить прямые и неопровержимые доказательства их истинности. Тем не менее, исследования городища на настоящий момент продолжаются уже 12 лет (а с момента открытия городища и начала рекогносцировочных работ прошло уже более 20 лет). Накоплен значительный фактический материал, изучена стратиграфия памятника, собрана колоссальная коллекция находок, установлены территориальные и хронологические аналогии материалам, встречающимся на городище, исследованы десятки архитектурных сооружений - жилых, хозяйственных, производственных комплексов, частично выявлена планировочная структура центральной части города, в общих чертах изучено районирование, проведены разведки в окрестностях городища, проведены геофизические, палеопочвенные, археозоологические исследования.

Всё это даёт нам возможность на данном этапе изучения памятника выдвинуть гипотезу о его интерпретации в качестве остатков городов Итиль (Атиль) и Саксин. Эта гипотеза, как и любое иное предположение в науке, может быть со временем опровергнута, пересмотрена - либо нами самими, либо другими исследователями. Самосдельское городище - памятник уникальный в культурно-историческом плане, и его изучение ставит перед нами каждый год огромное количество вопросов, на которые мы не можем найти ответа.

На настоящий момент совершенно бесспорно лишь одно - необходимо продолжение и расширение масштабных исследований на этом богатейшем и разнообразнейшем археологическом объекте, привлечение к этим исследованиям не только археологов, но и специалистов в области естественно-научных дисциплин. Необходимо расширять территорию, охваченную раскопками - закладывать новые раскопы в заречной части городища, а также в его южной правобережной части. Только многолетние комплексные исследования помогут пролить свет на истинную историю городища.

«ГОРОД БАШКОРТ» И ДРУГИЕ «ГОРОДА БАШКИР» НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТАХ

В последние годы в средствах массовой информации Республики Башкортостан, в научных и научно-популярных трудах известного археолога, академика АН РБ Н.А. Мажитова и его последователей и соратников усиленно проводится идея о существовании на территории современного Башкортостана в эпоху средневековья многочисленных городов и о городище Уфа II, как о городе Башкорт – древней столице Башкортостана (Мажитов, Иванов, Сунгатов, Султанова, 2007. С.94-97; Мажитов, Сунгатов, Султанова, 2007. С.39-44; Они же , 2007а, С. 33-37; Мажитов, Султанова, 2009. С.176-189; Мажитов, 2010. С.26-30.). Подобные идеи, претендующие на кардинальный пересмотр устоявшихся исторических концепций, естественно, требуют строгого и детального источниковедческого обоснования и доказательств. Мысль достаточно тривиальная, но, к сожалению, в данном случае фактически проигнорированная авторами и творцами идеи «башкирских городов».

С точки зрения фундаментальной науки (равно как и с точки зрения осуществления образовательно-просветительского процесса в средней и высшей школе Республики) поверхностное, а зачастую и небрежное отношение к источникам, отсутствие научного источниковедческого анализа, поспешные, главным образом, декларативные выводы с претензией на новое слово в исторической науке, кроме вреда, не приносят ничего. Хотя любая концепция, пусть даже ошибочная, но построенная на результатах методически выверенного источниковедческого анализа, объективно должна стимулировать научный поиск.

К сожалению, в данном случае такого не происходит, поскольку авторы идеи о «городе Башкорт» не сделали главного – не провели надлежащего источниковедческого анализа материалов, на которых постулируют свою идею. Авторы этих строк решили устранить этот пробел в исследовании городища Уфа-II и возложили на себя задачу провести источниковедческий анализ письменных и картографических источников, содержащих сведения о «городе

Башкорт» и других «городах башкир», и сопоставить его результаты с имеющимся археологическим материалом.²⁸

Самое раннее упоминание о «городах башкир» с указанием их местонахождения, на которое постоянно ссылаются Н.А. Мажитов и его сотрудники, датируется серединой XII в. и приведено в сочинении сицилийского географа XII в. ал-Идриси "Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак" ("Отрада страстно желающего пересечь мир", 1154 г.). С точки зрения исторического источниковедения оно подробно рассмотрено И.Г. Коноваловой (Коновалова, 1999; 2006).

Сочинение ал-Идриси включает в себя не только текстовую часть, но и подробнейшую карту мира, в том числе Восточной Европы.

Н.А.Мажитов, со ссылкой именно на ал-Идриси, приводит следующие сведения о «башкирских городах», якобы присутствующие в сочинениях средневековых арабских и европейских авторов: «Пресловутый вывод о башкирах-«пастухах» возник и утвердился в то время, когда в трудах арабских и европейских авторов IX-XII вв. были убедительные сведения о городах в стране башкир, о расстояниях пути между ними, о наличии в них крупных ремесленных центров. Не менее важными в них являются сообщения о поставке башкирами-жителями городов выплавленной меди в Хорезм и Чач (караванная торговля) и управлении городами (государствами вокруг них) местными ханами. Здесь мы имеем в виду **фундаментальный труд автора XII в. ал-Идриси, выполненный на основе сочинений географов IX-X вв.** (выделено нами – *авт.*). Русскоязычный читатель теперь имеет возможность ознакомиться с этим ценным источником благодаря академическому изданию И.Г.Коноваловой» (Мажитов, 2010. С.27).

Отбросим в сторону эмоции, не уместные в научной работе (хотя они и напрашиваются), и обратимся к переводам И.Г.Коноваловой, в которых содержатся сведения ал-Идриси о «басджиртах» и их «городах». Эти сведения не собраны воедино, а разбросаны по разным местам сочинения ал-Идриси. Особый интерес представляет рассказ о седьмой секции шестого климата. «Эта седьмая секция шестого климата содержит [описание] части Хазарского (Каспийского. – И.А.) моря, территории стран внутренних и внешних басджиртов вместе с теми [землями] страны Аскутия (Скифия. –

²⁸ Анализ публикаций археологического материала по интересующей нас теме проведен археологом Ф.Ш.Хузиным, о чем речь пойдет ниже.

авт.), что примыкают к ним с севера. С помощью Аллаха мы изучили то, что говорилось о [простых] жителях и знатных лицах этих стран в книгах, написанных до нас. Скажем: большая часть этих земель, которые мы назвали, [представляют собой] протяженные пустыни и безлюдные пространства. Их поселения малочисленны, удалены друг от друга [на большие расстояния], бедны, а [соединяющие их] пути опасны из-за вражды местных народов и плохого состояния дорог» (Коновалова, 2006. С.122). Источники этого описания, к сожалению, неизвестны, так как ал-Идриси не дает названий изученных им книг и не упоминает их авторов. Его сведения о поселениях у башкир противоречат традиционному представлению об их кочевом образе жизни, однако поселениями башкир могли быть их сезонные стойбища.

Из контекста сочинения ал-Идриси следует, что внешних басджиртов он помещает к востоку от внутренних (Коновалова, 2006. С.241). Что и дало основание другому исследователю – К.А.Макартни – разместить внутренних башкир в Южном Приуралье, а внешних – в Южном Зауралье (Macartney, 1930).

В этой же секции ал-Идриси пишет: «Что же до страны внешних басджиртов, то к ней относятся [города] Карукийя, Намджан и Гурхан. Это населенные города, жители которых живут своим трудом, занимаясь торговлей и ремеслами лишь с тем, чтобы обеспечить себя»(Коновалова, 2006. С.122). Однако, из дальнейшего изложения следует, что эти города находились далеко за пределами территории башкир и, таким образом, не являлись их городами, но были тесно с ними связаны (Коновалова, 2006. С.250-251).

О внутренних и внешних басджиртах ал-Идриси пишет: «Эти народы постоянно вторгаются во владения других и забирают [себе] их добро. Эти страны плодородны, с обильной растительностью и стадами скота» (Коновалова, 2006. С.122). В переводе К.А. Макартни цитируемый отрывок звучит так: «Эти люди постоянно нападают друг на друга и совершают набеги на окрестные страны для вещей, необходимых для них. Страна плодородна, пастбища обильны, пастухи многочисленны» (Macartney, 1930. P.222). Налицо два разных уклада: с одной стороны, жители городов, которые сами обеспечивают себя, занимаясь торговлей и ремеслами, с другой стороны, пастухи, которые вынуждены совершать набеги на окрестные страны (может быть, на эти самые города), так как не

имеют необходимых вещей. Ясно, что второй из этих укладов характеризует башкир, а первый – их оседлых соседей.

Седьмая секция седьмого климата «содержит продолжение [описания] страны Басджирт». В этой секции ал-Идриси пишет: «Из городов внутренних басджиртов [назовем] Мастр и Кастр. Оба города невелики, и купцы редко посещают их. И никто в них не бывал, так как [туземцы] убивают всех чужестранцев, которые хотят проехать через их страну. Оба города стоят на реке, впадающей в Исил» (Коновалова, 2006. С.128). И.Г. Коновалова комментирует этот отрывок следующим образом: «По всей вероятности, эти данные ал-Идриси получил из вторых рук: информатор географа сам вряд ли бывал в городах басджиртов и знал лишь их названия, а также имел представление о труднодоступности этих городов для купцов. Наличие целого ряда вариантов чтения названий городов (Мас.т.р, Мастр, Мамир, Мас.рада; Кас.т.р, Камир, Кас.р) также говорит о недостаточной конкретности полученных ал-Идриси сведений о городах басджиртов. Основными занятиями башкир в XII в. являлись кочевое и полукочевое скотоводство, охота, в том числе пушной промысел, борничество - никаких городов в XII в. у башкир не было. Даже в XIII в. путешественник Вильгельм Рубрук отмечал полное отсутствие каких-либо поселений в стране башкир. Данные ал-Идриси о наличии городов у басджиртов могут отражать дошедшие до его информатора сведения о башкирских родо-племенных названиях - кесе и мишар». (Коновалова, 1999. С.192).

Данную оценку степени достоверности сведений ал-Идриси о «башкирских городах» разделяет и А.В.Псянчин, посвятивший специальное исследование отражению Башкортостана на старых картах (Псянчин, 2001. С.17).

На карте ал-Идриси 1154 г. надпись «башкиры» пересекает в нижнем течении реку, вытекающую из гор Айани и впадающую в реку Атиль с севера. На левом берегу этой безымянной реки выше по течению показаны города Масра и Касра, первый – на середине, а последний – почти у истоков. На современной карте эта река соответствует Каме, а сама река Атиль, вытекающая из гор Оскаска, соответствует Белой. Таким образом, на карте ал-Идриси башкиры размещены на реке Каме до впадения в нее реки Белой (Рыбаков, 1952. Рис. 1; 4; 9; 15а) (рис.1).

Отождествлять какие-либо из известных средневековых поселений с «городами» Kásra и Másra – занятие неблагодарное,

поскольку их местонахождение на карте ал-Идриси весьма неопределенное. Но если исходить из размеров известных городищ и времени их существования, то есть смысл обратить внимание на такие памятники, как Рождественское городище на р.Обва (Касаба Афула) площадью около 25000 кв.м., время расцвета которого приходится как раз на X-XIII вв., и городище Иднакар возле г.Глазова (площадь 40000 кв.м.), поздняя стадия существования которого относится к XII-XIII вв. (Белавин, Крыласова, 2008; Иванова, 1998. Гл.IV).

Завершая анализ сведений ал-Идриси о наличии у башкир городов, считаем нужным подчеркнуть следующие обстоятельства:

1) сам ал-Идриси в башкирских городах не был, а своих информаторов, якобы там побывавших, он не называет;

2) сведения ал-Идриси о башкирских городах отсутствуют в других письменных источниках, поэтому проверке не поддаются;

3) из ал-Идриси однозначно не следует, что города, упоминаемые им при описании страны башкир, являются башкирскими: то ли они находятся в самой стране башкир, то ли в других северных странах, расположенных более или менее близко от страны башкир;

4) ал-Идриси не дает ясных географических координат «башкирских» городов, его сведения настолько запутаны, что Н.А. Мажитов и его соавторы в своих многочисленных публикациях последних лет даже не попытались указать эти города на карте;

5) города, о которых пишет ал-Идриси, не поддаются убедительному отождествлению с известными на Южном Урале археологическими памятниками.

С учетом всех этих обстоятельств можно сделать вывод о том, что сведения ал-Идриси о городах у башкир требуют осторожного и даже сдержанного отношения. Однако критический анализ источников («азы» научного источниковедения) абсолютно чужд методике исследований Н.А.Мажитова.

Следующим по времени картографическим источником по исторической географии башкир является карта братьев-купцов Пицигано (Пицигани) 1367 г. На ней (цитируем): «Вдоль р.Камы нанесены следующие населенные пункты: sebur, sakatin, shar, carmanchio и др. На р.Каме показан город rascerty (город Башкорд) и к востоку нанесена надпись *pascherty* (башкиры – А.П.). Ниже соединения рек Волги и Камы расположены : borgar, carabolam, somar, solachi, tanica, kabanko, saray и др.» (Псянчин, 2001. С.71).

На местоположении “somar” хотелось бы остановиться подробнее. Если исходить из археологических реалий, то значком в виде трех башенок (каким они обозначили и «город rascerty») братья Пиццигано обозначали на своей карте как реально существовавшие города («burgar-Булгар), так и серию поселений золотоордынского времени, находившихся на территории современного г.Самары и в его ближайших окрестностях, назвав это место «somar» (История Самарского Поволжья... 2000. С.293-320) (рис.2).

Вместе с тем, обращаясь к рассматриваемому источнику, нельзя игнорировать и такой факт, как: «Франциск и Доминик Пиццигани (итал. Pizzigani) — братья, известные итальянские картографы XIV века. Знамениты составлением подробного географического справочника-портулана, составленного ими в 1367 году и широко известного как «Карта Пиццигани». Карта предназначалась для торговцев и мореходов и содержала практически все известные на тот момент географические сведения и подробные комментарии маршрутов, географических объектов и исторических мест. Карта охватывает всю Евразию, содержит сведения об островах в Североатлантическом океане на западе Испании и Португалии включая португальские открытия. Несмотря на широкую известность карты, о ее составителях известно очень мало. Предполагается, что они были купцами и родились в итальянской Парме.

В 1942 году появилась другая карта, известная как «Венецианская карта Пиццигано» и составленная явно на основе карты Пиццигани. Авторство этой карты достоверно не установлено. Вместе с подлинными географическими объектами, она содержала сведения о совершенно вымышленных мифических объектах, таких как «острова Антилия» (выделено нами – И.А, В.И.). Обе карты сохранились в многочисленных полных и частичных копиях. В настоящее время карта Пиццигани используется в исторических и топонимических исследованиях» (Эл. ресурс <http://ru.wikipedia.org/wiki>). Так что, какой картой братьев Пиццигани пользуемся мы в своих исторических построениях – 1367 г. или 1942 г. – никто из современных источниковедов пока достоверно сказать не может.

Безусловно, нельзя обойти вниманием Каталонский Атлас 1375-1377 гг., на котором нанесены реки Волга и Кама (Edil) и на левом берегу Камы показаны поселения Pascherti (Башкиры). Тем более что, как считают авторы концепции «города Башкорт», данный топоним

именно в смысле «город или страна башкир» представлен на этой карте (рис.3). К сожалению, разработчикам указанной концепции не свойственен источниковедческий анализ. В противном случае они знали бы, что Каталонский атлас составлен его автором Абрахамом Креском на основе трех текстов геополитического характера, конкурирующих между собой: книги Марко Поло, «географической утопии» армянского принца Гайтона и монаха-путешественника францисканца Одорика де Порденоне. Ни один из перечисленных авторов на территории Урало-Поволжья никогда не бывал, географом не был и книги свои они писали каждый с совершенно определенными целями, далекими от географических изысканий. Поэтому и Абрахам Креск составил свой атлас «из мозаики» (Юрченко, 2008, С.44-46).

На Каталонском атласе «город Pascherti» помещен на левом берегу Камы, между городом «Jorman» (?), являвшимся, судя по флагу с тамгой Джучидов над ним, центром улуса, и городом «Sebur» - еще одним улусным центром. Выше по течению Камы от «города Pascherti» обозначен еще один город – Fachatim, отождествляемый современными исследователями с реальным городом Джукетау (Хузин, Набиуллин, Нигамаев, Ситдилов, 2006, С.190). Ниже устья Камы на правом берегу Волги обозначен город Verehimom (летописный болгарский город Бряхимов, до сих пор так и не идентифицированный ни с одним из известных городищ), а в устье Камы – город Castrama (Кострома) – центр русского удельного княжества, расположенный в 600 км к северо-западу от указанного места (рис.3). То есть, сомнительная географическая «точность» и, соответственно, «ценность» Каталонского атласа очевидны, поэтому не случайно А.Г.Юрченко – один из основных исследователей этого документа – предлагает относиться к нему, как модели «идеальной картины мира, каким он виделся европейцам после столетия путешествий в Азию» (Юрченко, 2008, С.55).

На следующей по времени карте Московии De Terris Asiae Minoris, составленной в 1544 г. Себастьяном Мюнстером по материалам Сигизмунда Герберштейна²⁹, в Поволжье указан только один город – Novogardia (Нижний Новгород), а к востоку от Волги – области Czeremissia, Permia provincia и два города – Orlov и Permia (рис.3). С городами Orlov и Permia все более-менее понятно: это

²⁹ Сигизмунд Герберштейн, как известно, дважды, в 1517 и 1526 гг. путешествовал по Московии.

крепость Орлов (Орловское городище), основанная русскими в конце XIII в. на правом берегу р.Вятки и древнерусский город Чердынь, в писцовых книгах XVI-XVII вв. именовавшийся как «Пермь Великая». Более никаких городов к востоку от Волги на данной карте не указано (даже нет Казани, реально существовавшей в то время) (рис.4).

Аналогичным образом на карте *Moschovia Nova Tabula*, составленной итальянским картографом Джакомо Гастальди в 1548 г., самым восточным городом указана Казань (*Cassan*), восточнее которой обозначены *Nogai Tartari* (ногайцы), *Scianbani Tartari* (сибирские татары-шейбаниды) и несколько пунктов с одинаковым названием *Orda* (рис.5).

Впрочем, названные выше картографы в основном обращались к территории Московии, поэтому можно допустить, что Заволжские и Уральские земли, еще не вошедшие в состав Русского государства, могли остаться вне поля их внимания. Зато на карте Герарда Меркатора 1569 г. именно восток современной России отражен наиболее полно и подробно (Псянчин, 2001. С.73). Н.А.Мажитов и А.Н.Султанова считают, что на данной карте «город Паскертти (Башкорт) помещен в среднем течении р.Белой, примерно, на уровне современной Уфы» (ссылаясь при этом на книгу А.В.Псянчина, где об этом ничего не сказано) (Мажитов, Султанова, 2009. С.184). Действительно, на левом притоке р.Камы (она на карте Меркатора не названа, но сама гидрографическая сеть совершенно четко указывает на нее) поставлен значок с надписью *Pascherti* – башкиры. Правда, названные авторы почему-то не обратили внимания на то, что точно такими же значками на рассматриваемой карте обозначены как реальные города – *Casan* (Казань), *Shaboghshar* (Чебоксары), *Nijni Nowgorod* (Нижний Новгород), *Bulgar*, *Meshet*, *Pustezora* (Пустозерск), *Perm* (Чердынь), *Cotelnitz* (Котельнич), *Scharajtik* (Сарайчик) – так и области расселения тех или иных племен и народов: *Vahulics* (Вогулы), *Iuhri* (Югра), *Ierom* (?), *Grustina* (?), *Sibier* (Сибирь), *Weliki Poyassa* (Урал), *Petsora* (Печора)³⁰ (рис.6). То есть, вероятнее всего Герард Меркатор, никогда не бывавший в Московии, очень смутно представлял себе географию этого государства и плохо различал города и этнические территории.

³⁰ Город с таким названием существует в Республике Коми, но он был основан в 1948 г.

На карте Азии (*Asiae nova descriptio*) фламандского картографа XVI в. Абрахама Ортелия, составленной в 1570 г., показаны Каспийское море (*Mare de Bachi olium Mare Caspiu*), р.Волга (*Volga vel Edel fl.*), р.Яик (*Yaick fl.*), Казань (*Casan*), Астрахань (*Astracan*), Булгар (*Bulgar*), Мечеть (*Mechet*). Обозначена территория башкирских кочевий (*Baschirdorum horda*), но никаких городов на этой территории не обозначено (Псянчин, 2001. С.75). Невольно возникает вопрос: если Абрахаму Ортелию был известен небольшой город Котельнич на р.Вятке (а он обозначен на его карте – *Colteniz*), возникший не ранее XIII в., то почему ему ничего не было известно о «городе Башкорт» в земле башкир, который, если судить по работам Н.А.Мажитова и его соавторов, к тому времени должен был бы насчитывать не менее 1000 лет своей истории? Или он к тому времени был начисто стерт с лица земли русскими стрельцами и казаками?

На карте Маджины *Moscovia Imperium* 1596 г. обозначены *Permia provincia* и город *Permia, Cheremissa* (марийцы), города Казань, Орлов и Тюмень. Но нет ни башкир, ни, тем более, «города Башкорт».

Наконец, карта Московии, составленная в 1612 г. голландским купцом и картографом Исааком Массой, несколько раз бывавшим и жившим в России. Ее подробное описание приведено А.В.Псянчиным: «довольно точно и подробно изображена гидрографическая сеть. Показаны: р.Волга (*Wolga olim Rha fl., Wolga rusa*), р.Кама (*Kama fl.*), р.Чусовая (*Tsosowaia fl.*), р.Тобол (*Todol fl.*), р.Самара (*Samara flu.*), р.Белая (*Bela Wolga*), р.Уфа (*Yppa fl.*) и др. Народы (провинции) и населенные пункты: черемисы луговые (*Czeremissi Logowoy*), черемисы горные (*Czeremissi Nagornoy*), Казань (*Cazan*) – провинция и Казань (*Cazan*) – город, Елабуга (*Albuga*), Алатырь (*Allatur*), Тетюши (*Tetusch*), Арск (*Araska*) и др. Уральские горы не показаны. На левом берегу р.Уфы до слияния с р.Белой написано *Pascharti* (Башкиры)» (Псянчин, 2001. С.76).

К сказанному, пожалуй, следует добавить, что на рассматриваемой карте обозначены относительно молодые для того времени города Соликамск и Тобольск, опять обозначена Печора. А вот что касается «города Башкорт», то значок с надписью *Pascharti* помещен в таком месте, которое ассоциируется с устьем или р.Ай, или р.Юрюзань, а близ устья р.Уфы стоит значок с надписью *Belater*.

Одним словом, совершенно очевидно, что средневековые карты, составленные в разное время людьми, обладавшими совершенно не

поддающейся проверке информацией, на которых призрачный «город Башкорт» то появляется в разных местах, то исчезает, едва ли могут рассматриваться в качестве надежного источника для гипотезы о его существовании.

Обратимся теперь к письменным источникам. Они немногочисленны: это сочинение ал-Омари, секретаря египетского султана Эльмелика-Эннасыра (первая половина XIV в.) и ибн Халдуна (вторая половина XIV в.). Именно их чаще всего упоминают в своих работах авторы идеи о «городе Башкorte».

В.Г.Тизенгаузен – составитель «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» - в примечании к переводу сочинения ал-Омари отмечал, что свои сведения о Золотой Орде автор почерпнул главным образом из личных расспросов лиц, ездивших туда по торговым и дипломатическим делам (Золотая Орда..., 2003. С.101). И он нам сообщает буквально следующее: «Почтенный Хасан Элрибили говорил, что, по рассказу странствующего купца Бедреддина Хасана Эрруми, границы этого государства (Золотой Орды – И.А., В.И.) со стороны Джейхуна: Харезм, Саганак, Сайрам (?), Яркенд, Дженд, Сарай, город Маджар, Азак, Акчакермен, Кафа, Судак, Саксин, Укек, Булгар, **области Сибирь и Ибирь, Башкырды и Чулыман** (выделено нами – И.А., В.И.); потом за Чулыманом границы владений Сибири и Ибири прикасаются пределов Хатайских... В настоящее время, говорю я, местопребывание [Великого] Кана – Ханбалык. Страны Сибирские и Чулыманские, продолжал он [Хасан Эрруми], прилегают к Башкырдам. В земли Башкырдов [находится] мусульманский кади, пользующийся почетом» (Золотая Орда..., 2003. С.106). На этом сведения о башкырдах-башкирах у ал-Омари исчерпываются. Как мы видим, ни о каком «городе Башкorte» ал-Омари речи не ведет (следовательно, в качестве источника сведений об этом городе его упоминают все). Кроме того, вообще все сведения о Золотой Орде названный автор получал из вторых рук: странствующий купец Бедреддин Хасан Эрруми сообщил их почтенному Хасану Элрибили, а тот – пересказал Ибн Фадлаллаху ал-Омари. Авторы этих строк уверены (и думаем, что читатель не будет возражать против этого), что, с точки зрения научного источникововедения, воспринимать и оценивать сочинение ал-Омари следует именно в реальном контексте, а не через призму собственных желаний и построений.

Что касается сведений Ибн Халдуна, то их источник не обозначается и переводчиком никак не комментируется. Полностью они звучат так: «...Чингизхан назначил эти земли сыну своему Душихану и поставил его царем над ними. Это – государство обширное на Севере, простирающееся от Харезма до Яркенда, Согда [по другому: Дженда], Сарая, города Маджара, Азака, Судака, Булгара, Башгирда и Джульмана. В пределах этого государства [находится] город Баку, [один] из городов Ширвана; около него «Железные ворота», которые тюрки называют Демиркапу. Границы этого государства на юге доходят до пределов Константинополя. Оно [это государство] бедно городами, но богато возделанными местами» (Золотая Орда..., 2003. С.169). Нельзя не признать, что, при желании, данный абзац из сочинения Ибн Халдуна можно трактовать и как указание на существование «города Башгирд (Башкорт)». Но тогда следует признать (и, соответственно, искать) существование и «города Джульмана (Камы)», о котором никто и никогда ни до Ибн Халдуна, ни после него не упоминал. То есть, не было необходимости пояснять читателю XIV в., что в данном предложении перечисляются как реальные и известные города на территории Золотой Орды, так и области, входившие в ее состав. И не случайно среди них соседствующие области «Башгирд и Джульман» названы последними и рядом.

В одной из своих первых публикаций о «городе Башкorte» Н.А.Мажитов, Ф.А.Сунгатов и А.Н.Султанова, находясь, очевидно, в состоянии некоей эйфории, в качестве доказательства существования «дорусского города Уфы» приводят несколько выдержек из «свода болгарских летописей» - документа весьма сомнительного происхождения и содержания (Мажитов, Сунгатов, Султанова, 2007. С.40). Правда, следует отдать им должное, очевидно после знакомства со статьей тюрколога и источниковеда Ю.Шамильоглу, в которой дается критический источниковедческий анализ этого документа (Шамильоглу, 2007. С.44-48), в последующих публикациях названных авторов о «городе Башкorte» ссылок на этот документ уже нет.

Так же, как и нет в их публикациях упоминаний ни одной ссылки на башкирские исторические предания (шежере), в которых

упоминался бы «город Башкорт» или нечто ему подобное³¹. Последнее, впрочем, неудивительно, поскольку среди опубликованных исторических преданий и шежере подобных сведений просто нет.

Как бы то ни было, но археологический памятник городище Уфа-II существует реально и исследуется уже много лет. Материалы раскопок городища 2006-2008 гг. опубликованы и даже получили критическую оценку со стороны коллег-археологов (Хузин, 2010. С.319-328). Автор рецензии – известный казанский археолог Ф.Ш.Хузин – высказал достаточно много замечаний по поводу качества и манеры подачи материала авторами публикаций. Но, вместе с тем, поддержал идею о протогородском характере городища Уфа-II: «Протогородской характер памятника не вызывает сомнений. Данный тезис доказывается полиэтничным составом населения, археологически выявленными элементами благоустройства, наличием отчетливо прослеженных следов ремесленной и торговой деятельности жителей, широкими международными связями, отраженными в составе находок из культурного слоя (импортные вещи). Очевидно, Уфа-II являлась в течение столетий административным, экономическим и культурным центром большой округи, своеобразной «столицей» раннесредневекового населения Южного Урала, участвовавшего в качестве одного из компонентов в формировании этнических основ башкирского народа» (Хузин, 2010. С.326).

Не будем повторять уже проделанную рецензентом скурпулёзную работу по анализу и оценке источниковедческого качества публикаций материалов городища Уфа-II. Обратимся к материалам, позволяющим оценить археологическое состояние памятника, до того, как он стал объектом целенаправленных раскопок и интерпретаций.

Прежде всего, необходимо отметить, что археологического плана городища Уфа-II никто никогда не составлял, поскольку в 1953 г. – год его открытия археологом П.Ф.Ищериковым – и территория самого городища, и прилегающие к нему территории были плотно

³¹ Кроме сообщения башкирского старшины Кидраса Муллакаева, записанного П.И.Рычковым, о существовании на территории современной Уфы до прихода русских большого города, простиравшегося от устья р.Уфы по правому берегу р.Белой верст на десять.

застроены усадьбами уфимских обывателей.³² И восстановить его конфигурацию и размеры можно только по старым планам г.Уфы.³³ На самом раннем плане г.Уфы 1732 г.³⁴ отчетливо виден мыс городища Уфа-II, на котором ещё ничего не построено, но через центральную часть которого проходит вал верхнего палисада, опоясывавший территорию города полукругом (рис. 7а). Причем, в пояснении к плану сказано, что этот палисад (обозначенный на плане желтым пунктиром) сооружен на месте более раннего палисада (показан черным пунктиром). Палисад на территории городища показан и на плане 1745 г., а также отчетливо виден на карандашном рисунке П.И.Рычкова, запечатлевшем панораму Уфы 1751 г. На этом же рисунке видно, что в центре палисада на городище Уфа-II сооружена батарея (рис.7б).³⁵

На плане 1782 г. на территории городища Уфа-II показан острог (тюрьма), представляющий в плане квадрат со сторонами, если верить масштабу плана, в 60 сажен или 102 м.³⁶ То есть, площадь острога составляла 10404 кв.м (или чуть более 1 га) (рис.8а). Так это было или нет, но простоял на этом месте острог по крайней мере до 1800 г., когда он был обозначен на очередном плане г.Уфы (рис.8б).

Требуются ли здесь какие-то комментарии? Разве что чисто археологические, суть которых сводится к тому, что, судя по планиграфическим данным, в случае с городищем Уфа-II археологам пришлось иметь дело с неоднократно переотложенным культурным слоем (едва ли кто будет сомневаться в том, что сооружение палисада, а затем его подновление, равно как и последующее сооружение тюремного острога, сопровождалось капитальными земляными работами на большой площади), вследствие чего первоначальная стратиграфия памятника была безвозвратно уничтожена. Поэтому нет ничего удивительного в том, что разновременный материал – бахмутинская керамика IV-V вв.,

³² По архивным данным застройка мыса, на котором расположен памятник, началась в первой четверти XIX в.

³³ Что и было сделано Е.В.Ивановой и В.А. Ивановым. См.: Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Иванов В.А., Саггаров Т.Р., Султанова А.Н., Иванова Е.В. Городище Уфа-II. Т.I. Материалы раскопок 2006 года. Уфа, 2007. С.63, рис.4.

³⁴ Все планы, упомянутые в данной статье, хранятся в фондах Российского Государственного архива древних актов и Российского Государственного военно-исторического архива. Копии – в фондах Национального музея РБ.

³⁵ С которой, по-видимому, и связан бревенчатый сруб, обнаруженный в ходе раскопок 2006 г. См.: Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Иванов В.А., Саггаров Т.Р., Султанова А.Н., Иванова Е.В. Городище Уфа-II. Т.I. С. 25-27.

³⁶ Если исходить из т.н. мерной сажени, равной 1,7 м.

турбаслинская V-VI вв., кушнаренковская и караякуповская VII-IX вв., чияликская XII-XIV вв. – оказался перемешанным в культурном слое, превратив тем самым городище Уфа-II в «однослойный памятник».

Вообще со стратиграфией керамики городища Уфа-II, представленной в имеющихся публикациях, работать невозможно в принципе. Авторы дают описание типов керамики, но не дают их статистики. В первом томе своих публикаций помещают специальный раздел «Распределение керамического материала по квадратам и горизонтам», но приводят только общее количество находок керамики по горизонтам (Мажитов, Сунгатов, Иванов и др. , 2007. С.31-33) Во втором томе имеется раздел «Описание керамического материала», но не дается описания его распространения ни по квадратам, ни по горизонтам (штыкам) (Там же. С.51-53).

Очень странно выглядят находки из горизонта I квадрата А1 – две золотоордынские монеты и фрагмент костяной накладки лука (Там же. С.111) - вместе с которыми найдены 80 фрагментов керамики (какой?), не описанной ни в первом, ни во втором томах публикаций.³⁷ Все это объясняется лишь одним – полнейшей стратиграфической неразберихой, вызванной неоднократным переотложением культурного слоя городища в XVIII-XIX вв. Кстати, подобная картина наблюдалась и в раскопах 1957-1958 гг., в которых основная масса керамического материала сосредоточена на глубине 1,5-2 м. (Ищериков, Мажитов, 1962. С.140-150).

Что касается т.н. «деревянных мостовых», обнаруженных в раскопе 2007 года, то без надлежащей дендрохронологической или радиоуглеродной датировки их фигурирование в качестве элемента инфраструктуры древнего «города Башкорта» не имеет смысла.

Тем не менее, наши оппоненты категоричны в своих построениях: «утверждение за городищем Уфа-II названия «город Башкорт» легко объяснимо: оно возникло от самоназвания народа башкорт – коренного населения Южного Урала». Естественно, Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова не обходят вниманием вопрос: а где же в то время были башкиры? Они заявляют: «у нас есть ряд косвенных доказательств (каких? – *И.А., В.И.*), указывающих на то, что уже в VII в. часть населения Южного Урала носила название «башкиры»». При

³⁷ Во втором томе описание материала вообще дается, начиная с квадрата А4. Хотя на приводимых планах раскопа указаны все квадраты.

этом Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова ссылаются на труды китайских авторов VII в., «где **близко** (выделено нами. – *И.А., В.И.*) к Южному Уралу упоминается народ ба-шу-ки-ли» («башкорт»). Этот народ принадлежал к числу народов, «плотно заселивших территорию Западного Туркестана и Нижнего Поволжья». Далее Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова ссылаются на мнение М.И. Артамонова «о том, что башкиры упомянуты в «Армянской географии» VII в. под именем «бутки» или «бушки». В источнике бушки-башкиры названы как народ, приходящий в Северный Прикаспий на зимние пастбища с северных краев» (Мажитов, Султанова, 2009. С.185). Такие данные якобы позволяют сделать вывод, что уже в VII в. башкиры проживали на Южном Урале, где возглавляли собственное государственное объединение со столицей в городе Башкорт (Там же. С.186).

В понимании Н.А.Мажитова и его соавторов, «город Башкорт» - это городище Уфа-II, как поселение функционировавшее на протяжении тысячелетия, с V по XIV вв. Население его «в этническом плане было смешанным, но в нем численно преобладали представители турбаслинских племен» (Там же. С.178). Оно и понятно, поскольку, в интерпретации названных авторов, «турбаслинские племена, придя в Западное Приуралье, переходили к оседлости», о чем свидетельствует возникновение следов оседлых поселений и земледелия (Там же. С.145 и сл.).

Следовательно, носители турбаслинской культуры не могут быть отождествлены с древними башкирами, кочевавшими в VII в. между Южным Уралом и Прикаспием. Но тогда причем здесь городище Уфа-II, как «башкирская столица»? Ведь «турбаслинцы» и древние башкиры – это разные племена.

Таким образом, создав умозрительную концепцию «города Башкорт», Н.А.Мажитов возложил на себя очень тяжелую задачу. Во-первых, ему необходимо научно доказать, что носители турбаслинской культуры, чья этническая принадлежность до сих пор не ясна (единственно, о чем сейчас исследователи говорят более-менее определенно – это генетическая связь «турбаслинцев» с гунно-сарматским кочевым миром Волго-Донских степей (Сунгатов, 1998. С.99-112)), и древние башкиры средневековых письменных источников – суть один народ.

Во-вторых, только в этом случае городище Уфа-II, созданное финно-пермскими племенами бахмутинской культуры, а в VI в.

заселенное «турбаслинцами», можно будет считать древнебашкирским поселением.

В-третьих, необходимо объяснить (или во всяком случае – выдвинуть относительно правдоподобную версию), почему в конце I тыс. н.э. жизнь на городище Уфа-II практически затухает и возрождается только в XVII-XVIII вв. в виде строительства фортификационных сооружений города Уфа.

Пока же мы имеем только путаные и весьма непоследовательные данные средневековых картографов, из каких-то нам неизвестных источников узнававших о том, что где-то в районе Итиля-Атиля-Волги есть место (город, область?), где обитают башкиры. Эти сведения они автоматически фиксировали на своих картах наряду с реально существующими городами, не делая различия в значках и символах для обозначения. Их «дополняет» материал городища Уфа-II – археологического памятника I тыс. н.э. с явно переотложенным культурным слоем и признаками больших земляных работ, проводившихся на нем в XVII-XVIII вв.

Иллюстрации к статье И.В.Антонова, В.А.Иванова

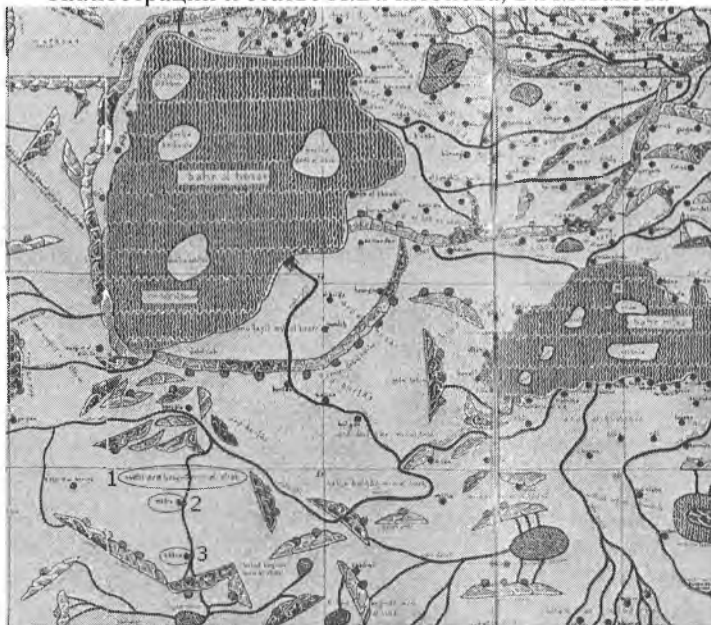

Рисунок 1. Фрагмент карты ал-Идриси 1154 г.

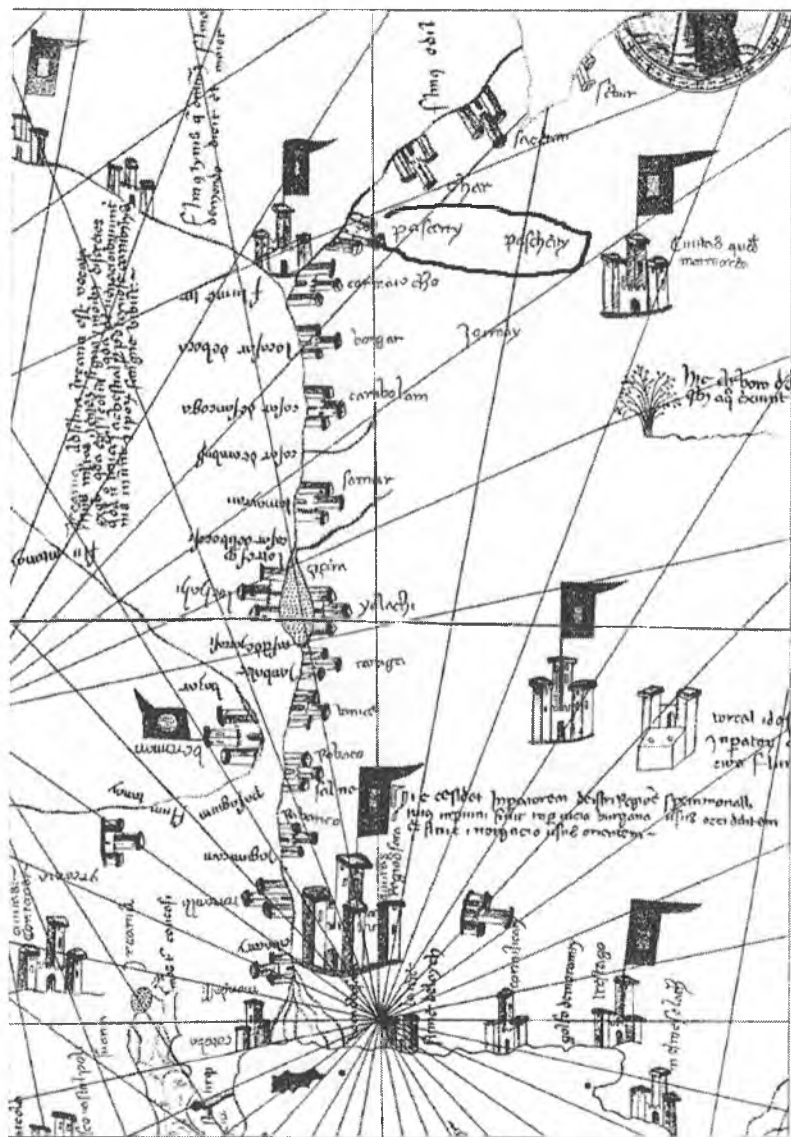

Рисунок 2. Фрагмент карты (портлана) братьев Пицигано 1367 г.

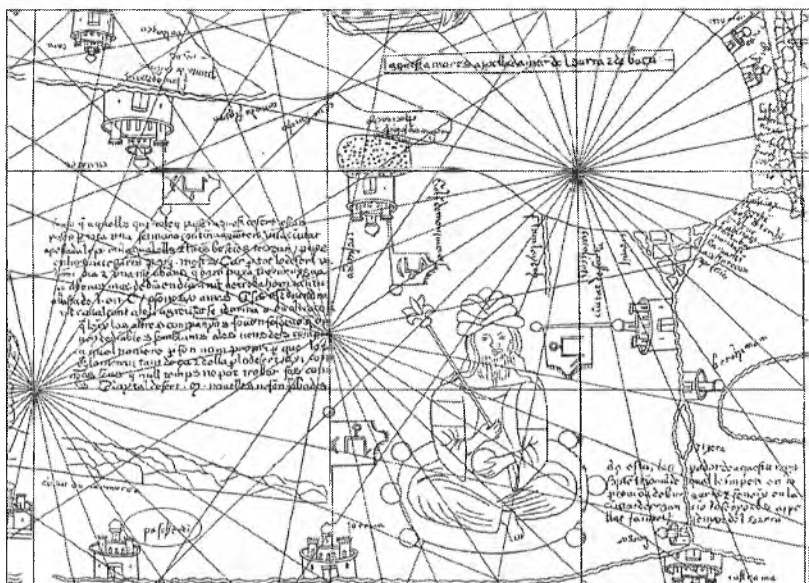

Рисунок 3. Фрагмент Каталонского атласа 1375-1377 гг.

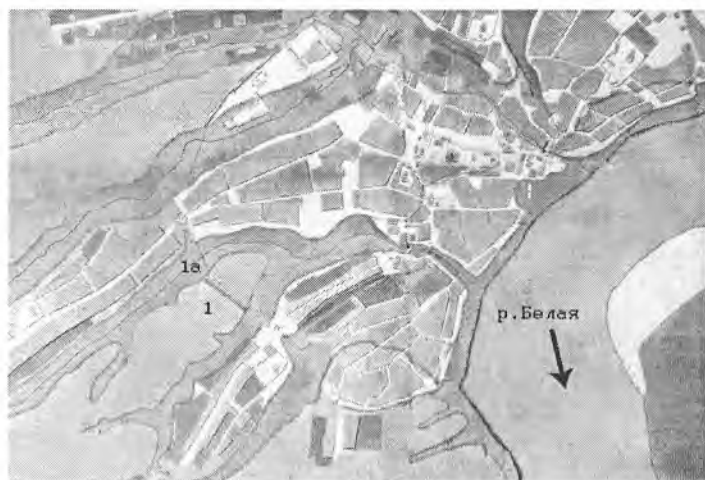
Рисунок 4. Карта Себастьяна Мюнстера 1544 г.

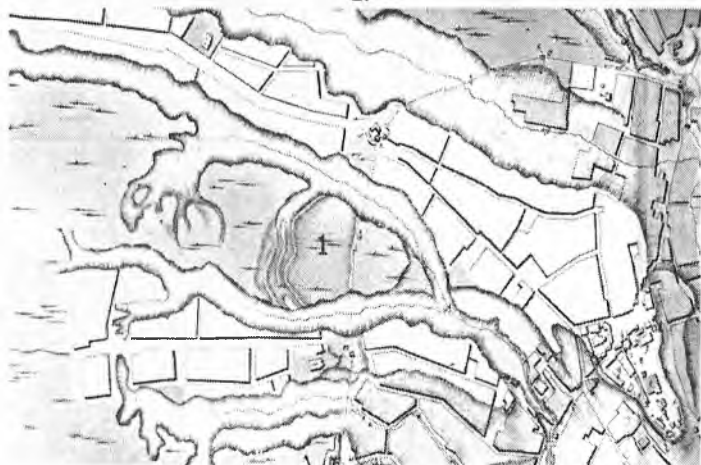
Рисунок 5. Карта Московии Джакомо Гастальди в 1548 г

Рисунок 6. Карта Герарда Меркатора 1569 г

а

б

Рисунок 7. а – план г.Уфы 1732 г.; б – план г.Уфы 1745 г. На обоих планах цифрой 1 обозначен мыс городища Уфа-II

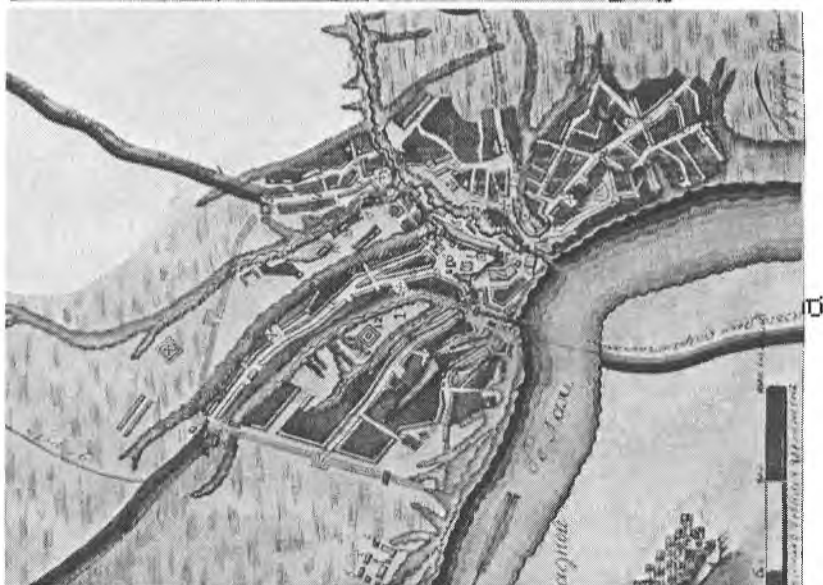

Рисунок 8. Планы города Уфы: а – 1782 г.; б – 1800 г. На обоих планах цифрой 1 обозначено городище Уфа-II.

**КОЛЛЕКЦИИ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(III-VIII вв. н. э.) В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ФОНДАХ МУЗЕЯ
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИЭИ УНЦ РАН**

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы проследить процесс формирования коллекций памятников раннего средневековья (III-VIII вв. н. э.) в археологических фондах Музея археологии и этнографии, а также степень их использования и введения в научный оборот. Памятники рассматриваемого периода на северо-западе Башкортостана, расположенные по р. Белой от ее устья до впадения р. Уфы и ее притокам – Уфа, Быстрый Танып, Бирь - выделяются в мазунинскую (III-V вв.) и бахмутинскую (V-VII вв.) культуры, обычно объединяемые в одну – бахмутинскую культуру. Небольшая группа памятников III-IV вв. на правом берегу среднего течения р. Белой известна под названием памятников имендьяшевского типа. Памятники турбаслинской культуры V-VIII вв. занимают территорию среднего течения р. Белой с устьем р. Уфы в центре. Небольшая группа поселений в районе г. Уфы, синхронная турбаслинской культуре, известна как памятники романовского типа. Кушнаренковская (конец VI – середина VIII в.) и караякуповская (вторая половина VIII-IX вв.) культуры располагались в бассейне среднего и нижнего течения р. Белой.

Бахмутинская культура

1956

Экспедиция АН СССР под руководством Н.А. Мажитова начала раскопки Юмакаевского городища и провела разведку на Тибелевском селище.

1957

Экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова продолжила раскопки Юмакаевского городища (всего вскрыто 68 кв. м) (Мажитова, 1959, С.144-147; Археологическая карта Башкирии (далее – АКБ), 1976, С.86, №581; Археологические памятники Башкортостана (далее – АПБ), 1996, С.86, №25), начала

раскопки Кансиярского городища и провела разведку на Афанасьевском городище.

1958

Экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова осуществила раскопки Ново-Турбаслинского II селища (Мажитов, 1959, С.150; Мажитов, 1962, С.151-162; Мажитов, 1968, С.47-48), начала раскопки Уфимского II городища и провела повторную разведку на Афанасьевском городище (Мажитов, 1959, С.149; АКБ, 1976, С.90, №620). Экспедиция ИА АН СССР под руководством Г.Н. Матюшина провела разведку на Айдосском селище (АКБ, С.131, №1086).

1959

Н.А. Мажитов (экспедиция ИИЯЛ АН СССР) продолжил раскопки Кансиярского городища (Мажитов, 1959, С.147; АКБ, 1976, С.87, №588; АПБ, 1996, С.84, №21), начал раскопки Бирского (Чертова) городища и Бирского могильника. Н.А. Мажитов и С.М. Васюткин (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) провели разведку на Краснохолмском городище (АКБ. С. 79. № 511; АПБ. С. 83. № 18), Кугарчинском, Куяновском I-III и Тойкинском II (АКБ. С. 79. № 505-507, 510) селищах. С.М. Васюткин в 1959 г. (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) выявил Бирское V селище. Г.Н. Матюшин (экспедиция Уфимского дворца пионеров) начал раскопки Романовского II и III селища.

1960

Н.А. Мажитов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) исследовал 14 погребений Бахмутинского могильника, продолжил раскопки Бирского (Чертова) городища (Мажитов, 1968, С.21-25, 45-45; АКБ. С. 94. № 665; С. 129. № 1071) и Бирского могильника, а также провел разведку на Костаревском городище (АКБ. С. 95. № 678; АПБ. С. 97. № 45). Г.Н. Матюшин (экспедиция Уфимского дворца пионеров) продолжил раскопки Романовского II и III селища (Матюшин, 1962, С.64; 1962а, С.133-135; АКБ. С. 71. № 425-426; АПБ. С. 130-131. № 130-131).

1961

К.В. Сальников (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) продолжил раскопки Романовского II и III селища. Всего вскрыто соответственно 46 и 70 кв. м.

1962

Н.А. Мажитов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) вновь продолжил раскопки Бирского могильника.

1963

Н.А. Мажитов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) выявил Варьязское селище (АКБ. С. 128. № 1048).

1964

Ю.А. Морозов (экспедиция Уфимского дворца пионеров) провел разведку на Барьязинском и Кудашевском городищах, Барьязинском, Васильевском, Манякском I и Юсуповском II селищах и начал раскопки Старо-Буртюкского селища. А.Х. Пшеничнюк (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) проводил раскопки Тра-Тауского (Старо-Нагаевского) городища и разведку на Какры-Кульском городище, Бачки-Тауском, Бурнюшском I и II, Старо-Каинлыкском II и Старо-Янгизитовском селищах. С.М. Васюткин (экспедиция БГУ) начал раскопки Ангасякского могильника (АКБ. С. С. 73. № 444, С. 75. № 463, 77. № 488, 78. № 495, 496; С. 82. № 539 С. 73-76. № 449, 456, 468, 471, 475; АПБ. С. 82. № 16; С. 86. № 26.; С. 81. № 14)

1965

А.Х. Пшеничнюк (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) осуществил разведку на Бажинском городище, Дуванейском II, Ахметовском I и II, Дмитриевском, Казанковском, Орловском I и II и Благовещенском II (АПБ. С. 114. № 87; АКБ. С. 118-119. № 967; 127. № 1038-1039, 1043-1044) селищах. Ю.А. Морозовым (экспедиция Уфимского дворца пионеров) были продолжены раскопки Кансиярского городища и проведена разведка на Алтаевских I-III, Каргалинском, Кузбаевском и Чишма-Бураевском селищах (АКБ. С. 84-85. № 553, 554, 556-557, 571; С. 87. № 586).

1966

Ю.А. Морозовым (экспедиция Уфимского дворца пионеров) была проведена разведка на Асафовском, Береговском, Магашлы-Алмандаевском II, Мещеровском, Михайловском, Ново-Балтачевском, Русско-Карском, Старо-Кызыл-Ярском I и II, Таныпском, Успенском I и II и Чип-Чипском селищах (АКБ, С. С. 87. № 595; С. 89-90. № 616, 619, 627; С. 89-90. № 617, 624, 628-629; С. 90. № 618). С.М. Васюткин (экспедиция БГУ) продолжил раскопки Ангасякского могильника.

1967

Широкомасштабные исследования были проведены экспедицией БФ АН СССР. Н.А. Мажитов исследовал по одному погребению на Малокачаковском и Югамашском могильниках (АКБ. С. 80-82. № 524, 534; АПБ. С. 77. № 6; С. 82-83. № 17) и провел разведку на Бадрыш-Актауском³⁸, Исхаковском, Месягутовском, Таулинском, Чертовом, Чоркильдинском и Югамашском I городищах, Абдуллинском II, Ошья-Тауском и Таш-Елгинском селищах. Он же начал раскопки Маняжского II селища. А.Х. Пшеничнюк провел разведку на Богородском (Сергиевском) городище, Александровском, Ардашевском, Аштиязском I и II, Бабаевском, Байбаковском, Больше-Шукшановском, Варзинском I и II, Каинлыковском I-VI, Карабаевском I и II, Кудашевском I-V, Курзя-Саитовском, Кутляировском, Кушманакском I и II, Муллинском II, Николаевском I-III, Ново-Акбулатовском, Ново-Кизгановском I и II, Сабаевском, Сибирганском, Старо-Тазларовском I-III, Ташкубаровском, Тугаряковском II, Унурском, Хазиевском, Чебыковском, Челкаковском I и II, Чиатавском, Чишминском, Шабаевском, Шуняжском I, Байкинском и Якуповском I и II селищах. В.С. Стоколос провел разведку на Урском и Юг-Хуторском городищах, Бальзуганском, Верхне-Иванаевском I-III, Лагерном, Манагазском I, Нижнесикиязовском, Савкиязском, Усакле-Елгинском и Юг-Хуторском I и II селищах. Н.А. Мажитов и В.С. Стоколос провели повторную разведку на Тибелевском селище (Мажитов, 1959, С.149). С.М. Васюткин (экспедиция БГУ) начал раскопки Старо-Кабановского могильника.

1968

Н.А. Мажитов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) продолжил раскопки Маняжском II селища (всего вскрыто 68 кв. м). С.М. Васюткин (экспедиция БГУ) продолжил раскопки Старо-Кабановского могильника. М.Х. Садыкова (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) исследовала Уфимское III городище и погребение на ул. Слободской г. Уфы.

1969

С.М. Васюткин (экспедиция БГУ) продолжил раскопки Ангажского (всего исследовано 55 погребений) (АКБ. С. 90-91. № 630; Васюткин, 1980, С.72-91) и Старо-Кабановского могильников.

³⁸ Далее мы опускаем бесконечные ссылки автора на короткие, буквально в несколько строк, описания памятников в АКБ и АПБ, которые заинтересованный читатель легко найдет в алфавитных списках памятников, сопровождающих эти издания – *ред.*

Н.А. Мажитов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) продолжил раскопки Уфимского II городища (Ищеригов, Мажитов, 1962, С.140-150). Б.Б. Агеев (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) начал раскопки Юлдашевского (Петер-Тау) городища.

1970

С.М. Васюткин (экспедиция БГУ) продолжил раскопки Старо-Кабановского могильника (всего исследовано 155 погребений) (Васюткин, Останина, 1986, С.64-125). А.Х. Пшеничнюк (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) продолжил раскопки Юлдашевского (Петер-Тау) городища. Ю.А. Морозов (экспедиция Уфимского дворца пионеров) выявил Идельбаевское III селище.

1971

В.А. Иванов (экспедиция БГУ) продолжил исследование Тра-Тауского (Старо-Нагаевского) и Юлдашевского (Петер-Тау) городища. Ю.А. Морозов (экспедиция Уфимского дворца пионеров) провел разведку на Сабакайском селище. В.А. Иванов и И.Б. Васильев (экспедиция БГУ) провели повторную разведку на Бачки-Тауском селище.

1972

В.А. Иванов (экспедиция БГУ) начал раскопки Трикольского и продолжил раскопки Тра-Тауского (Старо-Нагаевского) городища. Он также исследовал Янгизнаратовское и Юнарское селища. Ю.А. Морозов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) продолжил раскопки Старо-Буртюкского селища. Всего вскрыто 188 кв. м.

1973

Ю.А. Морозов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) вскрыл 193 кв. м на Уфимском (Чертовом) городище. В.А. Иванов (экспедиция БГУ) продолжил исследование Трикольского городища.

1974

Экспедиция БГУ под руководством В.А. Иванова вскрыла 120 кв. м на Барязинском городище, 40 кв. м на Варязском городище, провела раскопки на Алтаевском III селище и разведку на Камеевском и Урьядинском селищах.

1978

Н.А. Мажитов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) вновь продолжил раскопки Бирского могильника (всего вскрыто 234 погребения) (Мажитов, 1968, С. С. 10-18, 29-44, 84-113; Амброз, 1980, С.3-56). Экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством

В.А. Иванова продолжила раскопки Юлдашевского (Петер-Тау) городища (всего вскрыто 507 кв. м) (Иванов, 1982, С.203-208).

1979

В.А. Иванов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) продолжил исследование Трикольского городища (всего вскрыто 70 кв. м).

1980

Экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством В.А. Иванова вскрыла 196 кв. м на Казакларовском I и 60 кв. м на Казакларовском III городище.

Памятники бахмутинской культуры представлены 159 коллекциями, из них 152 коллекции относятся к поселенческим памятникам и 7 – к погребальным. 29 коллекций поселенческих памятников представлены городищами. Раскопки проводились на Казакларовском I и II, Трикольском, Юлдашевском (Петер-Тау), Барьязинском, Бирском (Чертовом), Кансиярском, Тра-Тауском (Старо-Нагаевском), Юмакаевском, Варьязском, Уфимском (Чертовом), Уфимском II и III городищах. Остальные городища подвергались только разведочным обследованиям. Разнообразием отличаются материалы (керамика, предметы вооружения, орудия труда), полученные при раскопках Юлдашевского (Петер-Тау) и Уфимского (Чертова) городища. Материалы раскопок и разведок на всех остальных городищах представлены в основном более или менее многочисленными фрагментами керамики. 123 коллекции поселенческих памятников представлены селищами. Раскопки проводились на Романовском II и III, Манякском II, Старо-Буртюкском и Янгизнаратовском селищах. Все остальные селища известны только по разведочным обследованиям. Находки представлены почти исключительно фрагментами керамики. Погребальные памятники представлены 7 коллекциями: Бирский (234 погребения), Старо-Кабановский (155 погребений), Ангасьякский (55 погребений), Бахмутинский (14 погребений), Малокачаковский (1 погребение), Югамашский (1 погребение) могильники и погребение на ул. Слободской г. Уфы. Погребальный инвентарь этих памятников включает глиняные лепные сосуды и их фрагменты, предметы вооружения, орудия труда, украшения. Таким образом, погребения – это наименее многочисленная, но наиболее информативная часть памятников бахмутинской культуры.

Памятники имендяшевского типа

1963

Г.И. Матвеева (экспедиция БГУ) начала раскопки Имендяшевского городища.

1968

Г.И. Матвеева (экспедиция БГУ) продолжила исследование Имендяшевского городища.

1983

В.А. Иванов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) исследовал 2 погребения в 2-х Камбулатовских I курганах.

1985

Г.Н. Гарустович (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) провел разведку на Акбердинском II городище.

Таким образом, памятники имендяшевского типа представлены всего тремя коллекциями: двумя городищами и одним могильником. Находки с городищ представлены только фрагментами керамики. Большим разнообразием отличается погребальный инвентарь Камбулатовских I курганов.

Турбаслинская культура

1957

Н.А. Мажитов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) начал раскопки Ново-Турбаслинских курганов.

1958

Н.А. Мажитов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) продолжил раскопки Ново-Турбаслинских курганов. Всего исследовано 80 погребений в 29 курганах (Мажитов, 1959, С.114-142).

1959

В.Ф. Генинг в 1959 г. (экспедиция КГУ и МГУ) исследовал Кушнаренковский I могильник (Генинг, 1977, С.90-113).

1961

К.В. Сальников (экспедиция ИИЯЛ УНЦ РАН) начал раскопки Дежневских (Уфимских) курганов.

1962

Экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова исследовала одно погребение Кувыковского могильника.

1963

Экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова начала раскопки Шареевского могильника.

1964

Экспедиция БГУ под руководством Г.И. Матвеевой продолжила исследование Шареевского могильника.

1966

Экспедиция БГУ под руководством Г.И. Матвеевой вновь продолжила раскопки Шареевского могильника (всего исследовано 11 погребений) (Матвеева, 1968, С.5-20). Экспедиция БГУ под руководством С.М. Васюткина продолжила раскопки Дежневских (Уфимских) курганов (Васюткин, 1970, С.163-181).

1967

Г.И. Матвеева (экспедиция БГУ) исследовала 2 погребения Сахаевского могильника (Матвеева, 1979, С.187-188).

1968

Раскопки Дежневских (Уфимских) курганов продолжила экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством А.Х. Пшеничнюка (Пшеничнюк, 1968, С.105-112).

1969

М.Х. Садыкова (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) продолжила раскопки Дежневских (Уфимских) курганов и провела разведку на Дежневском селище (Бельские землянки).

1974

Экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.Г. Рутто продолжила раскопки Уфимских (Дежневских) курганов.

1989

Экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова продолжила раскопки Уфимских (Дежневских) курганов.

1990

Экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова вновь продолжила раскопки Уфимских (Дежневских) курганов (Сунгатов, 1995, С.118-129). В общем итоге в 50 курганах исследовано 62 погребения.

Материалы турбаслинской культуры также были обнаружены на Имендьяшевском и Уфимском II и III городищах, Юнарском и Ново-Турбаслинском II селище (см. выше).

Памятники турбаслинской культуры представлены всего 12 коллекциями. Из них 6 относятся к поселенческим памятникам и 6 – к погребальным. Турбаслинские материалы обнаружены на Имендьяшевском, Уфимском II и III городищах, Юнарском, Дежневском (Бельские землянки) и Ново-Турбаслинском II селищах.

Все они, кроме Юнарского селища, подвергались раскопкам. Поселенческие памятники не отличаются разнообразием вещевого материала, находки в большинстве случаев ограничены фрагментами керамики. Погребальные памятники представлены Кувыковским, Кушнарниковским I, Дежневским (Уфимским), Ново-Турбаслинским, Сахаевским и Шареевским могильниками. Погребальный инвентарь представлен многочисленными и разнообразными предметами.

Памятники романовского типа

1975

Н.А. Мажитов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) вскрыл 25 кв. м на Сакмарском городище.

Материалы романовского типа также были обнаружены на Уфимском II городище и Романовском II и III селище (см. выше).

Памятники романовского типа, таким образом, представлены исключительно поселениями: Уфимским II и Сакмарским городищами, Романовским II и III селищами. Все они подвергались раскопкам. Среди полученного материала преобладает керамика.

Памятники кушнарниковского и караякуповского типа

1961

К.В. Сальников (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) исследовал поселение Кумлекуль, где была найдена керамика караякуповской культуры.

1963

Г.И. Матвеева (экспедиция БГУ) исследовала Ихтисатское погребение. Старо-Калмашевское городище исследовалось экспедицией ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова.

1964

Экспедиция БГУ под руководством Г.И. Матвеевой продолжила исследование Старо-Калмашевского городища. Всего вскрыто 664 кв. м.

1967

Г.И. Матвеева (экспедиция БГУ) вскрыла 568 кв. м на Караякуповском городище (Матвеева, 1968, С.113-116; 1975, С.13-22). Экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова начала раскопки Маняжского могильника.

1968

Экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова продолжила раскопки Маняжского могильника. В общей

сложности исследовано 42 погребения кушнаренковского и караякуповского типов (Мажитов, 1981, С.5-17).

1970

Экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова исследовала одно погребение кушнаренковского типа в Ново-Биккинском кургане.

1971

Экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова исследовала одно погребение кушнаренковского типа в Булгарском кургане.

1972

Экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова исследовала 12 погребений кушнаренковского и караякуповского типов в одиннадцати Лагеревских курганах Мажитов, 1981, С.18-29). А.Х. Пшеничнюк (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) исследовал один из Бекешевских I курганов и один из Бекешевских II курганов (Пшеничнюк, 1984, С.60-68).

1973

Н.А. Мажитов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) исследовал один из Бекешевских I курганов и пять из Бекешевских II курганов (Мажитов, 1981, С.56-68).

1974

Ю.А. Морозов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) начал раскопки Казангуловского I поселения.

1975

Н.А. Мажитов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) исследовал одно погребение кушнаренковского типа в Красногорском II могильнике.

1978

Ю.А. Морозов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) продолжил раскопки Казангуловского I поселения (материалы кушнаренковского типа). Всего вскрыто 156 кв. м.

1980

Р.А. Нигматуллин (экспедиция Уфимского дворца пионеров) в одном из Тулбаевских III курганов исследовал одно погребение кушнаренковского типа Каталог памятников...1982, С.33, №124). Р.Б. Исмагилов (экспедиция Стерлитамакского дворца пионеров) исследовал Ишимбайское погребение (Исмагилов, 1995, С.137-139).

1983

И.М. Акбулатов (экспедиция БГУ) начал раскопки Таптыковского городища.

1985

И.М. Акбулатов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) продолжил раскопки Таптыковского городища.

1986

И.М. Акбулатов (экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР) вновь продолжил раскопки Таптыковского городища. Всего вскрыто 620 кв. м (Акбулатов, 1988, С.31-52).

Материалы кушнаренковского и караякуповского типов также обнаружены на Уфимском II городище, а материалы караякуповского типа - на Романовском II и Дуванейском II селищах (см. выше).

Памятники кушнаренковского и караякуповского типа представлены 18 коллекциями. Среди них 8 поселенческих и 10 погребальных памятников. К поселенческим памятникам относятся Старо-Калмашевское, Кара-Якуповское, Таптыковское и Уфимское II городища, Кумлекульское, Романовское II, Дуванейское II и Казангуловское I селища. Все эти памятники, кроме Дуванейского II поселения, подвергались раскопкам. Разнообразием отличаются материалы Таптыковского городища. Материалы остальных поселенческих памятников представлены фрагментами керамики. К погребальным памятникам относятся Манякский, Лагеревский, Бекешевский I и II, Красногорский II и Тулбаевский III могильники, Булгарский и Ново-Биккинский курганы, Ихтисатское и Ишимбайское погребения. Погребальный инвентарь включает глиняные лепные сосуды, предметы вооружения, принадлежности конской упряжи, орудия труда, украшения.

Таким образом, в фондах Музея археологии и этнографии наиболее полно представлены коллекции памятников бахмутинской и турбаслинской культур, кушнаренковского и караякуповского типов, несколько менее полно – имендяшевского и романовского типов, что, очевидно, объясняется их слабой изученностью. Наиболее многочисленный вид памятников – поселения, однако их информационные ресурсы ограничены в силу двух причин:

- 1) большинство поселенческих памятников известно только по разведочным исследованиям;
- 2) вещевой материал этих памятников в большинстве случаев ограничивается большим или меньшим количеством фрагментов

лепной керамики, оригинальные предметы встречаются только в виде исключения.

Погребальных памятников по сравнению с поселенческими значительно меньше, хотя их вещевой материал несоизмеримо превосходит вещевой материал поселенческих памятников, как в количественном, так и в качественном (наличие разнообразных оригинальных предметов) отношении. Именно могильники бахмутинской и турбаслинской культур, кушнаренокского и караякуповского типов являются основным источником наших знаний по истории Южного Урала эпохи раннего средневековья. В то же время надо отметить, что лишь немногие металлические предметы сохранились в целом виде, большинство из них состоит из обломков. Для их скрепления требуется реставрация.

Материалы бахмутинской культуры обобщены в монографии Н.А. Мажитова (Мажитов, 1968), а турбаслинской культуры – в монографии Ф.А. Сунгатова (Сунгатов, 1998). По материалам памятников имендьяшевского, романовского, кушнаренокского и караякуповского типов специальные монографические исследования до сих пор отсутствуют. Нет монографических исследований и по отдельным памятникам.

Таблица 1.

Хронология исследования памятников раннего средневековья на Южном Урале.

Год	Памятники мазунинской и бахмутинской культуры	Памятники имендьяшевского типа	Памятники турбаслинской культуры	Памятники романовского типа	Памятники кушнаренокского и караякуповского типа
1956	1/1				
1957	2/1		1/0		
1958	2/2		3/0	1/0	1/0
1959	6/7		1/0	2/0	1/0
1960	5/1			2/0	1/0
1961	2/0		1/0	2/0	2/0
1962	1/0		1/0		
1963	0/1	1/0	2/0		2/0
1964	3/12		1/0		1/0
1965	1/15				0/1
1966	1/13		2/0		
1967	4/77		1/0		2/0
1968	4/0	1/0	3/0		1/0

1969	4/0		2/1	1/0	2/0
1970	2/1				1/0
1971	2/2				
1972	5/0		1/0		3/0
1973	2/0				2/0
1974	3/2		1/0		1/0
1975				1/0	1/0
1978	2/0				1/0
1979	1/0				
1980	2/0				2/0
1983		1/0			1/0
1985		0/1			1/0
1986					1/0
1989			1/0		
1990			1/0		
Итого	55/135	3/1	22/1	9/0	27/1

Примечание: Первая цифра означает количество памятников, подвергавшихся раскопкам, а вторая – разведкам. В случае если один и тот же памятник исследовался в разные годы, он учитывается под каждым годом.

Из таблицы I видно, что изучение памятников мазунинской и бахмутинской культуры началось в середине 1950-х гг., наибольших результатов достигло в 1960-х гг., пошло на спад в 1970-х гг., а с начала 1980-х гг. прекратилось. Спад в изучении этих памятников, возможно, был вызван выходом в свет в 1968 г. монографии Н.А. Мажитова о бахмутинской культуре. Изучение памятников имендьяшевского типа проводилось лишь эпизодически, что, очевидно, объясняется малочисленностью этих памятников. Изучение памятников турбаслинской культуры началось в конце 1950-х гг., продолжалось в 1960-х гг., прекратилось к середине 1970-х гг. и возобновилось только в конце 1980-х гг. После долгого перерыва возобновилось исследование опорного памятника этой культуры – Дежневских (Уфимских) курганов. Изучение памятников романовского типа началось в конце 1950-х – начале 1960-х гг., но не получило дальнейшего развития и впоследствии продолжалось лишь эпизодически. Все это можно объяснить не только малочисленностью памятников романовского типа, но и завершением исследования опорных памятников. Изучение памятников кушнаренковского и караякуповского типов происходило более или менее равномерно на всем протяжении рассматриваемого периода. До сих пор нет

обобщающего исследования по этим памятникам. В целом памятники раннего средневековья на Южном Урале наиболее активно изучались во второй половине 1950-х и в 1960-х гг. Уже в 1970-е гг. наступает спад. К этому времени уже были выделены археологические культуры и типы памятников раннего средневековья на Южном Урале, установлены пространственно-временные рамки их бытования, дальнейшие исследования не внесли в эту картину существенных изменений. Результаты исследования памятников по отдельным культурам и типам отражены в таблицах 2-6.

Таблица 2.

Исследование памятников мазунинской и бахмутинской культуры.

Год	Исследователь										
	Аге ев	Вас иль ев	Васю ткин	Ива нов	Маж итов	Мат юши н	Мор озов	Пше нич юк	Сады кова	Сальник ов	Стоко лос
1956					1/1						
1957					2/1						
1958					2/1	0/1					
1959			0/7		3/6	2/0					
1960					3/1	2/0					
1961										2/0	
1962					1/0						
1963					0/1						
1964			1/0				1/6	1/6			
1965							1/6	0/9			
1966			1/0				0/13				
1967			1/0		3/11			0/53			0/14
1968			1/0		1/0				2/0		
1969	1/0		2/0		1/0						
1970			1/0				0/1	1/0			
1971		0/1		2/1			0/1				
1972				4/0			1/0				
1973				1/0			1/0				
1974				3/2							
1978				1/0	1/0						
1979				1/0							
1980				2/0							
Итого	1/0	0/1	7/7	14/3	18/22	4/1	4/27	2/68	2/0	2/0	0/14

Примечание: Первая цифра означает количество памятников, подвергавшихся раскопкам, а вторая – разведкам. В случае если один

и тот же памятник исследовался в разные годы, он учитывается под каждым годом.

Большой вклад в исследование памятников бахмутинской культуры внесли Н.А. Мажитов, С.М. Васюткин и В.А. Иванов, в выявление новых памятников – Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк, Ю.А. Морозов и В.С. Стоколос.

Таблица 3.

Исследование памятников имендьяшевского типа.

Год	Исследователь		
	Гарустович	Иванов	Матвеева
1963			1/0
1968			1/0
1983		1/0	
1985	0/1		
Итого	0/1	1/0	2/0

Примечание: Первая цифра означает количество памятников, подвергавшихся раскопкам, а вторая – разведкам. В случае если один и тот же памятник исследовался в разные годы, он учитывается под каждым годом.

Изучением памятников имендьяшевского типа ввиду их крайней малочисленности никто из исследователей специально не занимался.

Таблица 4.

Исследование памятников турбаслинской культуры.

Год	Васюткин	Генинг	Иванов	Мажитов	Матвеева	Пшеничнюк	Ругго	Садкова	Сальников
1957				1/0					
1958				3/0					
1959		1/0							
1961									1/0
1962				1/0					
1963				1/0	1/0				
1964					1/0				
1966	1/0				1/0				
1967					1/0				
1968					1/0	1/0		1/0	
1969				1/0				1/1	
1972			1/0						

1974							1/0		
1989				1/0					
1990				1/0					
Итого	1/0	1/0	1/0	9/0	5/0	1/0	1/0	2/1	1/0

Примечание: Первая цифра означает количество памятников, подвергавшихся раскопкам, а вторая – разведкам. В случае если один и тот же памятник исследовался в разные годы, он учитывается под каждым годом.

Наибольший вклад в исследование памятников турбаслинской культуры внесли Н.А. Мажитов (в 1950-1990-х гг.) и Г.И. Матвеева (в 1960-х гг.). Остальные исследователи занимались их изучением лишь эпизодически.

Таблица 5.

Исследование памятников романовского типа.

Год	Мажитов	Матюшин	Сальников
1958	1/0		
1959		2/0	
1960		2/0	
1961			2/0
1969	1/0		
1975	1/0		
Итого	3/0	4/0	2/0

Примечание: Первая цифра означает количество памятников, подвергавшихся раскопкам, а вторая – разведкам. В случае если один и тот же памятник исследовался в разные годы, он учитывается под каждым годом.

Исследование памятников романовского типа началось на рубеже 1950-1960-х гг. Н.А. Мажитовым, Г.Н. Матюшиным и К.В. Сальниковым, а в конце 1960-1970-х гг. было продолжено Н.А. Мажитовым.

Таблица 6.

**Исследование памятников кушнаренковского и
караякуповского типа.**

Год	Акбулатов	Исмагилов	Мажитов	Матвеева	Матюшин	Морозов	Нигматуллин	Пшеничнюк	Сальников
1958			1/0						
1959					1/0				
1960					1/0				
1961									2/0
1963			1/0	1/0					
1964				1/0					
1965								0/1	
1967			1/0	1/0					
1968			1/0						
1969			1/0						
1970			1/0						
1971			1/0						
1972			1/0					2/0	
1973			2/0						
1974						1/0			
1975			1/0						
1978						1/0			
1980		1/0					1/0		
1983	1/0								
1985	1/0								
1986	1/0								
Итого	3/0	1/0	11/0	3/0	2/0	2/0	1/0	2/1	2/0

Примечание: Первая цифра означает количество памятников, подвергавшихся раскопкам, а вторая – разведкам. В случае если один и тот же памятник исследовался в разные годы, он учитывается под каждым годом.

Исследованием памятников кушнаренковского и караякуповского типа в 1950-1970-х гг. занимался Н.А. Мажитов, в 1960-х гг. – Г.И. Матвеева, в 1980-х гг. – И.М. Акбулатов.

Наибольший вклад в исследование памятников эпохи раннего средневековья Южного Урала в целом внес Н.А. Мажитов. Им на протяжении 1950-1980-х гг. было исследовано большое количество памятников бахмутинской и турбаслинской культур, кушнаренковского и караякуповского типа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акбулатов И.М. Керамика Таптыковского городища эпохи раннего средневековья // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.

Ал-Гарнати о гузах, печенегах, хазарах и булгарах // Из глубины столетий. Казань, 2000.

Ал-Истахри, Ибн-Хаукаль. Китаб ал-масалик ва-мамалик (Книга путей и государств) // История Татар с древнейших времён в семи томах. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006.

Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Предуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. – М., 1989.

Андреев Ю. В. Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. Л., 1989.

Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. СПб., 2002.

Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. СПб., 1998.

Андреев Ю.В. Кто изобрел греческую фалангу? // Петербургский археологический вестник. 1993, №7.

Арсланова Ф.Х. Бобровский могильник // Известия Академии Наук Казахской ССР, серия общественных наук, 4 Алматы 1963.

Артамонов М.И. История хазар. Издание второе. СПб., 2002.

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. – Л.: Соцэкгиз, 1936.

Археологическая карта Башкирии. М., 1976.

Археологические памятники Башкортостана. Уфа, 1996.

Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения VI-VIII веков нашей эры // Краткие сообщения института истории материальной культуры. № 40. 1951.

Бадер О.Н. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье (к последним находкам) // На Западном Урале. Сб.ст. Молотов, 1951.

Байпаков К.М., Буряков Ю.Ф., Заднепровский Ю.А., Мошкова М.Г., Филанович М.И. // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье.

Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. Ташкент, 1990.

Байпаков КМ. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья, Алма-ата, 1986.

Бейкер Дж. Юстиниан. Великий законодатель. М., 2004

Белавин А.М. 2007. Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье // Труды КАЭЭ. Вып. IV. – Пермь: ПГПУ.

Белавин А.М. Древняя Афкула (Рождественский археологический комплекс X-XIII вв. в Пермском Предуралье) // Современные проблемы археологии России. материалы Всероссийского археологического съезда. Т.П. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 2006.

Белавин А.М. Камский торговый путь в системе торговых путей средневековья // Путиами средневековых торговцев. – Пермь: ПГПУ. 2004

Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ. 2000.– 201 с. с илл.

Белавин А.М. Производственные поселки у финно-угров в конце I – начале II тыс.н.э. (По материалам Березниковского микрорайона Верхнего Прикамья)// Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). – Йошкар-Ола: МарГУ. 1987.

Белавин А.М. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. – Казань: ИИ АН РТ. – С.122-127. 2000б.

Белавин А.М. Этнокультурные связи Предуралья в эпоху средневековья // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. – Ижевск: УдГУ. 2000а.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН. 2008. – 603 с.

Белох К. Ю. Греческая история. Т.1. М., 2009.

Бентович И.Б. Находки на горе Муг // МИА 66. М.-Л., 1958.

Берве Г. Тираны Греции. Ростов н/Д., 1997

Березкин Ю. К. Городские поселения Древнего Перу // Древние города. Л., 1974.

Бешевлиев В. Ирански елементи в първобългарите // Антично общество. М., 1967.

Бируни Абу Райхан. Избранные произведения. Том III. Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами ("Геодезия"). Исследование и перевод П.Г.Булгакова. – Ташкент. 1966.

Бируни Абу Райхан. Избранные произведения. Том V. Канон Масуда. Перевод и примечания П.Г. Булгакова и Б.А. Розенфельдта. – Ташкент. 1973.

Блеген К. Троя и троянцы. М., 2000.

Богачев А.В. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс.н.э. // КЭС. Самара, 1998.

Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара, 1992.

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока VII–середина XIII в. Изд. второе, дополненное. – М: Восточная литература, 2001.

Боннар А. Греческая цивилизация. Т.3. М., 1992.

Бродель Ф. Время мира // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Том 3. – М.: Прогресс. 1992.– 679 с.

Бродель Ф. Структура повседневности: возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв., Т. 1. – М.: Прогресс. 1986.

Брунов Н. И. Памятники афинского акрополя: Парфенон и Эрехтейон. М., 1973.

Бубнова М.А. Средневековое поселение Ак-тепе-1 у с. Орловка //Археологические памятники Таласской долины, Фрунзе, 1963.

Василиадис Н. Библия и археология. – Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2003.

Васильев Д.В. Город Саксин и его население // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конференции 25-27 октября 2004 г. Челябинск, 2004.

Васильев Д.В. К вопросу о местонахождении первой столицы Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и

социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XIV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Изд. «Фэн АН РТ, 2009.

Васильев Д.В. Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Астрахань.: Изд-во АГПУ, 2001.

Васильев Д.В. О местоположении города Саксин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция, г. Волгоград, 1-5 ноября 2004 г. Тезисы докладов. Волгоград, Изд-во ВолГУ, 2004.

Васильев Д.В. Результаты изучения слоёв золотоордынского времени на Самосдельском городище в дельте Волги (по материалам раскопа №2) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы XVIII Уральского археологического совещания (11-16 октября 2010 г.) Уфа: Изд-во БГПУ, 2010.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Предварительная хронология существования Самосдельского городища // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург, 2001.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка - памятник домонгольского периода в Низовьях Волги. // Степи Европы в эпоху средневековья, т. 3. Донецк. 2003.

Васильев Д.В., Ермилов С.В. Эксперимент по натурной реконструкции раннесредневекового юртообразного жилища на Самосдельском городище // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Научный журнал. Шестой выпуск. № 1, Уральск, 2007.

Васюткин С.М. Раскопки курганов в г. Уфе и изучение истории турбаслинских племен // Ученые записки БГУ. Серия исторических наук № 12. Вып. 54. Уфа, 1970.

Васюткин С.М. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980.

Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устинов, 1986.

Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001.

Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента, М., 2001.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Элементы погребального обряда могильников Брутского городища // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П.Абрамовой. –М.: Таус, 2007.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // КЕС. – Самара, 1998.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI-VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.

Генинг В.Ф. 1980. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Пртикамье // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. – Ижевск: УдГУ.

Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. / Перевод А.И.Малеина. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.

Глушанин Е.П. Город и армия позднеантичной эпохи в советской историографии // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.

Горбунова Н.Г. Роль традиционных путей передвижения скотоводческих племен и сезонных перекочевок в сложении торговых путей древности.

Губайдулин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. – Казань, 2002.

Гуляев В. И. Забытые города майя. М., 1984.

Гуренко Л.В., Ситников А.В. К вопросу о локализации средневековых городов Атиля и Саксина. // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань, 2001.

Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X-XIII вв.)// Вопросы истории. 1994. №10.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М., 1976.

Динчев В. Ранновизантийские крепости в България и съседните земи (в диоцезите Thracia и Dacia). Разкопките и проучвания. Кн. XXXV. – София, 2006.

Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII вв. – М., 1982.

- Дончева-Петкова Л. Грифонът в искуството на средновековна България // Археология 4. 1979.
- Дьяконов И. М. Города-государства Шумера // История древнего мира. Т. I. М., 1982.
- Дьяконов М. М. Александр и диадохи // История древнего мира. Т. II. М., 1982.
- Живков Б. Хазария през IX и X век. – София: ИК «Гуттенберг», 2010.
- Залесский Н.Н. Этруски в Северной Италии. Л., 1959.
- Захотер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – М.: Восточная литература, 1962.
- Зеленева Ю.А. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. №1. Март 2010.
- Зельдина О. М. Города в государстве Селевкидов // Вестник древней истории. М., 1978. №2.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги. // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале 2008 г. Том II. Москва, 2008.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000-2004 гг. // РА, 2006, № 4.
- Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения. Сост. и комм. Р.П.Храпачевского. М., 2003.
- Иванов А.В. Образование ранних городских поселений и этнические процессы в Юго-Западной и Южной Таврике X–XIII вв. // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы конференции. – Харьков, 2001.
- Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII вв. Ижевск, 1997.
- Иванов В.А. Городище Петер-Тау (Юлдашевское) // Советская археология. 1982. № 3.
- Иванов В.А. Древние Угры – мадяры в Восточной Европе. – Уфа, 1999.
- Иванова М.Г. Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: Удм. ИИЯЛ. 1998.

Иванова М.Г. Особенности развития укрепленных поселений Прикамья в контексте социально-экономических процессов эпохи средневековья // Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum. Pars VIII. Dissertationes sectionum: Literatura, archeologica et historica. – Piliscsaba, 2011.

Иванова М.Г. Средневековые городища Прикамья: новые результаты и перспективы исследования // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. XIII Бадеровские чтения. – Ижевск: УдГУ. 2010.

Иерусалимская А.А.К. интерпретации главных трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. Ташкент. 1990.

Йессен А.А. Ранние связи Приуралья с Ираном. // СА. 1952. XVI.

Иосиф Флавий. Иудейская война. – СПб.: Типо-Литография А.Е.Ландау. Перевод Я.Л.Чертка (репринт: – СПб.: «Орёл», 1991).

Исмагилов Р.Б. Средневековые комплексы и случайные находки из Южного Приуралья // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа, 1995.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М. «Наука».2000.

Ищериков П.Ф., Мажитов Н.А. Городище Уфа II // Археология и этнография Башкирии. Т.1. Уфа, 1962.

Казakov Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // КЕС. Самара, 1998.

Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса) // Русский город (историко-методологический сборник). М., 1976.

Каталог памятников археологии Башкирии, открытых в 1971-1980 гг. Уфа, 1982.

Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993.

Климов О. Ю. Государство Пергам. Мурманск, 1998.

Кляшторный С.Г., Старостин П.Н. Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. Т.1. Народы степной Евразии в древностию – Казань, 2002.

Ковалевская В.Б. Поселенческие структуры Северного Кавказа I – X веков по данным компьютерного картографирования // Поселение как исторический источник: теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии. Тез. докл. междунар конф. – М., 2008.

Колода В.В. Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца) // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. – Курск, 2009.

Колосковская Ю.К. Идеология и культура римского провинциального города // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. 2. С. 167-257.

Колосковская Ю.К. Паннония в I-III вв. М., 1979.

Кондратюк М. В. Архэ и Афинская демократия // Античная Греция. Т.1. Гл.7. М., 1983

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999; Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006.

Коробейников А.В. Имитационное моделирование по данным археологии. – Ижевск: Изд-во НОУ КИГИТ. 2006.

Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис. Введение // Античная Греция. Т. 1. М., 1983.

Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. М., 1962. Вып. Е 4-4.

Кругликова И.Т. Античная археология. М., 1984.

Круглов Е. А. Юго-западная Анатолия в протоэллинистический период. Уфа, 1998.

Круглов Е.А. Этнокультурные контакты античной Анатолии и Урало-Камского региона Евразии. Уфа, 2005

Круглов Е.А., Обыденнов М.Ф. Византийский импорт в Приуралье // ВБУ, 1996, №1.

Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: ПГПУ. 2007.

Крыласова Н.Б. Некрополи протогородов Приуралья // Труды КАЭЭ. Вып. I-II. – Пермь: ПГПУ. 2001.

Крыласова Н.Б., Белавин А.М., Ленц Г.Т. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р.Обва и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралья // Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. III. – Пермь: ПГПУ. 2003.

Кузищин В. И. Рабство как структурообразующий элемент античного мира. М., 1990.

Кызласов Л.Р. Первогорода древней Сибири (в бронзовом и раннем железном веках) // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 3. М., 1999.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. – М., 1996.

Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII – XIII вв. (по находкам художественной утвари) // Автореферат диссертации к.и.н. 1971.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. – М.: Наука, 1983.

Мажитов Н.А. Поселения бахмутинской культуры // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.

Мажитов Н.А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.

Мажитов Н.А. Поселение Ново-Турбаслинское II // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. I.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала в VIII-XII вв. М., 1981.

Мажитов Н.А. Средневековые города башкир // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа, 2010.

Мажитов Н.А., Иванов В.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. Город Башкорт – древняя столица Башкортостана // Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М. – Уфа, 2007.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность, средневековье. Уфа, 2009. С.176-189;

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Иванов В.А., Саттаров Т.Р., Султанова А.Н., Иванова Е.В. Городище Уфа-II. Т.I. Уфа, 2007.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Саттаров Т.Р., Султанова А.Н. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2007 года. Т.II. Уфа, 2009.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. Средневековый город Башкорт (Уфа) // Вестник академии наук Республики Башкортостан. 2007. Т.12, №3.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Исмагилов Р.Б., Бахшиева И.Р. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2008 года. Т.III. Уфа, 2009.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Мухаметдинов В.И. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2009 года. Т.IV. Уфа, 2011.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. Еще раз о городе Башкорт – столице средневекового Башкортостана // Вестник академии наук Республики Башкортостан. 2007. Т.12, №4.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.-Л, 1951.

Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // Материалы и исследования по археологии СССР – 136. М., 1966.

Маринович Л. П. Александр Македонский и полисы Малой Азии

// Вестник древней истории. М., 1980. №2.

Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский. М., 1993

Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Судьба Парфенона М., 2000.

Марков Г.Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. – М.: Изд-во Московского университета, 1976.

Массон В. М. Поселение Джейтун // Материалы Института Археологии. М., 1970. №180.

Массон В. М. Раннеземледельческие общества и формирование поселений городского типа // Ранние земледельцы. Л., 1980

Массон В. М. Типология древних городов и исторически процесс // Древние города. Л., 1977.

Массон В.М. Первые цивилизации. М., 1989.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. М., 1976.

Матвеева Г.И. Шареевский могильник // Из истории Башкирии (дореволюционный период). Уфа, 1968.

Матвеева Г.И. Памятники I тыс. н. э. левобережья р. Белой // АЭБ. Т. III. Уфа, 1968.

Матвеева Г.И. Памятники караякуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып. 5. Куйбышев, 1975.

Матвеева Г.И. Улукулевское селище и Сахаевский могильник в Башкирии // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.

Матвеева Г.И., Морозов В.Ю. Кармалинское городище // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. – Самара, 1991.

Матюшин Г.Н. Археологические исследования в окрестностях г. Уфы // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып. 2.

Матюшин Г.Н. Новые археологические памятники в окрестностях города Уфы // АЭБ. Т. I. Уфа, 1962.

Мацулевич Л.А. Византийский антикт в Прикамье // МИА. М.-Л., 1940.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Начальные этапы Урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. – М.: «Университет Дмитрия Пожарского», 2011.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия)//История СССР, 1986. № 5.

Миланова А. Типология на укрепени селища в България под византийска власт (според лексика на византийски автори) // CIVITAS DIVINO-HUMANA в чест на професор Георги Бакалов. – София, 2004.

Михайлов Ст. За някои характерни черти на българския средновековен град // Преслав. Сборник 3. – Варна: «Георги Бакалов», 1983.

Могильников В.А. Сибирские древности VI-X вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. Т. 2. М., 1974.

Морозов В.Ю. Пути проникновения Сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // КЕС. Самара, 1996.

Морозов В.Ю. Использование находок сасанидских монет для хронологии археологических памятников Поволжья и Прикамья // КЕС, - Самара, 1998.

Мошкова М.Г. Лебедевский могильник и Великий шелковый путь // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. Ташкент, 1990.

Невская В. П. Византия в классическую и эллинистическую эпоху. М., 1953.

Немировский А.И. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962.

Нигамаев А.З. Ранняя история Елабуги. Исторический очерк. - Елабуга: ЕГПУ. 2007.

Нингамаев А.З. 2005. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чалы. Своеобразие материальной культуры населения. – Казань: КГУ. – 228 с.

Обломский А.М. Верхнее Подонье в V в.н.э. как часть Гуннской державы // Археологическое изучение Центральной России. Тез. докл. научн. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения В.П.Левенка. – Липецк, 2006.

Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской Империи (1207-1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана / Сост., вступ. ст., комм., указатели, подбор иллюстраций и карт М.С. Гатина, Л.Ф. Абзалова, А.Г. Юрченко. Казань: Татар. КН. Изд-во, 2008.

Овсянников В.В. Развитие вооружения в лесостепном Приуралье во второй половине I тысячелетия н.э. // КЕС, Самара, 1998.

Оппенгейм А. Лео. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. – М.: Наука, 1980.

Оппенгейм Л. Древняя Месопотамия. М., 1990

Павленко Ю. В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. Киев, 1989.

Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999.

Панахалиева Д.У. Некоторые архивные данные о городище Хаджи-Тархан // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы

исторической науки. Материалы Всероссийской научной конференции 11 апреля 2007 г. Астрахань., 2007. С. 126-131.

Пачкалов А.В. О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археология та етнологія Східної Європи : матеріали і дослідження. Одеса, 2002. Т. 3.

Петрухин В.Я. Еврейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009.

Петрухин В.Я. Мог ли хазарский каган быть иудеем? // Научные труды по иудаике. Мат. XVIII Междунар. ежегодн. конф. по иудаике. Т. II. [Центр научн. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Академическая серия. Вып. 35]. – М., 2011.

Петрухин В.Я. Хазарский каганат и его соседи // История татар. Т. I. Народы степной Евразии в древности. – Казань: Рухият, 2002.

Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001.

Пигулевская Н.В. Города Ирана в раннем средневековье. – М.-Л., 1956.

Плетнёва С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. Том 1. – Харьков: Каравелла, 2002.

Плетнёва С.А. Кочевники Средневековья. – М.: Наука, 1982.

Плетнёва С.А. Саркел и «шёлковый путь». – Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1996.

Продолжатель Феофана / ред. Я. Н. Любарский. СПб., 1992

Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. Перевод: С.П.Кондратьев. – М.: ВИКА-пресс, 1996.

Псянчин А.В. Башкортостан на старых картах. Уфа, 2001.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.

Пшеничнюк А.Х. Уфимский курганный могильник // АЭБ. Т. III. Уфа, 1968.

Пшеничнюк А.Х. Курганы средневековых кочевников на Южном Урале // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.

Рашев Р. Българската езическа култура VII –IX век. – София, 2008.

Рашев Р. Цар Симеон. Щрихи към личността и делото му. – София: Фабер, 2007

Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в римской империи. Т. 1. СПб, 2000.

Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Вып. XLIII. М., 1952.

Седов В.В. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского раннесредневекового города. – М: Институт археологии АН СССР, 1989.

Семёнов И.Г. К вопросу об исторической географии Хазарии. // Материалы Восьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 1. Москва, 2002..

Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз, Алма-Ата, 1972.

Сергеенко М.Е. Помпеи. СПб., 2004.

Сидорова Н. А. Афины. М., 1984.

Скисов С.Ю. Вопросы датировки и хронологии Красноярского городища в золотоордынский период // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. (Астрахань, 18-21 октября 2010 г.) Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010.

Сорочан С.Б. Декларация или факты? О некоторых новшествах в изучении христианской топографии византийского Херсона // Сугдейский сборник. Вып. IV. – Киев–Судак, 2010.

Ставинский Б.Я. Великий шелковый путь – первая в истории человечества трансконтинентальная трасса обмена товарами и культурными достижениями // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. Ташкент. 1990.

Станилов С./Атанасов Г. Сребърни украси за колан от Шуменския музей // Археология 35. 1993, № 1.

Строгецкий В. М. Афины и Спарта: борьба за гегемонию в Vв. до н.э. СПб, 2008.

Строгецкий В. М. Полис и империя в классической Греции. Н-Новгород, 1991.

Сунгатов Ф.А. Погребальные комплексы Дежневского и Ново-Турбаслинского могильников (по материалам раскопок 1989-1992 гг.) // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V-VIII вв. н.э.). Уфа, «Гилем», 1998.

Теплоухов Ф.А. Древности пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути // Пермский край III в. Пермь. 1895. С.44; Смирнов А.П. Восточный сосуд из Молотовской области в собрании Государственного исторического музея // ЛВДИ. 1941. №1.

Торбатов С. Укрепительната система на провинция Скития (края на III – VII в.). –В.Търново: Фабер, 2002.

Трансазиатский путь – ветвь Шелкового пути по археологическим данным // Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии (сборник статей). СПб., 1997.

Туаллагов А.А. Курганное аланское погребение у сел. Брут (Северная Осетия) // Археологический журнал. № 2. – Армавир, 2008.

Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII-XIV вв.// МИА. № 169. 1969. С.253-261

Фехер Г. Ролята и културата на Прабългарите. София, 1997.

Флёрв В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.

Флёрв В.С. Итиль: возможности реконструкции // EURIKA. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovaе. – София: Национален археологически институт с музей, 2009б.

Флёрв В.С. Итиль: что может ждать археологов на месте столицы Хазарского каганата // Дивногорье: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 1: Археология // Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2009а.

Флёрв В.С. К вопросу о социальном строе в Хазарском каганате (по материалам Маяцкого могильника) // Социальная дифференциация общества: Поиски археологических критериев. – М., Институт археологии, 1993.

Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.

Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2001.

Фролов Э. Д. Греческие тираны. Л., 1972.

Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988

Фролов Э. Д. Факел Прометея. Л., 1991

Харитонов Д.Е. Монеты Прикамья // Календарь – справочник Пермской области на 1964 г. Пермь, 1963.

Хузин Ф.Ш. Новые публикации об археологических исследованиях в столице Башкортостана: городище Уфа-II // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып.2. Казань, 2010.

Хузин Ф., Набиуллин Н., Нигамаев А., Ситдииков А. Другие городские центры // История татар с древнейших времен в семи томах. Т.II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006.

Черетаев А. А. Византия. Юстиниановская эпоха. М., 2004.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. – М.: Наука, 1980.

Шамильоглу Ю. «Джагафар Тарихы». Как изобреталось болгарское самосознание // ж. «Родина». 2007. №8.

Широкова Н.С. Orpida Южной Галлии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький, 1985.

Шишова И. А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции Л., 1991.

Шнайштейн Е.В. Средневековый Мошаик // Материалы четвертой краеведческой конференции (Часть II). Астрахань, 1992.

Шнирельман В.А. Наследие советской археологии // Российская археология. 1998, №2.

Шнирельман В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования сталинской национальной политики // Этнографическое Обозрение 3. 1993.

Юрченко А.Г. Улус Джучи на карте мира XIV в. (Знаки и символы Каталонского атласа 1375 г.) // Золотоордынская цивилизация. Вып. I. Казань, 2008.

Яворская Л.В. Самосдельское городище в золотоордынский период по данным археозоологии // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. (Астрахань, 18-21 октября 2010 г.) Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010.

Been G.E., Cook J.M. The Halicarnassus Peninsula // British School at Athens. v.50. 1955.

Childe G.V. The Prehistory of European Society. Harmondsworth, 1958

Childe G.V. The urban revolution // *Town Planning Review*. V.21. 1950 Coe M. D. Mexico. NY., 1962.

Connolly P. Pompeii. Oxford, 2003.

Edmondson J. Cities and Urban Life in the Western Provinces of the Roman Empire, 30 BCE–250 CE // *A companion to the Roman Empire* / Ed. by D.S. Potter. Oxford, 2006.

Fodor I. Magyarország története 1. Őstörténet és honfoglalás. Budapest. – Kossuth Kiadó.

Franc T. An Economic Survey of Ancient Rome. v. IV. Baltimore, 1938

Goodman P.J. The roman city and its periphery. From Rome to Gaul. Abingdon, NY, 2007.

Hammond N. G. Studies in Greek History to 322 B. C. Oxf., 1973

Jeffery J.H. Old Smyrna // *British School at Athens*. v.59. 1964

Jenkins I. The Parthenon Friese. L., 1994

Lomas K. The idea of a city: elite ideology and the evolution of urban form in Italy, 200 BC-AD 100 // *Roman urbanism. Beyond the Consumer City*. Ed. by H.M. Parkins. L, NY, 1997. P. 21-40.

Macartney C.A. The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1930. Map illustrating Places and Racial Movements discussed in Text.

Meiggz R. The Athenian Empire. Oxf., 1972.

Monfort C.C. A new perspective for the demographic study of Roman Spain // *Revista de Historia da Arte e Arqueologia*. 1995-1996. № 2.

Noonan Th. Russia, the near east, and the Steppe in the early Medieval period: an examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama – Urals area // *Archivum Eurasiac Meclii Aevi*. Wiesbaden, 1982/.VII.

Parkin T.G. Demography and Roman society. Baltimore, London, 1992.

Renfrew C. The emergence of civilization. L.1972

Roebuck C. Ionian trade and colonization. NY., 1959

Scheidel W. The demography of Roman state formation in Italy // *Stanford Working Papers in Classics*. Princeton. November. 2005. P. 1-17.

Swain J. W. The Ancient World. NY., 1950 v.I

Vidal- Naquet V. La tradition de L'hoplite athenien // *Le chasseur noir*. P., 1981.

Alföldi A. Études sur le trésor de Nagyszentmiklós // Cahiers Archéologiques 5. 1951.

Wakou Anazawa/Jun'ichi Manome. Korean envoys on the mural painting from ancient Samarkand (Engl. summary) // Chosen Gakuho: Journal of the Academic Association of Koreanology in Japan 80. 19.76.

Arnold B. The past as propaganda: totalitarian archaeology in Nazi Germany // Antiquity 64. 1990.

Bálint Cs. Vestiges archéologiques de l'époque tardive des Sassanides et leurs relations avec les peuples des steppes // Acta Archaeologica Hungarica 30. 1978.

Bálint Cs. Hungarian archaeology and nationalism (summary) // Gyula Csaba Kiss/István Kovács (Eds). Hungaro-Polonica. Budapest, 1986.

Bálint Cs. Die Archäologie der Steppe, Wien-Köln 1989.

Bálint Cs. A szegedi régészeti kiállításról // Communicationes Archaeologicae Hungariae 1990.

Bálint Cs. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe: Das Grab von Üč Tepe (Sowj. Azerbajdzan) und der beschlagverzierte Gürtel im 6. und 7. Jahrhundert // Falko Daim (Ed.), Awarenforschungen, Studien zur Archäologie der Awaren 4, 2 vols. (=Archaeologia Austriaca, Monographien 1). Wien, 1992.

Bálint Cs. Probleme der archäologischen Forschung zur awarischen Landnahme // Michael Müller-Wille/Reinhard Schneider (Eds), Ausgewählte Probleme europäischer Landnahmen des Früh- und Hochmittelalters (=Vorträge und Forschungen 41). Sigmaringen 1993.

Bálint Cs. Hungarian contribution to the archaeology of Central and Southeastern Europe // Hungarian Studies 12. 1997.

Bálint Cs. Byzantinisches zur Herkunftsfrage des vielteiligen Gürtels // Csanád Bálint (Ed.), Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert // Varia Archaeologica Hungarica 10). Budapest-Napoli-Roma, 2000.

Bálint Cs. A nagyszentmiklósi kincs. Régészeti tanulmányok (Der Schatz aus Nagyszentmiklós: Archäologische Studien). Budapest, 2004.

Brather S. Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 42. Berlin-New York, 2004.

Bussagli M. La peinture de l'Asie Centrale. Genève, 1963.

Curta F. The changing image of the Early Slavs in the Romanian historiography and archaeological literature: A critical survey // *Südostforschungen* 53. 1994.

Daim F. Die Awaren in Niederösterreich // *Wissenschaftliche Schriftenreihe Niederösterreich* 28). St. Pölten-Wien, 1977.

Dujčev I. Il mondo slavo e la Persia nell'alto Medioevo // *La Persia e il mondo greco-romano*, Atti convegno (Roma 1965). Roma, 1966.

Erdélyi I. Die Kunst der Awaren. Budapest, 1966.

Fettich N. Garnitures de fourreaux de sabres du temps des Avars, en Hongrie // *Aréthuse* 10. 1926.

Fettich N. Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen

Denkmäler // *Seminarium Kondakovianum* 2). Prague, 1929.

Fiedler U. Die spätawarenzeitlichen Gürtelbestandteile vom Typ Vrap-Erseke aus Velino (Bez. Varna, Bulgarien) // *Germania* 74. 1996.

Fodor I. Száz éve született id. Fehér Géza // *Archeologiai Értesítő* 117. 1990.

Frumkin G. Archaeology in Soviet Central Asia // *Handbuch der Orientalistik* 7. Kunst und Archäologie 3, Innerasien 1. Leiden-Köln, 1970.

Gabain A. Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850-1250) // *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica* 6). Wiesbaden 1973.

Gaulier S./Jera-Bezard R./Maillard M. Buddhism in Afganistan and Central Asia // *Iconography of Religions*, section 13, Indian religions 14. Leiden, 1976.

Gorbunova N. The Culture of ancient Ferghana: VI c. B.C. – VI c. A.D. // *British Archaeological Reports International Series* 281. Oxford, 1986.

Grenet F. L'art zoroastrien en Sogdiane // *Mesopotamia* 21. 1986.

Grünwedel A. *Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan*. Berlin 1912.

Hambis L. *L'Asie centrale: Histoire et civilization*. Paris 1977.

Hančar F. Der Gürtel als Träger urtümlicher Kultgedanken // *Asien-Berichte* 2. 1940.

Hardt M./Lübke C./Schorkonitz D. (Eds). *Inventing the Pasts in North Central Europe // Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel* 9). Frankfurt am Main-Berlin-Bern-Brüssel-New York-Oxford-Wien, 2003.

- Haussig H. Geschichte Zentralasiens und der Seidenstraße in islamischer Zeit. Darmstadt, 1988.
- Haussig H. Die Geschichte Zentralasiens und der Seidenstraße in vorislamischer Zeit. Darmstadt, 1992.
- Herrmann J. Ökonomie und Gesellschaft an der Wende von der Antike zum Mittelalter // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der Deutschen Demokratischen Republik, Gesellschaftswissenschaften 13G). Berlin, 1979.
- Hofer T. Ethnography and prehistory at the time of the Millennium (Engl. summary) // Magyar Tudomány 8. 1996.
- Ierusalimskaja A. Die Gräber der Moščevaja balka. München, 1996.
- Junker K. Research under dictatorship: the German Archaeological Institute 1929-1945 // Antiquity 72. 1998.
- Kohl Ph. Nationalism, Politics and the Practice of Archaeology in Soviet Transcaucasia // Journal of European Archaeology 1-2. 1993.
- Kohl Ph./Fawcett C. (Eds). Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology. Cambridge, 1995.
- Kovačević J. Avarski kaganat. Beograd, 1977.
- Kósa L. The beginnings of Hungarian culture" (Engl. summary) // Magyar Tudomány 8. 1996.
- Krüger B. (Ed.) Die Germanen: Ein Handbuch, 2 vols. // Veröffentlichungen des Zentralinstituts für Alte Geschichte und Archäologie der Akademie der Wissenschaften der DDR 4. Berlin, 1978/1983.
- Kürti B./Lőrinczy G. "...avarnak mondták magukat..." ("...they called themselves Avars..."). Szeged, 1991.
- László Gy. Kolozsvári Márton és György Szent-György szobrának lószerszámja. Kolozsvár, 1942.
- László Gy. Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars // Archaeologia Hungarica 34. Budapest, 1955.
- von Le Coq A. Chotscho: Königlich-Preussische Turfan-Expedition. Berlin, 1913.
- von Le Coq A. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925, reprint Graz, 1977.
- Litvinskij 1986: Boris A. Litvinskij, Antike und frühmittelalterliche Grabhügel im westlichen Ferghana-Becken, Tadžikistan (=Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 16), Bonn 1986.
- Maillard M. Essai sur la vie matérielle dans l'oasis de Tourfan pendant le Haut Moyen âge // Arts Asiatiques 29). Paris, 1973.

Montgomery McGovern W. The early empires of Central Asia: a study of the Scythians and the Huns and the part they played in world history. Chapel Hill, 1939.

Martiniani-Reber M. Soieries sassanides, coptes et byzantines Ve-XIe siècles // Inventaire des collections publiques françaises 30). Paris, 1986.

Mavrodinov N. Le trésor protobulgare de Nagyszentmiklós // Archaeologica Hungarica 29. Budapest, 1943.

Olivier L. L'archéologie française et le régime de Vichy (1940-1944) // European Journal of Archaeology 1. 1998.

O'Neill J. Along the Ancient Silk Routes: Central Asian Art from the West Berlin State Museum. New York, 1982.

Pluciennik M. Archaeology, archaeologists and Europe // Antiquity 72. 1998.

Popa R. Die Geschichte Rumäniens um das Jahr 1000: Bemerkungen und Berichtigungen // Zeitschrift für Siebenbürgische Landeskunde 15. 1992.

Popa R. Remarques et compléments concernant l'histoire de la Roumanie autour de l'an mil // Revue Roumaine d'Histoire 33. 1994.

Protić A. Les origines sassanides et byzantines de l'art bulgare // Mélanges

Charles Diehl 2: Art, Paris 1930.

Rowland B. The Wall-Painting of India, Central Asia and Ceylon. Boston, 1938.

Schlumberger D. L'Orient hellénisé, l'art grec et ses héritiers dans l'Asie non méditerranéenne. Paris, 1969.

Schüppe E. Gürtel und Orendismus // Oberdeutsche Zeitschrift für Völkerkunde 2. 1928.

Hildegard Gräfin Schwerin von Krosigk, Gustaf Kossina: Der Nachlass - Versuch einer Analyse. Neumünster, 1982.

Silberman N.-A. Nationalism and Archaeology // The Oxford Encyclopaedia of Archaeology in the Near East 4. New York-Oxford, 1997.

Smolla G. Das Kossina-Syndrom // Fundberichte aus Hessen 19/20, 1979/1980.

Šnirelman V. Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia. Washington, D.C. 1996.

Spuler B. Geschichte Mittelasiens seit dem Auftreten der Türken // Karl Jettmar et al. (Eds), Geschichte Mittelasiens // Handbuch der

Orientalistik 1., dept. Der Nahe und der Mittlere Osten 5, vol. 5: Altaistik. Leiden-Köln, 1966.

Steuer H. (Ed.), Eine hervorragend nationale Wissenschaft: Deutsche rähistoriker zwischen 1900 und 1995 // Ergänzungsbande zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 29. Berlin-New York, 2001.

Supka G. Motívumvándorlás a korábbi középkorban (Motivwanderung im Frühen Mittelalter) // Archeologiai Értesítő 34. 1914.

Sylwan V. Investigations of Silk from Edsem-gol and Lop-nor and a survey of wool and vegetable materials // The Sino-Swedish Expedition 32, VII. Archaeology 6. Stockholm, 1949.

Veit U. Ethnic concepts in German prehistory: a case study in the relationship between cultural identity and archaeological objectivity // Stephen S. Shennan (Ed.), Archaeological Approaches to Cultural Identity: One World Archaeology. Southampton, 1989.

Witljanov S. Ein vergoldetes Silbermedaillon aus Preslaw // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 42, 1990.

Waldschmidt E. Religiöse Strömungen in Zentralasien: Zur Verbreitung der Christen und Manichäer in Ostturkestan. Berlin, 1930.

Werner J. Der Grabfund von Malaja Perešćepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren // Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Abhandlungen 91. München, 1984.

Widengren G. Manichäism and its iranian background // Ehsan Yarshater (Ed.), The Cambridge History of Iran 3. Cambridge, 1983.

Williams J. The Art of Gupta India: Empire and Province. Princeton, New Jersey, 1982.

Yaldiz M. Archäologie und Kunstgeschichte chinesisches Zentralasiens (Xinjiang) // Handbuch der Orientalistik dept. 7, Kunst und Archäologie 3, Innerasien 2. Leiden-New York-Copenhagen-Köln, 1987.

Zachrisson I. Archaeology and Politics: Saami prehistory and history in Central Scandinavia // Journal of European Archaeology 2, 1995.

**ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА И ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ
И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ**

Сборник научных статей

Технический редактор И.В. Пономарев

Лиц. на изд. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 26.08.2013.
Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.
Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 11,5. Уч.-изд. л. – 11,3.
Тираж 100 экз. Заказ № 2512

ИПК БГПУ 450000, г.Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а

